Примитивист Тыко Вылко

Озеро Нехватово. 1950-ые гг.

Птичий базар. 1950-ые гг.

ISSN 0868–4855. СЛОВО 1992. №1-6. 1–88. Индекс 70110

ISSN 0868—4855

СЛОВО

1-6 · 1992

В. М. Васнецов.
Ангел со светильником

Апипий, настоятель Псково-Печерского монастыря. См. стр. 28 и цветную вкладку

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Дорогие наши читатели, верные радетели и сподвижники «Слова»!

Сердечно поздравляем Вас с Новым годом, желаем добра, здоровья, благополучия Вашим семьям, родным и друзьям!

Благодарны каждому, кто пожелал остаться с нами, и каждому, кто стал нашим подписчиком впервые.

Мы бы хотели быть Вам полезными и добрыми собеседниками в заботах духовных, потому как, видно, Богом ниспослано нам вместе одолевать духовную немоту тяжелейших лет России. Думали ли мы, легковерно и безмятежно вступая в 1985 году на сатанинский путь новых революционных потрясений, что так скоро окажемся не просто у развалин Отечества, но и у затухшего духовного пепелища. Теперь-то уже на собственном опыте мы знаем, что буйство стихийной демократии порождает и буйство сорных трав, а совсем не расцвет духовной нивы.

Да, скажем самокритично, русский человек и русский интеллигент, как всегда, так и сегодня, крепок задним умом. Ввергнув страну в пучину лихоимства, и народ, и интеллигенция прозревают медленно, страдальчески-кроваво, с огромными моральными и физическими издержками. Словно пережив опустошительную войну, вконец разоренная Россия стоит перед необходимостью нового московского собирания народных сил. Опять испытывается народное терпение, опять грядет русский бунт и беда... Но доколе же!

И если что-то дает нам надежду на выживание, так это тысячелетняя история Русского Духа, возрастающая от Святого Владимира — отца нашего Православия, Владимира Мономаха — учителя русского благонравия, Сергия Радонежского — провозвестника духа московского нестяжательства, от скорбного величия «Слова о полку Игореве» и нетленных фресок Андрея Рублева... Пусть сколько угодно ерничают современные неоинтернационалисты по поводу того, что гордиться якобы русскостью — это все равно что гордиться тем, что ты родился во вторник... Пушкин и Достоевский, Глинка и Менделеев, Суриков и Столыпин — гордились именно тем, что они русские.

Могуч дух наших предков. Даже во времена убийственно-кровавого большевистского террора русский дух Бунина и Гумилева, Есенина и Пастернака, Шолохова и Ахматовой, Булгакова и Прокофьева, Твардовского и Солженицына, Аникушина и Свиридова был неистребим! Он согревал наши души...

И вновь настал день для русских людей, оставшихся в своих наследно-национальных пределах, собраться с силами и физическими, и духовными, чтобы выстоять в схватке, более окаянной, чем когда-либо выпадала на долю русских со времен княжеских междоусобиц Киевской Руси и ордынского ига.

А выстоим духом, выстоим и в бою рукопашном, как не однажды бывало в нашей тяжкой истории. Потому и редакция «Слова» в наступившем году главным, ведущим для себя считает новый раздел — «Русскій міръ», с которым вы познакомитесь в этом номере.

Кого-то может насторожить наша откровенность, наше неуемное желание говорить во весь голос о Русском Духе, о Русской Идее и Русской Жизни. Но ведь, согласитесь, такова потребность и правда наших дней. Великий народ оказался гонимым, оказался в изгоях в собственной родительской земле. Его сыновей, болеющих сердцем за русский дом, бранчливо и нелепо обзывают «национал-патриотами», как будто эстонцы или литовцы, молдаване или грузины, занявшиеся обустройством обособленного дома, на самом деле интернациональные «патриоты»...

Десятибалльный накат во всем мире на русских, оголтелое, омерзительное поношение всего русского неотвратимо побуждает нас не только защитить честь и достоинство родного народа, но и возвысить его дух, напомнив, сколь велик и неуступчив он был во все времена, при всех невзгодах и бедствиях, выпадавших на долю русских.

И несмотря на все предательства и изуверства новоявленных перестроечных вождей, ввергнувших народ в затянувшиеся полуголодные страдания, мы приглашаем всех русских людей и их друзей к самопознанию, которое долгие десятилетия большевистская партократия пыталась подменить куцым, идеологически мертвым, казарменно-интернациональным бытованием всех «братских» народов.

Непростая задача во всех многомерных и многогранных проявлениях восполнить русскій потребный міръ, дать ему нравственные и духовные вершины, исторически установленные нашими предками. И все же задача остро-важнейшая, поскольку новые иго-племена, внешние и выросшие в недрах «большевистского рая», опять навязывают русским собственное эгоистическо-агрессивное скудоумие, выдавая его за широту демократизма. Но нам ли не знать их духовное бесплодие и вечную вторичность их заношенных, замусоленных идей.

К сожалению, в создании горемычного образа «иванов, не помнящих родства» мы повинны сами, не оказывая никакого сопротивления алчущим нашей униженности. Мы сами повинны, что бесовское стенание Ленина — «А на Россию, господа хорошие, нам наплевать!» — на целый долгий век стало нормой жизни. И большевики, и нынешние необольшевики, и демократы всех мастей плюют на Россию, ее тысячелетнюю историю и культуру, ее национальную память и духовное богатство, на великую, выстраданную христианско-православную мораль поисков правды и справедливости. Мы должны, обязаны одолеть это большевистское «наплевательство» на Россию, одолеть вместе, сообща. Будем же помнить крылатые слова великого русского философа Николая Бердяева: «Дух нации глубже демократии».

Каждого единодума-старотеля мы призываем на помощь. Русскій міръ может и должен стать общим домом людей честных, справедливых, боголюбивых, благонравных в своих помыслах и делах. Русский дом — наш родной для всех от мала до велика, кому дорога и люба родная земля и отчий край. Каждому в этой дороге найдется посильная ноша...

Не забудем, Киевская Русь, Новгородская республика, древняя Московия Сергия Радонежского и Дмитрия Донского, Русский Север, «Золотой» и «Серебряный» век русской культуры — духовная основа, на которой стоит РУССКІЙ МІРЪ! Познали ли вы его в полной мере, чтобы чувствовать себя русским во всем естестве своем?! Не познали?! Тогда в добрый путь, милые сердцу попутчики и доброхоты! Пусть познание когда-то отнятого духовного света освятит нашу душу верой в провидческую, мироносную миссию русского народа.

С уважением и надеждой на лучшие времена в русской жизни,

Ваш АРСЕНИЙ ЛАРИОНОВ

МОСКВА,
ДЕКАБРЬ 1991 г.

Pусскiи мiръ

Земля
Человек
Деяния

«Поучение» Владимира Мономаха

«Дети мои или кто иной, прочитав эту грамотку, не посмейтесь, но примите ее в сердце свое. Прежде всего, ради Бога и души своей, страх Божий имейте в сердце своем и милостыню давайте нескудную. Это — начало всякому добру. Встретили раз меня на Волге послы братьев моих и передали их слова: «Соединись с нами, выгоним Ростиславичей (Володаря и Василько) и волость их отнимем; если не пойдешь с нами, то мы порвем союз с тобою». И сказал я им: «Хоть вы и гневаться станете, не могу нарушить клятву и идти с вами». Отпустив послов, взял я в печали Псалтырь, раскрыл ее, и вот какое место попалось мне: «Вскую печалуеши, душе, вскую смущаеши мя и проч. (т. е. чего печалишься, душа, чего смущаешься?) Не помогай лукавствующим, не завидуй творящим беззаконье, лукавые погибнут, повинующиеся Господу, те получат власть над землей...» Поистине, дети мои, подумайте, как человеколюбив Бог и милостив, а мы — люди грешные и смертные. Если нам кто зло сотворит, хотим уничтожить врага нашего и кровь его пролить, а Господь наш, в руках Которого и жизнь и смерть людей, терпит грехи наши «выше главы нашей» (выше всякой меры). Он, как отец, который, любя свое дитя, хоть и наказывает, но затем ласкает. Тремя добрыми делами можно от греха избавиться и царствия Божия не лишиться: покаянием, слезами и милостынею. Не тяжкая эта заповедь, дети мои. Бога ради, не ленитесь; молю вас, не забывайте этих трех дел. Ни одиночество (отшельничество), ни монашество, ни голод (пост), чему подвергают себя некоторые благочестивые люди, не так важны, как эти три дела. . Послушайте меня, дети мои. Если не все наставление, то примите хоть половину. Да смягчит Бог ваше сердце; проливайте слезы о грехах ваших, говоря: «Как разбойника и мытаря помиловал Ты, Господи, так и нас грешных помилуй». И в церкви это делайте, и спать ложася. И когда случится быть, даже ездя на коне, говорите мысленно: «Господи, помилуй». Эта молитва всех лучше.

Всего же более убогих не забывайте, но по мере сил кормите их. Сироту и вдову сами на суде по правде судите; не дайте их сильным в обиду.

Ни правого, ни виноватого не убивайте, и не позволяйте убивать, хотя бы и заслуживал смерти; не губите никакой христианской души.

Когда речь ведете о чем, не клянитесь Богом, не креститесь; нет в этом никакой нужды. Если же придется вам крест целовать (давать клятву), то подумайте сначала хорошенько, можете ли сдержать клятву; а поклявшись, держитесь клятвы, чтобы, нарушив ее, не погубить своей души.

Епископов, попов и игуменов почитайте, принимайте от них благословение. Любите их и по мере сил заботьтесь о них, чтобы они молились за вас.

Более же всего не имейте гордости ни в сердце вашем, ни в уме: мы все смертны, — сегодня живы, а завтра в гробу. Все, что дал нам Бог, не наше, а поручено нам на короткое время. В землю сокровищ не зарывайте: то великий грех. Старика почитайте, как отца, молодых — как братьев.

В дому своем не ленитесь, но за всем присматривайте сами; не полагайтесь на тиуна вашего и отрока, чтобы приходящие к вам не посмеялись над домом вашим и над обедом. На войне не ленитесь, не надейтесь на воевод ваших, не предавайтесь ни питью, ни еде, ни сну. Сами стражу расставляйте. Устроив все, ложитесь спать около воинов, а вставайте рано. Оружия с себя не снимайте, не разглядев, есть ли опасность или нет: от беспечности человек может внезапно погибнуть.

Когда проезжаете по своим землям, не давайте слугам бесчинствовать и причинять вред ни своим, ни чужим, ни в селах, ни на нивах, чтобы не проклинали вас. Куда приедете, где остановитесь, напоите, накормите бедного. Более всего чтите гостя, откуда ни пришел бы он, простой ли человек, или знатный, или посол. Если не можете почтить подарком, то угостите кушаньем и питьем. Гости эти мимоходом по всем странам разнесут молву о человеке, как о добром или злом.

Больного посетите; покойников провожайте и не минуйте никого без привета, скажите всякому доброе слово. Жену свою любите, но не давайте ей власти над собою.

Что знаете полезного, не забывайте, а чего не знаете, тому учитесь. Мой отец, дома сидя, знал пять языков. За это ему была большая честь от других земель. Леность всему худому мать: что знаешь, то забудешь; чего не знаешь, тому не выучишься. Творите добро, не ленитесь ни на что хорошее.

Прежде всего идите в церковь. Пусть не застанет вас солнце на постели. Так делал и мой отец блаженный и все лучшие люди. Сотворив утреннюю молитву и воздав Богу хвалу, следует с дружиною думать о делах или творить суд людям, или ехать на охоту (если нет никаких важных дел), а потом лечь спать. В полдень самим Богом присуждено спать и человеку, и зверю, и птице.

А вот поведаю вам, дети мои, о своих походных трудах и охотах. (Здесь Владимир подробно перечисляет свои походы.) Всех моих походов было, говорится далее, 83 больших, а прочих меньших и не вспомню. Девятнадцать раз заключал я мир с половцами при отце и после смерти его. Более ста вождей их освободил из оков (из плена). Избито их в разное время около двухсот. А вот так трудился я на охотах и ловах: коней диких по 10, по 20 вязал я своими руками; два тура (дикие быки) метали меня на рогах с конем вместе; олень меня бодал; два лося — один ногами топтал, другой рогами бодал; вепрь оторвал у меня меч с бедра; медведь у колен прокусил подседельный войлок; лютый зверь вскакивал мне на плечи и валил меня с конем на землю. Но Бог сохранил меня целым и невредимым. С коня много раз я падал, голову разбивал дважды, получал повреждения руки и ног, особенно в юности моей, жизни своей не жалел, головы своей не щадил. Что можно было делать и отроку моему, то сам я делал — на войне и на ловах, ночью и днем, в летний зной и зимнюю стужу. Не давал я себе покою, не полагался ни на посадников, ни на биричей — сам все делал, что надо; сам смотрел за порядком в доме, охотничье дело сам правил, о конюшнях, о соколах и ястребах сам заботился. Простого человека, убогой вдовицы не давал в обиду сильным; за церковным порядком и службой сам присматривал.

Не осудите меня, дети мои, или иной, кто прочтет эти слова. Не себя я хвалю, а хвалю Бога и прославляю милость Его за то, что Он меня, грешного и худого, сохранил от смерти столько лет и сотворил меня неленивым и способным на все человеческие дела.

Прочитав эту грамотку, постарайтесь творить всякие добрые дела. Смерти, дети мои, не бойтесь, ни от войны, ни от зверя, но творите свое дело, как даст вам Бог. Не будет вам, как и мне, вреда ни от войны, ни от зверя, ни от воды, ни от огня, если не будет на то воли Божией, а если от Бога смерть, то ни отец, ни мать, ни братья не могут спасти. Божья охрана лучше человеческой...»

Братолюбец и добрый страдалец

Из поучения этого ясно видно, как глубоко понимал Владимир Мономах учение Христово, как заботился он о правом суде и защите слабых, как высоко понимал обязанности князя.

Вспомним, как хлопотал он о прекращении усобиц, о примирении враждующих, вспомним, что по его мысли собирались княжеские съезды (Любецкий, Витичевский); что он постоянно настаивал на общем союзе князей против половцев, — и мы поймем, почему так высоко ставили современники этого великого человека.

Он, по словам летописца, не величался, по заповеди Божией творил добро врагам своим, был очень милостив к нищим, не щадил имения своего — все раздавал нуждающимся. Понятно, отчего его так любил и простой народ, и духовенство; да и дружина не могла не любить его — вождя, не знавшего страха в бою, отважного охотника, князя милостивого и щедрого, хотя и не дававшего своим приближенным большой воли, не позволявшего им обижать народ. Благочестием он отличался таким, что, стоя в церкви и слушая церковное пение, не мог удержаться от слез. Только к половцам, заклятым врагам Русской земли, он был суров, а иногда и беспощаден. (В одном случае он даже позволил боярам убить двух половецких послов.) Умер Мономах на 74-м году от роду (1125 г.).

Тело его было привезено в Киев. Сыновья и бояре понесли его к св. Софии; тут его и погребли рядом с отцом его. Народ плакал по нем, говорит летописец, «как дети плачут по отце и матери».

Потрудился он для Русской земли. «Слава о его доблести сияла, как солнце, и прошла по всем странам». По метким словам летописца, он был «братолюбец и нищелюбец и добрый страдалец за землю Русскую».

Владимир Мономах был в близких сношениях со многими европейскими государями. С некоторыми из них и породнился. Сам он был, как сказано, сын греческой царевны. Первой супругой его была Гида, дочь английского короля Гарольда. Старший сын Владимира — Мстислав — был женат на Христине, дочери шведского короля. Одна дочь Владимира была замужем за угорским (венгерским) королем, другая — за греческим царевичем.

Дорогую по себе память оставил Владимир Мономах в народе, который свою любовь к нему перенес и на потомство его. Князья Мономахова рода долго пользовались особенным доверием народа.

Цари московские впоследствии великою честью для себя считали называться потомками Владимира Мономаха. В Оружейной палате хранятся так называемая Мономахова золотая шапка и еще некоторые принадлежности торжественного царского убора (скипетр, держава и бармы). По преданию, они были присланы греческим императором в дар Владимиру Мономаху. Впоследствии московские цари, в день торжественного венчания на царство, стали возлагать на себя эту шапку и бармы.

Новая русская хрестоматия. Часть I. Из раздела «Родина». Составил Л. О. Вейнберг. Москва, 1905.

Остановитесь перед памятниками Пушкину в Санкт-Петербурге, Кишиневе, Гурзуфе. И вы поймете главное: ваятелю мало знать, любить, чувствовать великого поэта, надо обладать собственным огромным и светлым даром, чтобы мы все, такие разные, называли эту холодную бронзу именем Пушкина.

Перед вами недавняя, последняя работа пушкинианы Михаила Константиновича Аникушина. Этот неожиданный, удивительный портрет только таким и мог быть. Он — для семейного круга, для родственного общения, создавался по просьбе английских потомков Пушкина. Семья носит нынче фамилию Филипс, их загородный замок Лутон-Ху расположен в сорока километрах севернее Лондона. Там, в галерее предков, и находится сейчас этот портрет. Прекрасный, спокойный человек. Пушкин.

Э. Горчакова

МИХАИЛ АНИКУШИН

Без него не прожить

Я родился и провел детские годы в Москве. И, конечно, сызмала знал имя и стихи Пушкина. Но это было бездумное, отвлеченное знание, как то, к примеру, что мы дышим воздухом, а жажду утоляем водой. Есть стихи и сказки, есть равное удовольствие слушать их и произносить самому. А написал их некто Пушкин.

Но вот однажды — я очень хорошо это помню — мы с мамой ехали в трамвае, и трамвай пересекал Страстиой бульвар. Я смотрел в окно — и вдруг увидел Пушкина. Скорбный наклон головы и поникшие плечи ничуть не уменьшали, напротив — подчеркивали достоинство его печали. И естественной, неоспоримой была его вознесенность над миром, над площадью, трамваем и людьми. Жизнь страиным образом разделилась для меня на две равновеликие части — Пушкин и все остальное.

Наверное, я сегодня неточно передаю свое тогдашнее состояние. Это невозможно, как невозможно сбросить со счетов всю прожитую жизнь. Огромная ее часть была отдана высокому и полезному удовольствию — постижению Пушкина. Но одно я помню точно: встреча с памятником Пушкину, который я воспринял как живого Пушкина, стала для меня открытием огромного мира, не исследованного до конца до сих пор.

В этом мире было радостно и тревожно, было бурное, стремительно пролетавшее счастье и беды затяжные, как осенние дожди. В его шестнадцать лет все знали, что он — гений. Лучшие умы и лучшие сердца России, а в наших условиях это почти всегда одно и то же, пытались наставить его, охранить, спасти. Но уже в двадцать с небольшим он остается брошенным на волю судьбы, без духовного и душевного призора. С тех пор все свое — дружбу, любовь, путь в творчестве и образ жизни — выбирал сам. Часто в выборе был нелогичен и доверчив, обманывался, страдал, отрекался и все-таки стоял на своем.

Многим близким казалось, что поэту Пушкину нужна тишина, нужен покой — заточение в Михайловском или Болдине. Что только человек Пушкин привязан к Петербургу любовью, тоской и привычкой. А человек был крупнее поэта, человек дерзал в прозе, драматургии, истории, проблемах народного просвещения, на поприще практическом.

В России слишком часто, слишком много уходит в песок либо в долгий ящик. Сегодня говорим о себе — мы на краю пропасти, на краю экономическом и духовном. Наверное, до духовного края еще не дошли, если обращаемся не только к пророчествам астрологов, но и к Пушкину. Особенно часто цитируем его характеристику русского бунта. То же бы — впрок, как всякая возможность себя, как в зеркале, увидеть. Но вот беда: Пушкину это самоутверждение удовольствия не доставляло, напротив, он относил это свойство к разряду постыдных. Мы же сегодня воспринимаем его, как нечто написанное на роду, и ведем себя якобы сообразно с неизбежностью.

Меня всю жизнь глубоко и печально изумляет одно обстоятельство: имея в своей национальной родословной Пушкина, искренне восхищаясь им, мы его не знаем. В сущности, он для нас не поэт, не прозаик и не мыслитель. Он — набор цитат. По случаю погоды, самочувствия и, уж конечно, любого политического всплеска. И дальше — ни ногой.

Вот сейчас бьем во все колокола и истошно кричим об ущербности и глупости нашего школьного образования. Но отчего же не откроем короткую пушкинскую записку «О народном воспитании»? Ведь гений писал, царю писал, со всей подобающей случаю ответственностью. Помимо собственных высоких качеств, был Пушкин еще и учеником Куницына, а последний, между прочим, был профессором нравственно-политических наук.

Но мы не умеем учиться у прошлого, не собираем по крупицам опыт и мудрость предшествующих поколений. Увы, это относится и к Пушкину. Мы рушим до основания, а затем сидим в том, в чем сегодня сидим.

Меня поразила и обрадовала решимость журнала «Слово» начать серьезный разговор о Пушкине за восемь лет до двухсотлетия поэта. Есть в нас — не будем рассуждать, плоха она или хороша, — уже генетическая, наверное, способность остро и глубоко воспринимать личность или событие именно в периоды юбилеев. За восемь лет есть надежда разобраться и высказаться.

Баратынский в свое время сказал, что Пушкин возвел «русскую поэзию на ту ступень между поэзиями всех народов, на которую Петр Великий возвел Россию между державами». Да и не только поэзию, Пушкина мир давно воспринял как явление всечеловеческое. Глубина и дивная простота его прозы, драматургия, где действие ведется по закону туго сжатой пружины, а характеры и коллизии прописаны с редкостной, почти символической полнотой — все это тоже стало достоянием человечества и школой для всемирной литературы. Думаю, что не только сюжеты, но сама мелодика пушкинского слова много способствовала рождению еще одного чуда — русской оперы и русского романса. Но это все — для творческого и творчески воспринимающего слоя. Он во всем мире достаточно тонок. С Пушкиным случилось невероятное — он в своей стране всенародно известен. Характеризуя наши чувства к нему, многие уже использовали такое не очень точное определение — народный святой. Я разделяю это мнение, конечно помня о своеобразии российской святости.

Итак, святой. Данный нам не мирозданием или официальной религией — сами выбрали. И хорошо, подробно знаем житие этого святого. Что же знаем? Да, в сущности, всю правду. Жил трудно, не зная достатка, работал много, хотя и понимал, что на заработок писателя и издателя с большой семьей не прожить. Был неровен характером, вспыльчив и обидчив, но веселый был человек! Умел обдумать и сказать горькую правду о своем народе, но хулы на Россию не оставлял без ответа. Имел собственное, личное, и национальное достоинство, и это было для него слитное чувство. Он любил родину, не отрекаясь от ее прошлого, не глумясь над настоящим, да и без боязни за будущее.

Была у Пушкина, как у всякого русского человека, внешняя скромность. Но он знал себе истинную цену, знал, что он для России, и через всю жизнь пронес верность девизу лицейской юности. А девиз тот был: «Для общей пользы».

Помните его «Памятник»? Он перечислил многие народы. И есть там просто «гордый внук славян», но нет, к примеру, украинца. Потому что для него Россия, Украина, Белоруссия — один народ и одна страна. По крови, по языку, по строю народной песни и вере — один народ. Даже первичная государственность — едина. А вот я в прошлом году, еще до многочисленных суверенитетов, получив заказ на памятник Пушкину в Измаиле, на Украине, и сейчас всерьез — всерьез! — думаю, будет ли там стоять Пушкин. Нужен ли он сегодняшней бурной свободе? И если Украине вдруг окажется не нужен Пушкин — мне станет по-настоящему страшно и за судьбу Украины, и за судьбу свободы.

Что сегодня надо сказать людям, чтобы они меня услышали? Скажу самое простое: откройте пушкинские книги и пушкинскую жизнь. Вы научитесь работать, любить, прощать и верить. А без этого и без него просто не прожить.

Первая публикация юбилейной анкеты — выступление С. С. Гейченко в № 6, 1991.

ИВАН ШМЕЛЕВ

Бессердечная культура

Русская интеллигенция XIX века считала себя духовно связанной с Европой, была проникнута ее духом и культурой; но реальное соприкосновение с жизнью Запада в эмиграции XX века оказалось для многих очень болезненным.

Во время гражданской войны бывшие союзники, за чьи интересы русские войска дрались с немцами, повели себя не то чтобы по-предательски, а — своекорыстно. Главное же, что потрясло русскую эмиграцию, — это быстрая готовность Европы к соглашению с большевиками: признание Советской власти (одним из первых — английским премьер-министром Ллойдом Джорджем) и даже приветствие ее многими крупными писателями мира, а также скупка за бесценок русского сырья, драгоценностей, произведений искусства. Л. Андреев, Д. Мережковский в первые послереволюционные годы пишут о соглашательстве Европы целые трактаты. И. С. Шмелев в ряде публицистических статей, в «Солнце мертвых» также с горечью говорит об отношении Европы к России, но причина его неприятия Запада лежит глубже — в неприятии самого духа культуры, слишком «плотской», материальной.

А поскольку Шмелев предпочитает не рассказывать, а показывать в образах, каждая деталь и оговорка у него значимы. Многие герои-интеллигенты, как русские, так и западные, в его рассказах изучают эпоху Возрождения. Прокомментировать это можно, обратясь к статье о. С. Булгакова «Две встречи», которую Шмелев отмечает в своем дневнике. Булгаков пишет: «...здесь, на Западе, воспользовались античностью с ее еще дохристианской наивностью и по-своему чистотой, чтобы ее осодомить. Духовная болезнь потомков и наследников «бедного рыцаря» вскрывается в творчестве Ренессанса, с его язычествующим христианством... Вся она (живопись Ренессанса. — *Е. О.*) есть очеловечение и обмирщение божественного: эстетизм — в качестве мистики, мистическая эротика — в качестве религии, натурализм — как средство иконографии. Если выразить это в терминах богословия, то здесь восторжествовало некое художественное арианство, или же монофизитство. Была почувствована только человеческая стихия в боговоплощении, божественное потускнело и заслонилось человеческой красотой, обольстительно-двусмысленной, как улыбки на картинах Леонардо да Винчи, и человеческое без духа перестало быть человеческим, стало плотским».

Многие русские мыслители XX века пережили «крушение кумиров» и обратились к восточному Православию; говоря же о мировоззрении Шмелева, уместно сравнить его с другим философом и близким его другом — И. Ильиным, который писал: «...западно-европейская культура сооружена как бы из КАМНЯ и ЛЬДА. Здесь религия, искусство и наука (за немногими, гениальными исключениями!) холодны; а политика, техника, хозяйство и деловой оборот — жестки и суровы и вменяют себе эту жестокость в великую заслугу («высший уровень культуры!»)... Любовь мешает уму и воле; а культура считается именно делом воли и ума. Проявлять жизнь чувства ребячливо, несерьезно, просто — смешно! А стать смешным — это самое страшное дело для «серьезного» человека... Культура есть дело строгое, а строгость формальна, холодна и жестока».

Статья Ильина называется «Бессердечная культура» и построена так же, как переписка двух ученых: сначала письмо европейца, затем ответ русского. Конечно, шмелевский рассказ отличается от статьи философа: он образнее (чего стоит один древний фонарь с проведенным электричеством!), богаче интонациями; за каждым письмом виден облик пишущего: корректного и холодноватого шотландца (кстати, прадед жены Шмелева, Роман Охтерлони, был шотландцем из рода Стюартов) и нервного, пылкого русского. Но несомненно и то, что элемент философской публицистики присутствует в рассказе — публицистичность отличает всю эмигрантскую литературу начала 20-х годов. Неслучайно в «Два письма» (впервые опубликованы в газете «Руль» 6.04.1924 г.) целиком входит отрывок из публицистической статьи Шмелева «Слово о Татьяне» (январь 1924), со слов: «НАШИ праздники впереди, вдалеке...» — до: «И снова, снова — откроются перед нами дали, туманные, пусть обманные, НАШИ дали!»

Может быть, именно здесь, в отталкивании от западной культуры и зародилось, в эмиграции впервые, у Шмелева чаяние русских далей, русских ПРАЗДНИКОВ — с таким блеском описанных потом в «Лете Господнем».

ЕЛЕНА ОСЬМИНИНА
(вступление и публикация)

I

Дорогой N.N

...надо лишь глубже вдуматься!

Сейчас идет дождь, туманно, как всегда у нас в эту пору в Шотландии, на холмах. Но в моем кабинете тепло и сухо, жарко горит камин. Я только что вернулся с обычной своей прогулки, — она оказалась необычной! — и вот, вместо того чтобы сесть за работу над «Историей Возрождения», я невольно отдался встретившимся за прогулку мыслям. Во мне сейчас славная бодрость и радостность, подъем необычайный! Я с особенным наслаждением отпиваю глоточками ароматичный грог, — я немножко прозяб в прогулке, — и удобный мой кабинет, с афганским ковром, с почерневшим дубовым потолком, где еще видны крючки от клеток с перепелами и жаворонками, которых любил водить мой прапрадед, с потемневшими латами рыцаря у двери, от давнего моего предка, кажется мне еще покойней и дает больше уверенности в работе.

Итак, и перебираю встретившиеся за прогулку мысли. Они связались и с Вашим последним письмом ко мне.

Я зашел далеко — за шлюзы, за озерки. Что меня повело туда — не знаю. Я не страдаю рассеянностью, но сегодня так странно вышло. Там, близ фермы «Limit Ways», что по-русски значит — какие я делаю успехи! — «Предел дорог», — старинное название местности, — возле древней родовой нашей церкви есть очень давнее кладбище, сплошь заросшее вереском и барбарисом. Это и теперь еще очень глухое место, описанное Вальтером Скоттом. Я удивился — куда зашел! И вспомнил, что именно здесь мой дед встречал, на границе своих поместий, покойную королеву. Как Вы знаете, я далеко не мистик; но я ясно почувствовал что-то, отозвавшееся во мне тревогой. Было ли то от кладбища или это старая церковь, плачущая в дожде, тронула мою душу — не знаю. Но помню ясно, как сейчас же сказал себе: «Свиданье!» Больше двадцати лет не заглядывал я сюда, хотя это довольно близко. И вот — свиданье. Отзвук давно ушедшего. Будто они, тысячи их, отживших, — их костяки лежали от меня близко, на три каких-нибудь ярда под ногами, и мои предки в церкви, — будто они призвали меня к себе и что-то хотят поведать. Именно это мелькнуло в моем мозгу, когда я увидал кладбище.

Дождь усиливался. Стадо овец паслось под дождем, дымилось. И я услыхал старческий хриплый голос:

— Здравствуйте, добрый сэр!

Я вздрогнул от неожиданности: из церкви голос! Это был старый пастух, в клеенке и юбочке, голоногий — у нас еще многие так ходят. Он сидел под крышей звонарни и читал Библию. Вас это удивит, быть может; у нас — обычно. И мы стали беседовать на удивительно образном языке-наречии, моем родном, которым гордятся абердинцы и грэмпьенцы, на котором дети лесистых холмов еще распевают о цветах чудесного вереска и про старого Короля. Это так чудесно. У Короля были руки из золота, тяжелые, как горы, и он просил Святого Духа Гор вернуть ему руки живые и легкие, чтобы покинуть тяжелый меч и опять молиться. Еще поют дети, но песни новые не родятся, старые забываются. Ну да: гаснет воображение.

Мы побеседовали. На раскрытой Библии старика, в старых пятнах от молока и сыра, на давней пожелтелой странице, засыпанной крошками, — представьте, какая дальность: Эдинбург, 1537 года! — я увидел чудесное место из великолепнейшего Исаии: начало 5 главы. Вы помните это место? Но чудеснее было то, что эти слова, эти слова так настойчиво и нежданно постучались в душу. Нежданно. В пустынном месте, у забытой церкви, у засыпанных костяков живших. «С в и д а н и е». Я же гулял и думал все о своем — об «Истории Возрождения», о Вашем последнем письме ко мне, которое лишь отчасти отвечало моим мыслям, о путях современного человечества, о том, как Вы называете, «тупике» или, кажется, «топчаке»? — я не совсем понимаю это слово, — куда оно, будто бы, заглянуло стадо, — допустим, что заглянуло, но — только заглянуло. И вот — Исаия. И я наслаждаясь и вдохновенно прочитал два раза — и самому себе, и этому, будто вечному (ему 94 года), пастуху, и кроткому овечьему стаду в дожде, под кровом церкви, — эти слова, показавшиеся мне до осязаемости в е ч н ы м и:

«Воспою Возлюбленному моему песнь Возлюбленного моего о винограднике Его. У Возлюбленного моего был виноградник на вершине утучненной горы. И Он обнес его оградою, и очистил его от камней, и насадил в нем отборные виноградные лозы, и построил башню посреди его, и выкопал в нем точило, и ожидал, что он принесет добрые гроздья, а он принес дикие ягоды. И ныне, жители Иерусалима и мужи Иуды, рассудите Меня с виноградником Моим».

И прочитал дальше — чудесное и грозящее, как бы историю жизни гибнущей.

«Хорошо, добрый сэр! — сказал мне пастух. — Дальше читайте, про с у д ь б у, дорогой сэр».

И показал место корочкой от сыра. И я прочитал:

«...преисподняя расширилась, и без меры раскрыла пасть свою; и сойдет *туда* слава их, и богатство их, и шум их.. Горе тем, которые зло называют добром, и добро злом, тьму почитают светом, и свет тьмою, горькое почитают сладким, и сладкое горьким!. Горе тем, которые мудры в своих глазах...»

«Здесь, сэр! — еще показал корочкой старик: — Здесь с у д».

И я прочитал покорно:

«...истлеет корень их, и цвет их разнесется, как прах; потому что они отвергли закон Господа...»

«Все это правда, дорогой сэр! — погрозил старик корочкой. — Неверная стала жизнь».

Мы хорошо поговорили со стариком. Слов было мало, но т а к — я не помню, когда говорил и с кем. Многого он не знал, конечно. Где же, при овцах, знать многое в нашей жизни. Но он знал многое, и т а к о е, чего не знал я, историк. Он, мудрый от неба и от земли, — явился живым Исаией. И я услыхал от него е г о суд над жизнью. Исаия.. Его, живого, я встретил — в моем шотландце. Я так был радостно потрясен. Чем — Вы спросите. Величавою простотой и чистотою сердца. Э т о м у — предложите все богатства мира, и он не отдаст за них свою книгу, овец, осыпающуюся церковь, свою корку сыра и кусок хлеба. Я был радостно потрясен, почувствовав в нем — с в я т о е, если оно еще есть на свете. Вы понимаете? Корни — целы. В и н о г р а д н и к еще хранит в зиме нашей благородную почку, которая может развернуться.

И я сказал ему это на его с у д над жизнью. Знаете, что он мне ответил?

«Поглядите, добрый сэр, на это место. Больше тридцати лет тому здесь рос столетний каштан, и мне хорошо было под ним в непогоды. Его повалила буря. Побегов не было, сэр... поели козы»

Побеги будут. Они, в е р о я т н о, будут.

Сколько он знал и видел! Он связал меня с предками. Он — я и не знал того — семилетним мальчиком приносил моему прапрадеду перепелов и жаворонков, муравьиные яйца и вересковых улиток. Видел родившегося моего отца, когда впервые принесли его в церковь. Он словом своим поднял кладбище все, всю округу — и я почувствовал, что все о н и еще живы, как этот вечерний свет за окнами кабинета, пробившийся из тумана и уже гаснущий. Завтра он снова будет, будет н а в е р н о е. Не все же туман и дождь.

Эта встреча и земля моей родины, которую я так близко почувствовал в этот вечерний час, живые недра которой неиссякаемы, делают меня более сильным. Я крепче держу перо. С л о в о — великая сила, дарованная земным. Слово творящее — Слово-Бог. Тихие овцы, кроткие, и тихий пастырь. Я почувствовал непорываемую связь с моим давним, с духовно-вечным, что несли в жизни и передали нам все, укрывшиеся камнями и кустами по кладбищам. С л о в о — родной мой язык и мысль. Я так был счастлив, и я понес эту примиряющую тишину — к себе.

Да, я еще увижу его, пастыря. Он дал мне слово зайти на Праздник. Я ему предложил пять шиллингов. Он сказал: «А чем же я отработаю их, добрый сэр?»

И положил за чулок, покачивая головою. Завтра доставит ему почтальон фуфайку, куртку и башмаки. И он покачает головой.

Все еще ощущая неуловимый запах наших холмов и туманного неба, древних камней церковных, которые унесли меня в колыбель народа, запахи стада, овечьего сыра и пастуха и непередаваемый аромат скорбных слов древнего гения, трепетных и доселе, — я пишу вам ответ-привет.

Да, Вы отчасти правы. Много и грязя, и крови, и неправды в жизни. Много, как пишете Вы, «парикмахеров, мясников, шоферов и лакеев». Да, лакеев. И в политике, и в искусстве, и в мысли-чувстве. Много кинематографов — правы Вы. Кинематографов и шоферов. «Шоферы всюду — в вонючей коже, в вонючем масле. Мчат они в реве-гуле, рвут чаевые и «по часам» ведут машину тысячеглазую, тысячеротую, послушную, как рабы, и давят в беге своем живое, оставляя угарный след. Сбросит она порой, ударит в камень — и разбивается на куски». Да, я знаю. И безмерную пошлость, и исполинское чванство, и всемирное второклассничество. От синема, от отравляющих Дух «мовис» получаем мы и политику, и мораль, и новеллы, и — науку даже; и мысли, и речи, и жесты — все бегло, смешно и плоско и «пахнет в мире бензином», как пишете Вы, «и потешающим «Максом», паяцем и шулером всех сортов. А чудесные лилии, рожденные из Голгофской Крови...» Да, Вы отчасти правы. Взмыли моторы и на Голгофу и сбили Крест, подавили святые лилии. Да, забыто многое прекрасного, и кроткий голос из Гефсиманского Сада смолк. Ушел в Пустыню — решать и думать?

С холмов я часто поглядываю в туман. Что дальше? Да, Вы о т ч а с т и правы. Не забудьте только, что когда-то «глас вопиющего в пустыне приготовлял путь Господу». Этот глас не смолкнет, пока живо Слово творящее. Мысль — тревожно ищущая. «Воззвал голос от Иордана». Голоса будут. Голоса д о л ж н ы быть.

Больное В а ш е... Я знаю родину Вашу, знаю ее великую литературу и тревожную ее с о в е с т ь знаю. И верю, что сильная мысль и чувство еще могут делать в Европе то, что когда-то в приорданской пустыне делал Великий Дух. В прогресс человечества я верю и этой вере не изменю. Надо творить и будить. Надо д е л а т ь. Надо у м е т ь быть вождями и крепко верить в себя.

Я знаю теперь и о «провале» вашем, и о крови, заливше жизнь. Вы намекаете, что и у нас быть может. Да, трещины и у нас как будто начинают проглядывать. Быть может, «гангрена» и к нам лапы свои протянет. Но у нас слишком много железной воли и много любви к культуре. Великая историческая судьба выковала наш характер. Под спудом — крепко храним мы бесценнейшую духовную культуру. А эта сила — упругая. И рыцари наши стоят на страже.

А вы... Вам не хватало воли и цепкой любви к культуре: слишком легко приобрели вы ее, усвоив. Она не проникла в недра. Вы слишком мало ее ценили. Вы слишком опрометчиво верили, что она бесконечно будет сыпаться вам, культура тысячелетняя, которую вы в один век схватили. Мы ее вам ковали — мы ее для себя удержать сумеем. Вы были слишком самоуверенны — от таланта? Вы слишком смотрели в дали и не умели и не хотели видеть, какие ценности возле вас. И когда пришел тать — не было у вас стражи рыцарской, стражи в латах. И тать расхитил и расточил. Ваши рабы — народ — (о, рабы, конечно!) понятия не имели о богатстве. Если бы знал хозяин... Но вы — простите — хозяева разве были? Мы — хозяева, и мы — з н а е м. И нам ничего не страшно.

Близятся праздники, и я сердечно желаю Вам... Конечно, вам не до праздников. Но будем верить. Быть может, вы ближе нас, европейцев, к великому очищению. Иногда мне думается: быть может, новые пути откроются вам на пепелище. Час добрый. Ибо вы — в пламени. Правда, вы в тяжкой грязи. Но грязь отмоется, а огонь выжжет язвы.

Уже темнеет, и я поворачиваю выключатель. На черном потолке в крестовине дубовых балок вспыхивает кованый прапрадедовский фонарь, в котором когда-то горела светильня в козлином сале; теперь за мягкими стеклами теплится электричество, поданное за сотню миль. Но оковка та же. А у двери старый латник, хранимая оболочка предка, крепко держит в железной руке копье; в другой — железный, давний-давний ночник-фонарик, с которым ходили в ненастной ночи. Фонарик, правда, помят, — в ночных набегах? — но еще крепок. Я его покрыл лаком, и он послужит. Видите, к а к мы связаны. Да будет и у вас так же.

Дружески Ваш Джемс У. Гуд.

II

Париж, 23 дек. 192... г.

Дорогой Мистер Гуд,

...но не буду касаться этого. Слишком больно. Да, новые пути б у д у т. Сослаться на что могу? На внутреннее мое. Да, верую. Новые пути н а м должны открыться! И мы, именно мы пережитым страданием утвердим величайшую из всех ценностей человечества — образ Бога Живого в каждом, признание величайшей цены и величайшего смысла-цели за душою человека. Мы, именно. Она, душа, ее внешнее проявление — личность — у нас стерта с грязью, смешана с кровью, да. У нас же она и вознесется. Именно — будет чудо. Величайшее чудо П р е о б р а ж е н и я! Через огонь и грязь, великою жаждой чуда, пронесем мы нетленное, что не только культурою добыто, а и выковано страданием. Вы говорите о культуре, дорогой мистер Гуд. Где же у вас культура?! Пишете Вы «Историю Возрождения».. Вы должны ясно видеть, что давно умерла культура. Культура — святое дерзание и порыв, культура — трепетное искание в восторгах веры, культура — продвижение к Божеству! Где они?! Ушел из Европы Бог, и умерла культура, и линючая пленка цивилизации затягивает «бродило» покровом похоронным. «Гаснет воображение», и последние песенки допевают дети! В а ш и дети. И пастух Ваш в е ч н ы й, «мудрый от Неба и от земли», истину Вам поведал — ее он учуял сердцем. И Вы учуяли, но бодритесь. От б ы в ш и х черпнуть хотите — и радостно Вам «свиданье» у осыпавшейся стены церковной. Томится Ваша душа, ибо «провалы» чует. А в е ч н ы й пастух Ваш в и д и т. И говорит: «Неверная стала жизнь, сэр».

Простите, но не фонарями же, не латами ваших предков можете удержать ж и в о е! Как вы ни покрывайте лаком, как ни храните по музеям, ржавчина точит, точит. Сколько ни ходите на «свиданье», не почерпнете с и л ы: она давно истаяла и переселилась в вещи, в удобные кабинеты, с пустыми латниками, светящимся электричеством; в бьющие на сто верст пушки, разрывающие на куски живое, в рев и грозу толп черни, требующей удобных кабинетов с каминами и грогом, неумолимо требующей и умеющей обращаться с пушкой; в острую мысль, разлагающую все ядом, в усталость тоски и скуки. Доппингу требуете от... кладбища! Поздно, дорогой мистер Гуд, не увидите скоро п о с л е д н е г о вечного пастуха: сойдет! И не помогут Вам (вам) «свидания».

Не хочу быть пророком, и пусть еще долго светит латник на «Историю Возрождения». Да будет!

Исаия... — да, чудесно! Я будто вижу Вашего пастуха, кротких овец и церковь, и озерки, и вереск, и барбарис по плитам... Что за счастье — бродить по родной земле! Вы искали, и к Вам подошел Господь в образе мудрого пастуха в пустыне. Этот пастух, которого Вы назвали вечным, — Вы угадали, — вечный! Бог в душе — пастух этот. Зачем ему шиллинги, фуфайка и сапоги с курткой! «Милости хочу я, не жертвы»! Он л а с к и от Вас хотел, радостной и братской души Вашей! Сокрушения Вашего (у него есть свое) он хотел, Вашей тоски над жизнью. И получил, быть может. И придет к Вам на праздник, одинокий, один оставшийся с овцами, всех и все переживший. Поплачьте с ним, поднесите ему стаканчик грогв, и он споет Вам чудесный гимн Рождеству на грэмпьенском наречии и вспомнит чудесные легенды, которые освежали душу у Ваших предков. И, не находя слов, — чему у овец научишься? — на прощанье скажет самое верное: «Неверная стала жизнь, добрый сэр!» Он з н а е т. Он все ведь знает! Знает, что больше двадцати лет не были Вы у церкви, у праха предков (простите, не в осуждение!), не тосковали по детским песенкам, не знали, что отсветы Вашего прапрадеда еще подрагивают в живых путях его глаза, что в самом в нем еще живет-таится струившаяся в «прорывы» сила Ваших покойных предков! Он зарядил Вас бодростью... Да будет! Поднесите же ему стаканчик грога.

Исаия... Откройте Библию и читайте: Исаия. 2 гл., стих 6, и дальше, дальше.. И старику пастуху читайте. И скажет он, покачивая головой с грогв: «Народ мой! вожди твои вводят тебя в заблуждение, и путь стезей твоих испортили... Горе душе их! ибо сами на себя навлекают зло»... Он чует... — и кто знает, не придет ли и он на суд?! Случиться может.

Вы прочли у Исаии? Н а ш е ли это? Нет. Это не мы грешили. Европа это! «И посох и трость» — у ней отымутся. Она наслала на нас — с в о е. Мы его быстро у с в о и л и с «культурой». У нас все быстро. И развалились б ы с т р о — от таланта! У нас «проклятый провал» — случайность, ураги, смерч, ибо народ — младенец, да и «вожди», если не плуты, младенцы тоже. Помойное стеклышко могут принять за солнце. У нас с и с т е м а не прививается: мы же глядим по д а л я м! Наносное, как отметки цивилизации. С и с т е м а — для Европы. А у нас первое солнышко «побеги» выбьет, и козы их не погложут. Но... не хочу касаться.

«История Возрождения»? Хорошо. Но как бы чудесно было, если бы Вы писали о В о з р о ж д е н и и без кавычек! Но... близятся Праздники, ваши праздники, и я не хочу слов мрачных.

В туманы ваши протягиваю я руку и говорю желанное: с Новым Годом!

Мне повелительно хочется отзвук души моей Вам послать, отклик того нетленного, что еще осталось. Что нас связало? Культура? Величайшее С л о в о связало нас! Голос от Иордана. К а м е н ь нас тот скрепил, на К о т о р о м цвела культура, пока не отвергли Е г о строители. Мы никогда не видали один другого, может быть, не увидим вовсе. А будто прожили века вместе. Я же так ясно вижу ваши холмы, и кабинет с афганским пышным ковром, и черные перекресты балок, и латника, и башни налево, если покоситься в окно, серые башни в туманной сетке. И синеватых гусей, подтягивающихся с канала к ферме. И вялую лугов зелень — зиму в Шотландии. А я никогда там не был. О, великое Слово — Мысль! Будто встретились мы случайно, на перепутьи где-то, на глухой станции мирового перекрестка, в метельную ночь жизни, не видя лица друг друга. Мы перекинулись словом в ветре. И по одному слову, по вздоху даже — почувствовали мы оба, что не мелькнувший это случайный встречный, а близкий-близкий, из одной К о ш н и ц ы — частица того огромного, чего не назовешь словом, что есть Божественная Душа, что из предвечного тянется к жизни вечной. Человеческое общение! И тот Ваш в е ч н ы й старик пастух — и мой, и Ваш брат — навеки.

О, если бы перенестись на ваши туманные холмы! Все дни сидел бы я с овцами под дождем и читал у церкви. И с нами Бог! Но у нас украли эти холмы, и овец, и Великую Книгу! Я не в силах больше..

С Новым Годом! Дней благостных, и да хранит Вас Господь от потрясений! Что могу большего пожелать? Мм, русские, т е п е р ь большего пожелать не можем. Все мы знаем, всего хлебнули. Знаем падения в бездну и растленье Духа..

Я хотел бы перенестись в вашу Старую Англию, зачарованный еще с детства сказками незабвенного Диккенса. Я хотел бы услышать «сверчка», очаровательного «сверчка» его, по которому жизнь тоскует. Я хотел бы вернуть те слезы, которыми плачут чистые, только дети. И старенькие колокола, и завыванье ветра в пустом камине, и гульы шумы черных деревьев за ночными окошками. Я хотел бы понять таинственное в этих лохматых «гнездах» омелы, французского «gui», в бледных и редких ее листочках и странном «жемчуге», в ее побледневшей — от страха? — «клюкве», в ее «слезах», которыми плачут бури! На днях я видел груды ее на рынке. Хотел бм слушать, как поют и потрескивают буковые дрова и уголь в каминах и очагах, как поют в дальних церквах, плитами связанных с отшедшим, псалмы и гимны и победную песнь Рожденному, Свету Неизреченному!

Я не был в Англии никогда, но я.. я вижу ее и знаю. Я даже слышу запахи ее праздника, детской его о д е ж д ы! И курящегося синими огоньками сладкого «плюм-пудинга», пунша и грога, и жареного гуся или, может быть, индюка, — почему-то я гуся вижу! — и особенных, на корице и имбире, сливяно-медовых пряников, и длинных конфет-ломучек, из сладкого хрусталя, — не посохов ли пастушьих или ледяных сосулек? — подающихся, будто, только на Рождество. И серебряные звезды вижу, и горшки гардении на столе — цветка лордов, в цветах сладких и нежных, как свежие сливки, сливками пахнущих и лимоном; и пироги со «счастьем» на день Крещенья — высокий дар Короля.

Сколько чудесного! сколько — бы-ло! Отодвинулось оно в глубь времен, и только разве бедный рыбак далекого побережья Minch'а да дровосек с Грэмпиенских Гор еще возносят молитву за Короля, — скрепляющего народ, как «ключ» в своде широком, — сурово скрестивши руки, и едят за его здоровье и во благоденствие всей страны пирог — «счастье». Уплывает взлелеянное веками творчество сердца, погасает, тлеет.. Теперь «счастье» хватают на базаре с ларя торговки и кричат, — «черрт! — нащупав зубами горошину или ржавый пенни. Ворчат, что прокисло тесто. Да, прокисло.

Есть ли еще по Англии старинные молотки у дверей? стучат ли?.. А колокола.. смеют ли еще играть раздольно? Здесь, в Париже, я не слышу кованый глас земли, к небу поднявшейся земли-меди, из грязи вырванной человеком, запевшей под небесами! С колоколами покончено. Отзвонили. Зато лихо ревут «такси». Но еще покупают шоколадные «сабо де Ноэль», «[illegible]» и зайчиков и ставят на стол сахарное полено — «bûche». Зачем? — забыли. Зато на Святой Вечер танцуют по ресторанам, покупают на «ревейон» кусок индюшки «aux truffes», особенной индюшки — из телятины и крольчины. Но все еще продают «вихорево гнездо» — омелу. И все еще покупают ее, уже не зная, зачем? И... — верить хочу — вздыхают. По чем? Но все меньше вздыхают.. Ржавеют замки у сердца.

Мне холодно.. не согревают меня камины. Камины эти вытягивают тепло, последнее.. Здесь не знают нашей широкой и жаркой печи. Из чудесного кабинета, из-за зеркальных стекол. Вы любовно всматриваетесь в туман и ловите успокоенной мыслью последний привет погасающего за дождливыми облаками солнца?.. Я чаще посматриваю к Востоку. Я уже начинаю видеть... Родина наша теперь в снегах, морозы гулко палят из бравен, но стало бы так тепло, если бы заблудился я в русском метельном поле, в широком, раздольном поле!..

Но... верить! верить!

Н а ш и праздники — впереди, вдалеке... — но я уже начинаю видеть. Они придут. И хлынет тогда, бурно хлынет тогда в души зовущие, в души унылые, в души испепеленные... — небывалым светом и звонами такими, что радостных слез не хватит встречать Рожденье! Не хватит криков! Мы услышим колокола.. с в о и. Они набирают силу. Мы найдем много меди, певучей и новой меди. Она подремывает в глуби. Она загудит-зазвенит под солнцем! Мы увидим звезды, н а ш и звезды, с неба спустившиеся на наши сосны, на наши ели, — в снегах, седые, уснувшие... — и наши леса проснутся. Мы увидим, услышим Праздник. Мы д о л ж н ы увидеть. Наши снега загорятся... сами снега загорятся и запоют! Льды растопятся и заплещут —

РУССКИЙ МИР. *Взгляд соотечественника*

и вольный разлив весенний, Великое Половодье Русское, смоет всю грязь в моря.

Весна.. Знаете ли Вы весенние песни наши? Мало их знают по Европе. Знают весну лишь северные народы — чудесное Воскресение из мертвых! Она проснется, новая Весна наша, Снегурка наша, потянется голубым паром в небо, озолотится в солнце... разбудит сладостную тоску по счастью. Шумят подземные ключи, роют, роют... Мы обретем ее, ускользающую Снегурку нашу, мечту нашу! Мы ее вспомним-встретим и обовьем желаньем!.. И снова, снова — откроются перед нами дали, туманные, пусть обманные, наши дали. Дали родили нас. Наши снега, плывущие по весне, зовут за собою — в дали.

Сломаны наши связи, святые могилы взрыты, обшарены... Прошлое наше, исполненное чудес, кинуто на базар, расхватывается чужими. Не найду, никогда не найду, быть может, милых, старых фонариков моих дедов, тихих кадильниц, ржавых мечей и копий, русских кольчуг и шлемов, где кровь потонула в ржавчине, кровь святая и гордая, кропившая города и поля России.. Не найду, должно быть, уцелевшей стены церковной... Вы, быть может, увидите наши святые осколки-крохи по музеям вашим, по магазинам и витринам. Пустыми, немыми будут они для Вас. Но вечные пастухи наши живы и умереть не могут. Они не читают Библии. Их руки еще не доплели лаптя. Но они то же, вечное, держат в сердце. Вечное, в наших полях убогих, в нашем спокойном небе. Молодое оно у нас, и, нищие духом, мы с верой на него смотрим. Наши глаза широки, теперь широки: слишком много увидели глаза наши. Наши глаза глубоки, теперь глубоки необычайно: страшное погрузили они в себя.

Великий Крест стоит на равнине русской. Наша Душа на нем распята, Дух пригвожден народа. И не разумеет сего Европа! Слушай: шумят при дверях оружием! Спят твои рыцари по гробницам: некому сторожить богатства. Ржавые латы их украшают музеи и салоны. Тоскует земля по рыцарям, но не разумеет сего Европа. Петры Амьенские не придут.. терния и волчцы заполоняют виноградник, и вы, лоза плодоносная, не дадите вина и одного «бата», скоро никакого «Возрождения» не будет никому нужно. Вино подают на Праздник. Что за праздник в пестрых днях? Колокола возвещают Праздник... Где же ваши «колокола»?! Не видит сего Европа! Видит и разумеет Тот — Он же все сроки знает. Уже лопата в руках Его... — веять, только подует ветер.

Вы улыбаетесь, вижу это. Но это же мой голос, неумолчный, его не измеришь меркой, не покроешь числом и фактом. Так я верую, так я верю. И, нищая духом, затерзанная, замызганная, загаженная, бродяжная, стодорожная, калика-перехожая, познает Россия свое, ценнейшее, что в недрах духа ее сокрыто, что не предалось духу тьмы, что выстрадано в борьбе, что выплакано в слезах бессилья. С холмов родины, из туманов, Вы посылаете мне слово Пророка — образ грядущего, — Суд Его. Верю, что будет Суд. Я, с чужбины, посылаю Вам «судьбы наши»:

«Восстань, светись, Иерусалим; ибо пришел свет твой, и слава Господня взошла над тобою. Ибо вот, тьма покроет землю, и мрак — народы; а над тобою воссияет Господь... Возведи очи твои и посмотри вокруг: все они собираются, идут к тебе; сыновья твои издалека идут, и дочерей твоих на руках несут... Кто это летят, как облака, и как голуби — к голубятням своим?»... (Исаия, гл. 60).

Да будет над всеми Солнце и не погаснет вовек!

Мой братский привет примите.

Душевно Ваш N. N.

Париж, март 1924 г.

О Севере, о жизни, о любви

Северодвинску, городу в Архангельской области, — более пятидесяти лет. Но только теперь появилась там своя литература. Вышла в свет первая книга — сборник стихов и прозы «О Севере, о жизни, о любви». Его авторы — члены городского литобъединения «Гандвик», люди самых разнообразных профессий и возрастов. Они же и редакторы книжки. Можно только представить, скольких трудов стоило им издание этого сборника, несмотря на то, что с давних пор в городе существовала типография. Дело, разумеется, не обошлось без помощи коллективного мецената — производственного объединения «Севмашпредприятие».

А сборник — замечательный! Полный лиризма, тонкого восприятия жизни, душевной боли за Север и северян, понимания человека всякого. Радует, что его авторы — люди талантливые. Кому-то, возможно, стихи и рассказы покажутся наивными и простодушными, но в них как раз есть то дыхание жизни, которое не всегда встретишь в большой литературе.

И. П.

О СЕВЕРЕ, О ЖИЗНИ, О ЛЮБВИ. Северодвинск: «Северная неделя», 1991 г.

Тайны истории

Книга известного советского историка, доктора исторических наук, профессора А. А. Преображенского не оставит равнодушными тех, кого интересует многовековое прошлое России. Адресованная юным читателям, она заключает богатейший исторический материал, имеющий большое познавательное и воспитательное значение. Автор ведет доверительную беседу, умело построенную и отличающуюся сочетанием высокой научности с доступностью и яркостью изложения. Увлекательный и нелегкий труд историка-исследователя, добывающего из разнообразных источников крупицы истины, сталкивающийся с многочисленными сложностями на своем пути, раскрывается в книге на убедительных примерах, относящихся к разным периодам отечественной истории — от Киевской Руси до Отечественной войны 1812 г. Ученый в кратких, но емких очерках дает представление о «науках-помощницах» (хронологии, метрологии, сфрагистике, геральдике, палеографии и др.). Читатель получает возможность убедиться в конкретных результатах изысканий ученых, применяющих методику этих наук.

Сердцевину книги составляют документально обоснованные рассказы, посвященные весьма актуальным ныне проблемам преемственности патриотических традиций русского народа от времени Невской битвы до «грозы двенадцатого года» и борьбе наших предков за гражданскую свободу.

В книге развивается плодотворная мысль о действительной исторической связи времен. Автор возвышает свой голос в защиту непроходящих идейно-нравственных ценностей, коим следовали многие поколения наших предков. Он убедительно говорит о том, что не угасло в нашем народе стремление видеть свое Отечество свободным от иноземных нашествий и притеснений сильных мира сего. Несомненно привлекут внимание загадочные истории о поисках библиотеки Ивана Грозного, о походе дружины Ермака, о критической ситуации во время Прутского похода Петра Великого. И все это представлено сквозь призму долгих ученых споров, столкновения мнений.

Книга хорошо иллюстрирована художником Г. Ордынским. Хотелось бы видеть это интересное, талантливо написанное с любовью к России пособие в библиотеках наших школ и всех любителей истории. Но достижимо ли это при довольно скромном тираже?

А. СЕМЕНОВА,
доктор исторических наук

Преображенский А. А. ИСТОРИЯ РАСКРЫВАЕТ ТАЙНЫ. Рассказы. М.: Детская литература, 1991.

Секретный доклад Гитлеру

От нас скрывали долгие десятилетия мнения о русских как о народе видных государственных деятелей, ученых, писателей, военных. Нам надо знать и то, что думали и думают о нас противники.

Читатель обнаружит неожиданные метаморфозы: те, кому он поклонялся, окажутся лютыми ненавистниками России, в стане наших противников обнаружатся люди, высоко чтящие русскую культуру и русский народ.

Уникальный документ, который мы впервые публикуем в нашей стране, был напечатан на русском языке в журнале «Борьба», центральном органе Союза борьбы за освобождение народов России, в 1982 году. Мне подарил эти крайне редкие журналы Григорий Холопов, в гостеприимном доме которого, в тихом бельгийском курортном городке на берегу Северного моря, мне довелось побывать. Знал Григорий Холопов лично и автора документа, прибалтийского немца Вильфрида Карловича Штрик-Штрикфельдта, представителя немецкого Верховного командования в штабе Власова. Как говорил Григорий Холопов (подобное я слышал от Олега Красовского, Владимира Флерова и других представителей второй эмиграции), многие прибалтийские немцы, в свое время закончившие русские гимназии, юнкерские училища, в период второй мировой войны мобилизованные в немецкую армию, были ярыми противниками теории «унтерменшей», русских «недочеловеков». По-своему они защищали интересы России в немецкой армии, восставали против зверского отношения к военнопленным.

Доклад Вильфрида Штрик-Штрикфельдта высшему гитлеровскому командованию «Русский человек» — это доклад смелого человека, противостоящего Гиммлеру и Розенбергу. Во многом мы не согласимся с ним, не забывайте, он написан в период победоносного шествия немецких армий по русской земле, когда все были уверены в окончательном поражении России, когда в руководстве Германии господствовало крайне пренебрежительное, презрительное отношение к русскому народу. И в это время находится капитан, который говорит генералам и фельдмаршалам слова уважения к русскому человеку, говорит о «его более высоком человеческом достоинстве по сравнению с западным европейцем». Увы, многие русские сегодня в России побоятся произнести вслух те выводы, которые Вильфрид Штрик-Штрикфельдт утверждает перед немецким командованием. Может быть, нынешним руководителям страны прислушаться к аргументированному мнению немецкого офицера: «Несмотря на гнет красной власти, из крестьянской среды всплыл на поверхность национальный слой новой русской интеллигенции. Не любовь к отечеству в западноевропейском смысле слова, но какое-то особое и ясно выраженное чувство народного единства проявляется даже среди самых простых людей».

Идеи, выраженные в докладе Штрик-Штрикфельдта, находили признание, особенно во второй период войны, среди немецкого генералитета, способствовали смягчению режима в концлагерях для военнопленных. Его поддерживали такие видные военачальники, как Клюге, Шенкендорф, Линдеманн, Гелен.

Вильфрид Карлович Штрик-Штрикфельдт родился в Риге в 1897 году. Учился в Реформатской гимназии в Петербурге, окончил ее в 1915 году. Воевал добровольцем с немцами до конца первой мировой войны, получил звание офицера. С 1918 по 1920 гг. воевал с большевиками в рядах Белой армии. Изучал экономику и право. С 1924 по 1939 гг. работал в Риге на немецких и английских предприятиях, выехал в Германию с прибалтийскими немцами. С начала войны фельдмаршал фон Бок взял его в штаб группы армии «Центр» офицером-переводчиком. Близкий друг и советник генерала Власова. Автор книги воспоминаний «Против Сталина и Гитлера» о судьбе русского освободительного движения. Я считаю эту книгу одной из самых объективных, основанной на документах и фактах — о малоизвестных у нас страницах второй мировой войны.

До конца жизни Вильфрид Штрик-Штрикфельдт с огромным уважением относился к русскому народу, преклонялся перед русской культурой. Скончался он в сентябре 1977 года в Южной Баварии.

ВЛАДИМИР БОНДАРЕНКО

ВИЛЬФРИД ШТРИК-ШТРИКФЕЛЬДТ

«Огромное богатство чувств и аффектов, импульсов и волевых порывов»

Кто из нас в состоянии дать полную характеристику какой-либо личности? Может быть, писатель, но и он лишь субъективно. Насколько труднее становится задача, когда вопрос идет о характеристике целого народа.

Так как точных научно-психологических данных о характере русского человека не имеется, я, используя мои личные наблюдения, основываюсь главным образом на материалах немецкого института психологического анализа и психотерапии.

В первой части моего доклада я хочу обратить внимание на психограмму русского человека, которая отнюдь не претендует на исчерпывающее научно-психологическое исследование его характера, а ограничивается лишь контурами духовного облика.

Во второй части я попытаюсь охарактеризовать представителя новой русской интеллигенции, крестьянина, рабочего и красноармейца, с которыми мы встретились во время этой войны.

Предметом данного исследования является русский человек, который еще и сегодня представляет собой решающий фактор на огромном пространстве с его многими народами. ВЕДЬ ЭТО НЕ КТО ИНОЙ, КАК ОН, НАЛОЖИЛ НЕИЗГЛАДИМУЮ ПЕЧАТЬ НА ЭТО ПРОСТРАНСТВО ВПЛОТЬ ДО ТИХОГО ОКЕАНА И МАЛОЙ АЗИИ.

Не касаясь истории открытия и расширения этого пространства, следует указать на своеобразный народно-психологический факт: одну шестую земной поверхности с более чем 160 миллионами населения МОЖНО ПРОЕХАТЬ ВДОЛЬ И ПОПЕРЕК, ОБЛАДАЯ ЗНАНИЕМ ТОЛЬКО ОДНОГО — И ДАЖЕ ПОЧТИ БЕЗ ДИАЛЕКТОВ — РУССКОГО ЯЗЫКА.

В психической структуре русского человека наталкиваешься в первую очередь на огромное богатство чувств и аффектов, импульсов и волевых порывов, которые играют решающую роль в его поступках.

Чрезмерная интенсивность чувств и эмоций, а также частая и внезапная смена самых противоречивых настроений являются его характерными чертами. Поэтому мы наблюдаем у русского человека наряду с животной грубостью нежнейшее участие, наряду с глубокой верой сухой материализм, светлое вдохновение рядом с апатией, храбрость наряду с изменой, сильное намерение и внезапный отказ от него. Наблюдаемые нами противоречия в душе русского являются и его слабостью, и его силой; он сознает это, но не находит в себе силы сгладить эти противоречия, а может быть, и не хочет этого. Поэтому русский представляет собой прототип резко выраженного противо-импульса, который после «да» ставит еще более сильное «но».

«Я думаю, но... я знаю, но... я не могу, но... может быть, случится чудо». Часто это производит на нас непонятное впечатление по той причине, что нам неизвестен тот противо-импульс, который вспыхивает внезапно в тайниках его души.

Напряженное состояние в душе русского вызывается его инстинктивным стремлением к абсолютной истине. Его не может удовлетворить тут, на земле, мысль Фауста:

«След наших земных дней не может погибнуть в вечности!» Это инстинктивное тяготение к абсолютной истине, которое налагает на каждого русского печать искателя правды и справедливости, является, пожалуй, коренным основанием того, что большинство русского народа по своей натуре глубоко религиозно. Рамки этого доклада не позволяют рассматривать подробно его связи с Божественным.

Столкновение вышеупомянутых противоречий представляет собой для русского человека не только беспрестанно бьющий источник страдания, — а с ним и силу, — но и подтверждение ЕГО БОЛЕЕ ВЫСОКОГО ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ДОСТОИНСТВА ПО СРАВНЕНИЮ С ЗАПАДНЫМ ЕВРОПЕЙЦЕМ.

Мы читаем у Льва Толстого («Война и мир», III, 1 часть): «Француз бывает самоуверен потому, что он почитает себя лично, как умом, так и телом, непреодолимо-обворожительным как для мужчин, так и для женщин. Англичанин самоуверен на том основании, что он есть гражданин благоустроеннейшего государства в мире и потому, как англичанин, знает всегда, что ему делать нужно, и знает, что все, что он делает как англичанин, несомненно хорошо. Итальянец самоуверен потому, что он взволнован и забывает легко и себя и других. Русский самоуверен именно потому, что он ничего не знает и знать не хочет, потому что не верит, чтобы можно было вполне знать что-нибудь. Немец самоуверен хуже всех, и тверже всех, и противнее всех, потому что он воображает, что знает истину, науку, которую он сам выдумал, но которая есть абсолютная истина».

В этом признании обнаруживаются и глубокое противоречие между порывом и противопорывом, характерное для русского человека, и особая неприязнь его к западным европейцам.

Даже этот поверхностный обзор является вполне достаточным, чтобы иметь представление о том народе, с которым после тяжелой и продолжительной войны мы должны будем сотрудничать в течение предстоящего мирного времени.

Из многих вопросов, к которым русский человек относится совсем иначе, чем западный европеец, следует отметить три: его отношение к власти, к собственности и к страданию.

Власть

Отношение русского человека к власти существенно отличается от отношения к ней западного европейца. Как «искатель правды», русский относится отрицательно ко всякому применению силы, но из-за вспыхивающего порой в глубине его души противо-импульса он сам склонен к актам насилия.

Это хаотнческое отношение к власти сложилось, по-видимому, исторически. В то время как германские племена выдвинули правящую аристократию из своей же среды, славянские племена управлялись варяжскими князьями, т. е. иорманнами.

Таким же чуждым было и татарское иго, оствившее после себя глубокие следы. Власть всегда была чуждой и далекой. «Царь далеко», — говорил обычно русский — и царь действительно был далеко. Он находился в Москве или в еще более отдаленном Петербурге, но бдительность полиции простиралась до самой глухой деревни.

В Германии император должен был считаться с гражданскими и духовными деятелями страны. В Англии после известной борьбы уже давно пришли к парламентаризму и тем самым к умиротворению. В России же все больше и больше усиливался противо-импульс, проявляясь по временвм в хаотических вспышках и террористических актах (русский «бунт» — восстание против всего существующего — непереводимое слово).

Германские герцоги, короли и император («первый слуга своего государства») — все они олицетворяли собой близкую и приемлемую власть, тогда как русский знает лишь далекую, чуждую и суровую, которая, не имея с ним никакой внутренней связи, требовала от него безусловной покорности. Я показал одному пленному советскому генералу здание, где живет наш вождь.

«Так здесь живет ваш вождь? — сказал он удивленно. — Совсем среди народа... никакого Кремля, никаких стен, никакой дистанции... просто невероятно!»

Власть имущие в России хорошо знали, что «внутреннее сопротивление русской души» можно обуздать только беспощадными мерами. От опричнины Ивана Грозного идет непрерывная цепь той же системы безопасности и полицейского шпионажа до Чека и НКВД.

Вспомним полицейские застенки при Павле I, военнме поселения графа Аракчеева при Александре I, корпус жандармов при Николае I и т. д.

Большевизм является продолжением той же далекой и суровой власти с той лишь разницей, что его господство над русским человеком стало тотальным, тогда как прежние властители оставляли в покое того, кто не касался ни церкви, ни правительства. Большевизм держит в своих руках не только полицию и законы, но и жизнь советских граждан, потому что он безгранично владеет хозяйством страны, к которому прикреплены все граждане. Своей жестокостью Кремль превзошел все предыдущие правительства. Ни один западный европеец не был бы в состоянии выдержать такой гнет в течение четверти века, не надломившись духовно. Известно, что западные европейцы, оставшиеся в Петербурге, после 25-летнего там пребывания были окончательно обезличены.

Русские же были в состоянии перетерпеть это жуткое время, причем они и сейчас еще обладают неисчерпаемыми силами, которые дают им возможность перевоплотиться в «нового человека».

На это своеобразное отношение русского человека к власти следует обратить особое внимание, когда придется устанавливать новую власть в России — или далекую и суровую, или же близкую и легкую.

Собственность

Еще понятнее станет нам своеобразный характер русского человека, если мм обратим внимание на его особое отношение к собственности. Собственность для русского человека является не самоцелью, а лишь средством к достижению цели, но это не значит, что русский не стремится к собственности. Он был бы ближе и понятнее Западу, если бы широкие массы русского народа уже давно оценили достоинства частной собственности. Если бы русскому премьер-министру Столыпину удалось в свое время осуществить его большую аграрную программу, то возможно, что в России не дошло бы до хаоса и большевизма. А теперь мы встречаем русского, лишенного какой-либо собственности.

В царские времена лишь незначительный слой населения наслаждался богатством, причем отдельные его представители часто не знали, насколько велика их собственность, унаследованная от их отцов или дарованная им царями. Массы же народа были бедны и мечтали о собственности — о своем клочке земли.

Но даже и тогда, когда мужику дана была возможность убедиться в достоинствах собственности, добытой его трудом и старанием, он опять-таки был обманут. Последний чудовищный обман под названием «раскулачивания» произошел в 1929 году, несмотря на то, что 12 лет тому назад большевики захватили власть под лозунгом «земля — крестьянам».

На основании изложенного мы приходим к заключению, что русский, которого мы встречаем теперь, является много более независимым от материальной собственности, чем западный европеец, и это вызывает в нем — особенно по отношению к немцам — какое-то чувство превосходства (с его точки зрения).

Я приведу здесь еще одну выдержку из романа «Война и мир» Льва Толстого:

«...другое было то неопределенное, исключительно русское чувство презрения ко всему условному, искусственному, человеческому, ко всему тому, что считается большинством людей высшим благом мира. В первый раз Пьер испытал это странное и обаятельное чувство в Слободском дворце, когда ои вдруг почувствовал, что и богатство, и власть, и жизнь, все то, что с таким старанием устраивают и берегут люди, — все это, ежели и стоит чего-нибудь, то только по тому наслаждению, с которым все это можно бросить».

Руководящие представители большевизма отлично знают, что производительность и собственность в западноевропейском смысле слова представляют собой громадный источник силы, отиосящийся к ним враждебно. Им ясно, что эта сила несет с собой конец их владычеству.

Страдание

С тех пор как существует человечество, страдание стоит на пути отдельных людей и народов как испытание их возраста и зрелости.

Западнмй европеец старается преодолеть страдания посредством деятельности, русский же научился покорно претерпевать их. Насилие со стороны далекой и суровой власти, отчаянная борьба с эпидемиями и силами природы, а может быть, и его религия научили его, что страдание является неизбежным элементом его жизни. И КТО ИЗ НАС БУДЕТ ОТРИЦАТЬ, ЧТО СПОСОБНОСТЬ ПРЕТЕРПЕВАТЬ СТРАДАНИЕ ПРЕДСТАВЛЯЕТ СОБОЙ ГРОМАДНУЮ СИЛУ. Закаленный в страдании русский способен перетерпеть не только теперешнее испытание, но еще очень многое в будущем.

Когда большевистская власть в 1918 году стала больше и больше крепнуть, так называемые «белогвардейцы» попытались организовать ей сопротивление. Но кто были эти люди, которые начали решительно действовать?..

Рядом с генералом Алексеевым был его начальник штаба Шварц, рядом с Деникииым, Колчаком и Юденичем были барон Врангель, Каппель, Дитрих, фон Нетт, граф Пален, на севере — генерал Миллер. Разве это не характерно?.. Большая часть людей германской крови делала попытки преодолеть беду, русские же сносили ее терпеливо и покорно. В этой способиости претерпевать страдания русский усматривает свое превосходство над западнмм европейцем. Тут мы сталкиваемся с вопросом, который с древних времен остается спорным и неразрешимым: имеет ли над нами превосходство тот, кто умеет претерпевать страдания?..

Пусть каждый решает этот вопрос индивидуально. Мы, немцы, считаем своим долгом не быть пассивными, а преодолевать всякую беду, как этого требуют интересы нашей страны.

К какому же выводу мы должны прийти на основании вышеизложенного по поводу особого отношения русского человека к власти, к собственности и к страданию?..

Далекая и суровая аласть была карикатурной; ей отвечали и отвечают актами насилия. Громадный пробел — отсутствие собственности — принуждает власть имущих применять крайние меры наказания во всех случаях. Они не могли штрафовать виновных «людей без собственности» материально, а потому им оставалось лишать их или свободы, или же жизни. Поэтому власть была суровая и абсолютная, и если появлялся исполнитель наказания, то это почти всегда был палач, к которому закаленный в страданиях русский уже привык; его уже давно не поражает то, перед чем мы приходим в ужас.

Все эти наблюдения, приведенные здесь лишь поверхностно, должны заставить каждого глубоко задуматься, потому что решение восточной проблемы не так-то легко и просто, как это думают некоторые, говоря лишь о ежовых рукавицах и совершенно упуская из виду психологические факторы.

Новый русский руководящий класс

Первое, что вызвало наше удивление, — я говорю о тех, кто не был в красной России с 1918—20 годов, — это то, что из широкой народной массы всплыл на поверхность национальный слой новой русской интеллигенции. Мы слышали только о систематическом уничтожении старого руководящего класса, — такого уничтожения, примера которому не знает история, — и вот мы видим перед собой новую русскую интеллигенцию. Правда, наружный вид и манеры этой иовой интеллигенции показались нам настолько чуждыми, что мы почти не могли отличить офицера от солдата и ииженера от рабочего; напрасно мы старались встретить прежнего вполне культурного русского интеллигента.

Это будет нашей задачей изменить их внешность и быть им лучшим примером, если мы в Новой Европе — в общем жизненном просторе — не намерены продолжительное время взирать на эти чуждые нам физиономии.

НЕЛЬЗЯ ОТРИЦАТЬ ФАКТА, ЧТО РУССКИЙ НАРОД ОБЛАДАЕТ БОЛЬШИМИ СПОСОБНОСТЯМИ И ИЗОБРЕТАТЕЛЬНОСТЬЮ, ИБО ТОЛЬКО ЭТИМ МОЖНО ОБЪЯСНИТЬ ЕГО ВЫСОКИЕ ДОСТИЖЕНИЯ, ВЫЗЫВАЮЩИЕ И НАШЕ ПОЛНОЕ ПРИЗНАНИЕ.

Испытание интеллигентности среди русских военнопленных показало очень интересную картину. Как и у большинства народоа, так и у них эта картина приблизительно одинаковая, т. е. 50 процентов — среднего уровня, 25 процентов — ниже среднего и 25 процентов — выше среднего.

Хотя средний и ниже среднего уровни оказались значительно ниже германского уровня, зато 25 процентов ВЫСШЕГО УРОВНЯ ОБНАРУЖИЛИ ВЫДАЮЩИЕСЯ ЗНАНИЯ И ОДАРЕННОСТЬ, ПРЕВОСХОДЯЩИЕ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИЙ УРОВЕНЬ.

Из разговоров с русскими инженерами, врачами, химиками и другими стало очевидным, что их знания весьма односторонни и строго ограничены узкой специальностью.

В противоположность прежнему русскому верхнему классу теперешний не имеет ни строго очерченной национальной, ни славянофильской идеи. По отношению к немцам они настроены в настоящее время ни дружелюбно, ни враждебно. О новом переустройстве Европы задумываются очень немногие, зато национальная идея именно теперь стала все больше и больше волновать умы руководящего класса.

Вспыхнувшие повсюду во время войны искры национального чувства Сталин раздул в громадный отечественный пожар. Он дал советскому гражданину, который гордился своей великой и богатой страной и был воспитан в духе всемирной революции, еще и национальный фундамент. Русская история, ее герои, национальное искусство и даже православная церковь были им умело использованы, потому что голый террор был недостаточен, чтобы миллионные массы бросить в самое кровавое побоище всех времен.

Теперешний русский, по-видимому, не такой доктринер, как прежде, но он не может жить без какой-либо идеи, и это зависит от нас — открыть ему совсем новую идею. Он верит в то, что эта колоссальная страна с ее громадными проблемами может быть организована лишь с ним, но не против него. Но так как он русский и имеет терпение, он может и подождать.

Русский крестьянин

И русский крестьянин, и русская деревни нам хорошо знакомы. Мы знаем, что крестьянин стал очень бедным с тех пор, как Россия получила название «крестьянской республики». Нам известно, что крестьянину практически не принадлежит ничего, кроме маленького огорода, одной

коровы и нескольких кур, и что он ненавидит колхозную систему, которая превратила его, свободного хозяина-землевладельца, в земельного пролетария. Общее бегство с земли характерно для «внутреннего успеха Советов в области аграрной политики».

Русский крестьянин не интересуется политикой, а живет одной мечтой — иметь собственный участок земли. Его мало интересует, кто управляет страной и где границы государства, к которому он принадлежит. Он будет приветствовать любое правительство, которое даст ему землю и будет справедливее, чем теперешнее. Земельный пролетарий станет снова самостоятельным хозяином-землевладельцем и начнет жить по-своему. Все теории о какой-то «русской массовой душе» лишены всякого основания. Русский крестьянин имеет те же стремления и надежды, что и крестьянин в Германии или в любой стране, но судьба все еще не дает ему возможности к развитию его личной инициативы на собственной земле. Было бы ошибкой на основании вышесказанного предполагать, что у русского крестьянина нет национального чувства. Тут следует указать на то, что его нужда при Советской власти была настолько велика, что все остальное должно было временно отойти на задний план. Нельзя забывать и то, что, несмотря на гнет красной власти, из крестьянской среды всплыл на поверхность национальный слой новой русской интеллигенции. Не любовь к отечеству в западноевропейском смысле слова, но какое-то особое и ясно выраженное чувство народного единства проявляется даже среди самых простых людей.

Русский крестьянин никому и ничему не верит; он слишком часто был обманут правительством, а потому убедить его могут не слова, а только факты. Число безграмотных среди крестьян уменьшилось значительно. Это было необходимо для Советской власти, потому что ее пропаганда могла вестись успешно главным образом посредством печатного слова.

Всюду в деревнях, где встречаем колхозника, мы узнаем в нем прежнего русского добродушного мужика, в душе которого таятся тысячи противоречивых и неожиданных возможностей.

Рабочий

Если сравнить теперешнего рабочего с рабочим периода первой мировой войны, то следует признать, что он стал более смышленым и многому научился по специальности. Но несмотря на это по производительности его нельзя поставить рядом с германским рабочим. Ни его работоспособность, ни его заработная плата не могут измеряться западноевропейским масштабом. Вопрос о заработной плате и ценах не входит в рамки этого доклада, но на него следует обратить внимание, потому что только разумным и справедливым решением этого вопроса использование русского рабочего отвечало бы нашим интересам.

Рабочие массы были подвергнуты советской пропаганде интенсивнее и успешнее всех; это следует хорошо учесть, обращаясь к советскому рабочему. К нему бесцельно подходить с вопросом «о свободе различных вероисповеданий», о которых он ничего не знает, или об успехах «Германского рабочего фронта», о котором он пока что не имеет никакого понятия.

«Но я знаю, — говорит он, — что наших людей насильно увозят в Германию, где они ничего не получают за свой труд и вдобавок принуждены носить унижающий человека знак „Ost“».

Лозунг, что мы воюем за победу национал-социалистического отношения к человеку труда, от которого отказались бы, пожалуй, чех и поляк, мог бы иметь большой успех среди русских.

Можно было бы написать особую главу о белых рабах в Советском Союзе, которые голодают и умирают, присужденные на пожизненные принудительные работы на аэродромах, автопутях, на каналах и лесных заготовках. Согласно официальным данным Советского правительства, число этих «политических» превосходит общее количество рабочих в высокоразвитой индустриально Бельгии.

Во время войны политические узники, а также и обычные уголовные преступники были призваны на службу в Красной Армии; их миллионы, и рано или поздно нам придется столкнуться с этой особой и весьма трудной проблемой, которая еще раз говорит о том, что в России нам во многом надо будет отказаться от западноевропейского масштаба.

Пространство и население

Теперь коснемся вопроса о пространстве и количестве населения, которые сильно повлияли на психику русского человека. Европеец, освоившийся в своем маленьком пространстве, должен приспособиться не только разумом, но и чувством, если он хочет успешно выполнить свою задачу на Востоке.

Русский имеет врожденное чувство широты и непреодолимости родного пространства, а потому даже современные успехи в области передвижения не ослабили в нем этого чувства. Он знает, что одинокий человек обречен на гибель в этом необъятном пространстве. Он убежден, что каждый должен подчиняться большинству и что даже выдающиеся личности обязаны служить большинству, если они хотят управлять страной.

Широта русского пространства с его непроходимыми лесами и буйными реками несомненно тормозят каждый шаг прогресса и каждое к нему стремление. Поэтому изменить жизненный ритм в этом пространстве — да еще зачастую против индифферентной к этому массы — весьма трудно.

Широта и безграничность страны сформировали характер русского человека; отсюда — его хаотическая необузданность, а наряду с этим безмолвное и терпеливое преклонение перед силами природы, нуждой, эпидемиями и перед гнетом со стороны властей. Вот почему судьба отдельного гражданина всегда имела у русских второстепенное значение. Тут, кстати, следует указать на то, что германский человек, будучи иной духовной структуры, преодолел и подчинил себе и пространство и его необузданность. Америка тоже является этому примером. В настоящее время всюду перед нами стоит нетребовательный, безвольный, запуганный и безропотный русский человек, внешность которого говорит о нужде и нищете.

С первоначально провозглашенной реорганизации большого капиталистического хозяйства центр проблемы был перенесен Кремлем в плоскость культурной борьбы, где главным лозунгом является отрицание духовного начала и нашей западной культуры. И вот, наряду с этим официально требуемым отрицанием духа, стоит все тот же — «я знаю, что ничего не знаю» — ищущий, вопрошающий и готовый к восприятию русский человек.

* * *

Тут, пожалуй, будет кстати указать на причины сильного и упорного сопротивления, которое оказала нам Красная Армия. РУССКИЙ ВСЕГДА БЫЛ ОЧЕНЬ ХОРОШИМ СОЛДАТОМ — ДИСЦИПЛИНИРОВАННЫМ, ПОКОРНЫМ СУДЬБЕ И КРАЙНЕ НЕТРЕБОВАТЕЛЬНЫМ. Эти-то его черты оказались теперь весьма полезны кремлевским властителям. Как патриотические, так и религиозные мотивы были ими весьма искусно использованы, а крестьянину недавно снова была подана надежда на собственную усадьбу.

Все средства были пущены в ход, чтобы пойти навстречу «ищущему» и удовлетворить его всевозможные желания, — конечно, только обещаниями.

Даже на основании этой ограниченной характеристики нетрудно объяснить, почему русский так отличается от западного европейца. В будущем он явится главным объектом реорганизации восточного пространства, когда Германская армия ликвидирует красный режим.

* * *

Русский человек подходит к нам с вопросом, который интересует и нас: что же будет теперь? «До сих пор я был железнодорожником, чиновником, офицером... Кем стану я теперь?.. До сих пор я был советским человеком, и все мы были гражданами государства, которое хотя и поработило нас, но под лозунгом довести всех нас до лучшего будущего. Кем станем мы теперь?!»

Вопрос этот имеет двойной смысл — политический и психологический. Политические вопросы не входит в рамки данного доклада. Для затрагиваемого здесь вопроса не имеет значения и то, как будет выглядеть карта Восточной Европы. Однако в пределах известных границ мы встретим 100 миллионов русских и должны будем прийти с ними к какому-то соглашению, для чего практически существуют только две возможности: русский окажется враждебным или он окажется дружелюбным.

Враждебное к нам отношение заставит нас прибегнуть к насилию. В этом случае нас не будет интересовать своеобразная психика русского человека, и мы не должны будем считаться с его политическими и экономическими интересами. Правда, это не совсем так. Мы знаем, что отношение русского к власти, собственности и страданию совершенно иное, чем наше, — и вот мы появляемся там с нашей западноевропейской властью. Наша власть должна показаться русскому, в сравнении с советской, мягкой и вполне приемлемой.

В противном случае нам придется изменить наш курс, т. е. организовать полицейский аппарат вроде НКВД. Это было бы возвращение к старому русскому методу.

Если вопрос собственности мы не разрешим вовсе или разрешим только полумерами, если страдание мы не превратим в радость, то рано или поздно мы так же, как и ненавистный большевизм, должны будем организовать тотальное и суровое управление. Если же мы ничего этого не предпримем, то мы можем пойти другим путем, то есть стремиться вызвать в русском человеке дружелюбное к нам отношение.

Это-то и есть естественная психологическая возможность, но она требует основательного знания характера русского человека, если мы случайной ошибкой или несогласованными мерами не желаем увеличить по отношению к нам затаенную в нем неприязнь. Если мы хотим расположить к себе русского, то не ради его самого, а только потому, что мы рассматриваем это как нашу европейскую миссию: мы делаем это для нас и наших детей. Победу нашего оружия и результаты этой победы на Востоке мы хотим обеспечить на продолжительное время, а это возможно только заодно с русскими, но не против них. Только с ними мы можем объединить русский простор, установить в нем мир и извлекать из него пользу.

Вопрос о том, как расположить к себе русского, в настоящий момент не подлежит обсуждению. В дальнейшем мы должны будем привести ему доказательства в том, что наша идея выше, чем его, и объяснить ему не только то, против чего мы воюем, но и за что мы воюем. Советский человек после уничтожения нами Советской власти должен будет знать, кто он теперь. Его импульсы и противо-импульсы с их острой противоположностью должны быть сближены, тогда и его «искание» потеряет напряженность через достижение конкретной земной цели. Так как советский человек не может и не должен стать немцем, он должен сначала осознать, что он русский и как таковой может быть членом европейской семьи народов, руководимой Великой Германией, которая предоставит ему счастливую долю. Расположить к себе — значит воспитать, а воспитать — значит прежде всего быть примером.

Итак, перед нами громадная и трудная задача; она поставлена нам судьбой и является нашей культурной миссией — склонить в нашу сторону Восток с его народами, чтобы сделать его полезным и для будущего Германии.

Так как наши интересы в данном случае совпадают с интересами русского народа, судьба всецело идет нам навстречу.

Мифологический детектив

«Не любо — не слушай, а врать не мешай». Я бы так определил сам жанр литературной фантастики, как научной, так и антинаучной, основанной на способности «сказывать небывальщину за правду» (В. И. Даль), то есть на фантазии, на творческом воображении.

Но писатель-фантаст Юрий Петухов с этим своим несомненным даром вторгся в ту область, которая в принципе (так, во всяком случае, принято считать) должна основываться на фактах и только фактах, исключая любые домыслы и вымыслы. «Историк строгий» обычно гонит, не допускает «мечты поэта», старается обуздать свою фантазию. Хотя и пресловутая точность исторических знаний и исторических фактов тоже, мягко говоря, преувеличена. Но дело здесь даже не в самой этой точности или неточности (в любых случаях весьма и весьма относительной), а в праве на гипотезы, на творческий вымысел. В этом отношении труды Б. А. Рыбакова, в том числе такие фундаментальные, как «Язычество Древней Руси», «Язычество древних славян», лично мне всегда представлялись не столько наукой, сколько научной фантастикой. Но в этом я вижу отнюдь не недостаток, а едва ли не основное достоинство работ маститого академика. Точно так же в теории этногенеза Льва Николаевича Гумилева меня поражает не степень достоверности или недостоверности приведенных им фактов (факты можно подобрать к любой самой бредовой теории, что и продемонстрировала марксистско-ленинская историческая наука), а глубина мысли, идеи, сама попытка переосмысления истории человечества.

Юрий Петухов, надо полагать, заранее знает, каких «собак» ему навешает наша историческая наука, а потому и не претендует на какую-либо научность своих гипотез, оставаясь в рамках избранного им литературного жанра. И тем не менее уже с первых страниц этого мифологического детектива читатель убеждается, что его вовлекли в область серьезнейших, глобальных научных теорий метаистории, прародины и прарелигии славян.

Писатели-фантасты уже давно освоили иные миры, планеты и галактики, и мы знаем об инопланетянах едва ли не больше, чем о самих себе — землянах. Видимо, настало время вернуться из этих дальних космических полетов на нашу собственную землю и попытаться представить — хотя бы с помощью фантастики — не только ее будущее, но и ее прошлое. А для этого необходимо, прежде всего, освободиться от привычных схем, выработанных как марксистской, так и антимарксистской исторической наукой. В свое время «любитель», «дилетант» в истории Сергей Лесной (см. о нем «Слово» № 12, 1991 г.), чьи работы о Влесовой книге до сих пор будоражат научный мир, в одной из статей 50-х годов писал о том, что советская историческая мысль десятилетиями была парализована боязнью ревизионизма. «Но ведь ревизионизм, — подчеркивает Сергей Лесной, — основной двигатель науки, ни один истинный ученый не останавливается на достигнутом, а стремится вперед, а это «вперед» всегда означает переделку, изменение старого. Ревизионизм — это душа науки, ее основной фактор».

В этом отношении «Подлинную историю русского народа» Юрия Петухова вполне можно обвинить в ревизионизме, она пересматривает и переосмысливает все существующие теории. И подобная «шоковая терапия» тоже крайне необходима нашему историческому сознанию, она способна вывести его из состояния стагнации, застоя, клинической смерти.

Ну а те, кому все это «не любо», чуждо, враждебно, могут не слушать, не читать, не видеть. Благо, что теперь у нас есть право, а главное — возможность выбора, и даже в литературной фантастике тоже появилась альтернатива обычному «чтиву», заполнившему, заполонившему прилавки и сознание читателей.

ВИКТОР КАЛУГИН

Юрий Петухов. ДОРОГАМИ БОГОВ. Историко-мифологический детектив-расследование. Серия: «Подлинная история русского народа. 12 тысячелетий». М., Мысль, 1990.

Наша боль и печаль

Разговор с ученым-историком Петром Колесниковым

Деиь был морозным, стылым. От холода сизый воздух и белый, все засыпавший снег особенно ясно и четко очерчивали контуры старого города. Серые блочные дома скрылись за низким, тусклым небом, и вперед выступила Вологда древняя, с белокаменнмм Кремлем, суровым и строгим Софийским собором, куполами церквей и небольшими, уютиыми, по-своему изящно-красивыми деревянными и каменными старыми домами, рассыпавшимися вдоль крепко скованной льдом реки Вологды...

Исторический центр города казался почти не тронутым временем. Таким, каким он остался только на старинных гравюрах, открытках, фотографиях и, пожалуй, в памяти людей. Ведь память — это «свойство души хранить, помнить сознание о былом», так объяснял суть вешей великий хранитель слова Владимир Даль.

С людьми, обладающими таким «свойством души», мне и хотелось встретиться здесь. Вологда — город знаменитый и своими древними памятниками, и народными ремеслами, и той ролью, которую играют в современной литературной и общественной жизни вологодские писатели и поэты. Но эта сторона вологодской жизни и славы хорошо известна многим... Меня же интересовала другая, более будничная, что ли, жизнь Вологды культурной, в которой тесио переплелись традиции и современность, история и день сегодняшний, в которой повседневно и незаметно идет тихая созидательная работа, и, несмотря ни на какие внешние обстоятельства, не нарушается связь времеи, не прерывается цепь между прошлым и будущим... Словом, то, что поддерживает и питает Вологду — исстари «знаменитую».

...Петр Андреевич Колесников, на встречу с которым я шла, человек в Вологде широко известный. «Связь времен» — это то, что определяет смысл и суть всей его профессиональной и общественной деятельности. Он — историк, доктор исторических наук, профессор Вологодского педагогического института. Человек очень энергичный, деятельный, занятой, несмотря на свои почти восемьдесят лет. И выбрать время для неспешного разговора о жизни, об истории, о традициях Севера, как мы предварительно договаривались, оказалось непросто... Но вот мы сидим в самой «теплой» из комнат его квартиры, служащей хозяину сразу и приемной, и кабинетом... В самой «теплой» — плюс 15. «В остальных — лучше даже на градусник не заглядывать, — привычно поясняет Петр Андреевич. — Современные дома разве для жизни предназначены? Впрочем, я уже привык, совсем не мерзну».

Жилище любого человека может многое рассказать о пристрастиях, интересах, увлечениях хозяина. У Колесникова все в доме — о Севере. На стенах — тонкие пейзажи, яркие натюрморты, характерные жанровые сценки, множество гравюр — работы старых и современных вологодских и архангельских художников... На полках — книги старые и новые, присланные, подаренные, его собственные научные труды — все об истории, этнографии, культуре Русского Севера. И первый вопрос был скорее утверждением: «Вы, конечно же, — северянин?!» Он лукаво улыбнулся:

— А что, разве похож?! — и, не дожидаясь, уточнил: — Родом я с Кубани. Мои предки — настоящие кубанские казаки, крестьяне, ведущие свой род еще от запорожцев, чем я горжусь...

Открытие Шальи

— Что же вас из теплых мест привело на Север?

— Как водится в юности, романтическая история — неудачная, несчастная любовь. От сердечиых мук пришлось бежать в дальние края. Вот и оказался я в незалетной глуши, среди Тихвинских болот, в маленькой северной деревеньке Шалья, сельским избачом. Было это в 1927 году...

РУССКИЙ МИР. *Беседы о судьбах Родины*

Я еще застал тогда русскую жизнь живой, нерастраченной, неуничтожеиной.

— И какой же она была?!

— Важно, пожалуй, другое — каким я был в ту пору! А был я рьяным активистом, влюблеиным во все советское. Может, в отличие от шальных парней, был чуть-чуть пограмотнее, поскольку пришлось учиться еще в хорошей старой школе, с добрыми традициями, да и близкие мои родственники — дяди, тети — были людьми образованными, что тоже не прошло даром. Не скажу, что я горел желанием «разрушить все до основания», но о том, что ради революции нам надо избавиться от иашего «дикого, темного, грязного прошлого», олицетворением которого являлось якобы крестьянство, наслышаи был.. С таким багажом я пришел в Шалью.

Добраться до нее можно было только пешим ходом, и неблизкое место — почти пятьдесят верст! Устав от долгой дороги по болотным тропам, почти на подступах к деревне я прислонился к черному от старости деревянному столбу, чтобы перевести дух... Поднял голову и увидел медную табличку, позеленевшую от времени и непогод, с названием деревни и числом «ревизских душ» согласно переписи 1857 года. Представляете?! «Ревизские души»! Я кажется, даже расстроился, с сожалением и тоской подумав: «Вот это „медвежий угол“! Какой давностью живут...»

Первый дом, в который я постучал, оказался жилищем старого егеря. Дед, почти под девяносто лет, но могучий, жил бобылем и мне обрадовался. Оказалось, в Шалье давно не было избача, и люди истосковались по книгам и газетам! Старик егерь был большим книгочеем, но никогда не покидал родной деревни. Он-то и поразил меня своей самозабвенной любовью к Некрасову, стихи которого знал наизусть и читал без устали. А как он рассуждал о жизни, о времени, о народе! Я до сих пор жалею, что тогда не записал его глубоко мудрые мысли. Но разве наша молодость знала цену народиой мудрости, мы были сосредоточены только на себе и революции... Старик же неутомимо рассказывал мне историю своего крестьянского рода, уходившего в век шестнадцатый... Он помнил не далекое прошлое, а будто миновавший день, и казалось, что его деды, прадеды, прапрадеды живут в соседних домах. Это удивительное свойство народной памяти — сокращать простраиство и время, делать его близким, доступным, современным.

Вскоре после моего появления в деревне где-то в газете дед вычитал, что «в столицах» производят «омоложение». Была тогда и такая кампания объявлеиа, что-то вроде похода за эликсиром молодости. Он пристал ко мне: «Узнай, хочу стать снова молодым!» Я написал письмо в Москву, в Академию наук, и вскоре егерю пришел вызов. Надо ли говорить, что его возвращения вся деревия ждала с нетерпением, ему уж невесту подобрали молодую... Через несколько месяцев старик вернулся. Не юный, как все мы ждали, но более оживленный, энергичный, веселый. А через три месяца умер.

Я не мог себе простить, что поддался на его уговоры. Старик жил бы да жил, если бы не «омоложение». Говоря современным языком, это «омоложение» — попытка воздействовать на иммунные силы организма методом психотерапии.

Я с ужасом смотрю телесеансы «здоровья» Кашпировского, Чумака... Все в нашей жизни уже было!

— Петр Андреевич, сегодня, в отличие от времен вашей юности, к прошлому относятся весьма противоречиво, то идеализируя, а чаще бранясь, но не осмысливая происходившее. Особенно это касается деревни «доколхозной»...

— Видите ли, некоторые современные политики, экономисты, публицисты идеализируют не «доколхозную» деревню, а только ее экономический уклад, что, на мой взгляд, является принципиальнейшей ошибкой. Прежний экономический уклад утрачен, вернуть его невозможно, да и незачем. А вот возродить духовное содержание жизни и труда, единство духовного и экономического строя, которое отличало прежнюю деревенскую жизнь, — это важная задача. Но я не вижу, чтобы за ее решение кто-либо всерьез брался.

А именно в этом смысле северная деревня, где крестьянская жизнь составляла гармонию труда, бытв, нравственности отношений, может служить добрым примером и сегодня... Артельный уклад жизни, складывавшийся веками, создавал особую нравственную атмосферу, где не было деления на «твое» и «мое», где труд, заботы, горе, радость — все было общее, где нельзя было лениться, работать плохо, некрасиво... Север держался на могутном труженике!

Я хорошо помню Шалью... Все там было несколько иначе, чем в моей родной кубанской станице. Культура жизни, духовность, чистота нравов и отношений. Все это меня тогда, еще совсем молодого человека, очень поразило. Крестьянская жизнь была разумно-целесообразна, беззаветный труд, привычный быт и религиозность сочетались с высокой духовностью.

В Шалье было три церкви. Но ко мне в читальню и молодежь, и старики ходили, как в храм, с таким же уважительным отношением, нарядно одетые и красивые. Тогда нельзя было услышать от кого-либо грубого, бранного слова. Во многих домах были книги, тяга к знаниям у всех была огромная, читали запоем. В те времена учитель слыл самым уважаемым человеком. А мое тогдашнее положение деревенского избача, честное слово, по статусу было авторитетнее и почетнее, чем, может быть, нынешнее профессорское звание.

Трудно поверить, но мы, и стар и млад, своими силами поставили почти все пьесы Островского и с большим успехом выступали со спектаклями во всех окрестных деревнях... А какие праздники, веселые и красочные, устраивались в Шалье, как танцевали, пели! Я нигде больше не видал двадцать колен кадрили! Вот вам и темень задвинная...

Эти люди удивительно знали истинную красоту. В крестьяиском быту все было красиво. Девушки на посиделки в читальню приходили с чудно расписанными прялками. Их наряд, кокошник, украшения — тогда все еще было «живо» — составляли настоящие произведения искусства. Никто никогда из них не говорил об искусстве, об эстетическом воспитании, но все, что окружало человека, любые предметы труда и быте несли в себе высокую эстетику. Василий Белов в «Ладе» верно пишет, что человек старался сделать все красивым. Стремление к красоте и делало его труд одухотворенным. Крестьянская практичность, целесообразность, душевность и возвышенность — понятия неразделимые.

Позже, уже в годы коллективизации, когда я работал учителем в Нюксенском районе, как очевидец, могу утверждать: деревня сохраняла все свои устои. Уже и колхозы были, но колхозы — однодеревенские, небольшие. В них сохранялись артельные, общиниые нравы и отношения. И если бы они удержались, мы так скоро не утратили бы духовные и нравственные основы народной жизни.

Прав ли Белов?

— А как вы относитесь к роману «Кануны» Василия Белова? Это же трагедия северной деревни времен коллективизации!

— Василий Иванович прав в своих оценках и выводах как художник. Факты, описанные им в романе, были в действительности. Главное, точен его диагноз — крушение вековых нравственно-социальных устоев. Но это итог сталинской коллективизации, нарушившей весь механизм отношений, лишившей личность всего личного, субъективного. Но процесс этот был неоднозначным и заметно отличался от того, что происходило, скажем, в это же время на юге России. Там изначально внедрение коллективных форм хозяйствования было трагедней. На Севере же обстояло иначе. Колхозный уклад был близок к вековым традициям

общинной, коллективной жизни северных крестьян. Поэтому в начале коллективизация была понята и принята народом. Однодеревенские, небольшие колхозы, товарищества отвечали северным крестьянским привычкам, устоявшимся социально-экономическим связям... А вот когда коллективизация пошла дальше, вширь, началось «укрупнение» хозяйств, тут северную деревню и подрубили «под корень». Мы сейчас готовим к печати двухтомник «Очерки по истории советского крестьянства европейского Севера» и анализируем цифры, факты, документы. Конечно, многие страницы жизни крестьянства мы оцениваем по-иному, чем Василий Белов, но это понятно, мы — историки, он — художник.

— Избач, сельский учитель, доктор наук, профессор... Путь неблизкий! Это что — закономерность, веление времени?

— Судьба была, несомненно, щедра ко мне. В начале тридцатых, в Устюжне, я встретил человека, который перевернул всю мою жизнь, дал опору всем моим сомнениям, раздумьям, поискам. Андрей Александрович Поздеев — коренной устюжский крестьянин. Он был образован невероятно — закончил Петербургский и Берлинский университеты, слушал лекции в Сорбонне. А всю жизнь прожил в Устюжне и пзоработал сельским учителем. Он был типичным представителем старой крестьянской северной интеллигенции. Блестяще знал литературу, владел четырьмя языками, не считая латинского и греческого, прекрасно играл на фортепиано, любил и понимал искусство, переписывался со многими выдающимися деятелями культуры. Он увлекался историей родной Устюжны, знал назубок все местные предания, родословные всех примечательных устюжан и очень интересно о них рассказывал. Именно он заставил меня по-иному, более пристально, взглянуть на окружающую жизнь и открыл историю Отечества. Правда, еще долгие годы она была моим досужим увлечением, удовлетворением любопытства — я продолжал работать сельским учителем. Кандидатскую диссертацию защитил к пятидесяти годам, а докторскую, можно сказать, совсем недавно...

— И не жалеете о выборе? Все же занятия историей у нас — дело хлопотное. Многое зависит от политической конъюнктуры, «идейных установок», вчера славили «колхозное строительство», сегодня это объявляется ошибкой.

— Меня за мои научные пристрастия, — он печально улыбнулся, — некоторые столичные коллеги называют «лапотным историком».

— Вас это оскорбляет?

— Меня — нет. Оскорбительно, что в этом проявляется по-прежнему бытующее у нас в обществе пренебрежительное отношение к крестьянству. Это культивируется на страницах некоторых газет, журналов, в произведениях искусства, где опять — в который раз! — «отлучают» крестьянство от культуры и видят в крестьянине символ дикости, косности и невежества.

Да, я по рождению крестьянин, почти всю жизнь жил среди крестьян, долгие годы изучаю историю северного крестьянства и убежден, что они не только наше прошлое, но и наше будущее! Не одним крестьянским хлебом нам предстоит еще питаться, а прежде всего народной крестьянской культурой, нравственностью, духовностью. А значит, без истории северного крестьянства не обойтись. Северное крестьянство — явление поразительное. Образ его во многом искажен клеветой и напраслиной, когда-то возведенной в политических целях. Но ведь он и поныне не освобожден от этой клеветы, несмотря на усилия многих наших ученых и замечательных современных северных писателей и поэтов, написавших о нем горькую и высокую правду.

— Что вы имеете в виду?

— Ну, да хотя бы взять, к примеру, известную статью Ленина «О продналоге», в которой он явно намеренно подчеркнул, что к северу от Вологды царит «полудикость и самая настоящая дикость». Долгие годы этой ленинской цитатой размахивали, как булавой, проводя против северной деревни многочисленные «кампании». Дики, мол, невежественны, ограниченны, темны, страшны...

Более двадцати лет работает у нас научное проблемное объединение по изучению аграрной истории края и северного крестьянства. Оно объединяет ученых Вологды, Архангельска, Петрозаводска. Сыктывкара. Результат нашего совместного трудв — двухтомная «История северного крестьянства», изданная несколько лет назад, еще до перестройки. И знаете, хотя сейчас и происходит переоценка многих «идейных ценностей», как вы говорите, и более популярен критический взгляд на прежние дела, особенно если они касаются отношения к истории и «крестьянскому вопросу», нам за этот научный труд не стыдно. Я уже сказал, что у нас подготовлены и очерки истории советского крестьянства. Они тоже итог многолетней работы, а не политической конъюнктуры...

Древние письмена

— Тем более что северное крестьянство, — продолжал развивать свою мысль Петр Андреевич, — как раз и было по вековой традиции наиболее грамотное, культурное, образованное — не только в России, но, может, и в Европе. Эту точку зрения я и пытаюсь отстоять.

И доказательств этому множество. Это и рукописные древние книги, а позже печатные, которые были почти в каждом северном доме — крестьянском, ремесленном, купеческом... Я видел их еще в тридцатых годах в самых глухих северных селах. И одиннадцатитомная опись сохранившихся «Памятников письменности», которую мы недавно издали...

— Какая опись?

— В свое время множество древних рукописных книг из разоренных северных монастырей были свезены в местные музеи. Никто из специалистов толком не знал, какие книги сохранились, какие утеряны, что в них, о чем они. И что есть, к примеру, в Кирилловском, Устюженском или Тотемском музеях. Возрожденная в Вологде двадцать лет тому назад Археографическая комиссия Академии наук СССР, при участии московских и ленинградских специалистов и студентов нашего пединститута, провела большие научные изыскания и издала уникальный одиннадцатитомный каталог-путеводитель «Памятники письменности в музеях Вологодской области», где описаны все письменные источники, начиная с рукописных книг и заканчивая документами советского периода...

Но есть и другие, не менее веские доказательства широкой грамотности на Русском Севере. Существует уникальный исторический документ XVIII века — «Подворная перепись Архангельской губернии 1785 года». Это, вероятно, единственный в стране и мире подобный документ, поскольку на основании этой переписи определена грамотность всего мужского населения Архангельской губернии, в состав которой в прежние времена входила большая часть нынешней Вологодской области.

— Могли бы вы назвать некоторые цифры?

— Пожалуйста. Вот Лявлинская волость. Всего дворов — 27, душ — 78. Процент дворов с грамотным населением — 22,2. Процент грамотных душ к числу общего мужского населения — 20,5. Это очень много, имейте в виду, что переписывали только мужское население. А на Севере немало было и грамотных женщин. Есть двже уникальная рукописная книга XVII века, переписанная посадской женщиной. Были волости с невысоким процентом грамотности — 5,9. Но в среднем в Архангельском уезде грамотность составляла — 17 процентов, а в Холмогорском еще выше — 18,6 процента. В восемнадцатом веке ни одна, вероятно, страна в мире не могла сравниться с нашим Севером по уровню грамотности. Так что и гении наши народные — Михаил Ломоносов и Федор Шубин — не каприз природы, а естественное проявление могучих сил народа, его высокой культуры.

При такой многовековой традиции наш народ просто

не мог пребывать в невежестве, которое ему столь усиленно навязывается и ныне.

Удивительный генотип

— Как известно, в XVI—XVII веках Север был воротами и в Россию, и из России, и на Запад, и в Европу, и на Восток, в Сибирь, — увлеченно объясняет Петр Андреевич. — Все пути — товарные и людские, дипломатические и ссыльные, паломнические и старообрядческие — шли через Вологду по Северной Двине к Архангельску, к морю, к Соловкам, к Печоре. Так возникли на Русском Севере своеобразные центры, где скрещивались западно-европейская и славяно-русская культуры.

На Севере было и множество монастырей — центров древнерусской культуры и просвещения. Еще больше было ссыльных религиозных деятелей, бежали к нам и старообрядцы. В Ферапонтовом монастыре отбывал ссылку Патриарх Никон, а в Пустозерске — протопоп Аввакум... Так что и в этом смысле Север был центром свободомыслия.

Здесь не существовало классической формы крепостнических отношений, крестьяне находились в феодальной зависимости от государства и были лично свободными, могли сами распоряжаться собой и своим имуществом.

И суровая северная природа...

Все это вместе взятое и сформировало удивительный генотип, облик северного крестьянина и ремесленника — независимого, находчивого, предприимчивого, трудолюбивого, свободного, обладающего широким кругозором, более творческого, мастеровитого. Именно такие крестьяне и ремесленники внесли огромный вклад в материально-духовную культуру Севера и, если хотите, сделали его в ту пору центром мировой культуры.

— Северное искусство?

— Древняя живопись, зодчество, искусство — само собой. Но не только! Северное крестьянство дало удивительных конструкторов, инженеров. Еще в семнадцатом веке тотьмичи, занимающиеся соляным промыслом, первыми в мире разработали инженерное наставление по технологии бурения глубинных скважин, поскольку в Тотьме слишком глубоко под землей протекали соляные ручьи. И до сих пор в мире пользуются этой технологией, принцип которой сформулировали древнерусские инженеры!

И первые в мире рукописные лоции морского судовождения были разработаны архангельскими поморами задолго до Европы. И травосеяние распространилось в Европе от нас. Северные крестьяне были и великими агрономами...

— Вы говорите о крестьянах... Может, все-таки речь вести о древнерусских мастерах, инженерах... Глубокое бурение и морские лоции — не совсем крестьянские занятия?

— Дело в том, что весь Север так тесно связан с крестьянским миром, промысловым трудом, что отделить одно от другого невозможно. Города у нас были малочисленные, малонаселенные, управлялись «сходом-миром» и полностью находились под влиянием крестьянской культуры. Кроме, может, Вологды и Архангельска. Более того, наше крестьянство было не только аграрным, но и ремесленным. Имея личную свободу, многие овладевали ремеслом и ходили, особенно в зимнюю пору, на разнообразные промыслы.

Недаром Петр I «мобилизовал» на строительство Петербурга в первую очередь архангелогородцев. Северный крестьянин — мастеровой работник. В течение 10 лет Север ежегодно поставлял по 20 тысяч человек на строительство Петербурга. Историк Костомаров утверждает, что Петербург был построен на костях украинских крестьян. Нет, он стоит на костях северян. Именно Петр I нанес первый разрушительный удар по северной деревне. С него началась государственная политика выжимания, опустошения, выкачивания человеческих ресурсов из деревни. Но и город в ту же пору начинал разрушительно воздействовать на нравственность крестьянского человека, его облик — начинали входить в моду городские одежды, манеры, разговоры. Правда, Север и тут оказался счастливее — ведь городов у нас было мало.

— И северная деревня на первых порах уберeглась от пагубного влияния?

— Можно сказать и так. Социальный генотип северного крестьянина, сформированный веками, спас его тогда от гибели и спасает еще до сих пор. И будет спасать. Память о прошлом — это уверенность в будущем. Многолетнее изучение крестьянских родословий, на которое меня подвигли старый егерь и учитель Поздеев, убеждают меня в этой мысли. Мне удалось проследить историю некоторых крестьянских родов за 300—400 лет. Род солеваров Бабушкиных, род потомственных лоцманов Чекалевых, крестьянский род Масловых... У меня целый шкаф родословий вологодских крестьян, ремесленников, интеллигенции из крестьян. Это фантастический материал! Честное слово, на нашем крестьянине мир держится и поныне! Большая и лучшая часть местной интеллигенции, в том числе и творческой, вышла из крестьянской среды, как раз в силу особых духовных ее качеств — независимости, свободомыслия, работоспособности, нравственной устойчивости. Именно к началу двадцатого века и был окончательно сформирован генотип активного, талантливого человека, за счет которого мы еще интеллектуально и духовно живем.

Из крестьянского рода

— Так ли уж это?!

— Представьте себе! Мои студенты проделали большую и кропотливую исследовательскую работу и выяснили, что вологодская деревня дала 129 Героев Советского Союза, это девяносто три процента от общего числа наших вологодских Героев! И двадцать пять полных кавалеров ордена Славы! Деревня была нашей защитницей! 72 Героя Социалистического Труда! В какой бы хуле ни было это звание ныне, но не «вождям»-то оно все-таки давалось за труд! А еще из крестьянства у нас — 45 писателей и поэтов, 23 художника, 64 известных ученых! Назову только несколько имен: Гиляровский, Клюев, Орлов, Тендряков, Яшин — писатели. Здравствующих не называю, их — знают. Художники — Верещагин, Борисов, Пахомов. Ученый-маслодел Верещагин, авиаконструктор Ильюшин, инженер Можайский, хирург Амосов... И землепроходец Хабаров тоже наш... Чувствуете, какая связь времен? Вот что такое деревня, она питала и питает нас, без нее мы никуда...

— Но многие ли разделяют ваш оптимизм?

— Сталинские, брежневские, хрущевские «эксперименты» нанесли огромный ущерб деревне, деформировали ее духовную основу. Но я убежден — деревня не умерла и не умрет. История это доказывает.

Я работаю над книгой «Родословие вологодской деревни», где пытаюсь проследить историю древних вологодских деревень, первые упоминания о которых встречаются в письменных источниках XII—XVII веков. Когда в 1937 году образовалась Вологодская область, в ней насчитывалось более 18 тысяч населенных пунктов (деревни с хуторами). Деревень было чуть больше 12 тысяч. На 1 января 1973 года деревень осталось чуть больше 9 тысяч (хутора исчезли с коллективизацией). Сейчас у нас числится около 7 тысяч деревень. И самое интересное, что 5 тысяч из них упомянуты в документах XII—XVII веков. Вот так! Старые деревни здравствуют несмотря ни на что! Есть две деревни, впервые упомянутые в документах 1137 года! А деревня Кузьминское Оштинского сельсовета в Вытегорском районе через несколько лет будет справлять свое 500-летие — тоже юбилей немалый. В писцовой книге в 1496 году о ней записано: «Деревня на Оште Кузминская. Ивашко Оникейков сеет ржи коробью, сено косит 7 копий».

— А в деревне Кузьминской кто-нибудь знает о предстоящем юбилее?

— Нет, пока никто. Но мы должны вернуть память лю-

дям. В исторической памяти — наша сила. Если пять тысяч вологодских древних деревень выжили, несмотря на тяжкие петровские, сталинские, хрущевские опустошения и притеснения, значит, им жить долго.

Думаю, что именно эти деревни надо поддерживать, сохранять, возрождать. И история, как наука, могла бы своими рекомендациями основательно помочь. Исторический опыт может быть неоценим.

К сожалению, и сегодня народные депутаты, экономисты, политики, полемизируя друг с другом, речь опять ведут о деревне только с точки зрения экоиомической, «живота ради». Но без возрождения духовных начал народной жизни, без возвращения народной культуры в деревенскую повседневность никакого, особенно экономического, скачка не произойдет. Человечество развивается в единстве начал — экойомического и духовного. Я понимаю, что экономика поддается экономическому расчету, а духовная жизнь народа — нет. Но когда нравственно-этические основы крестьянской жизни во многом деформированы, нашим политикам, ученым, экономистам трудно найти это единство — духовное и экономическое — в путях преобразования деревни и общества в целом. Однако, ставя перед собой большие задачи, нельзя опускаться до житейского толкования жизни.

К счастью, уверен, что наш народ обещаниями только «сытости» на подвиги не заманишь, в нем, несмотря ни на что, сильны нравственные устои. Иначе полное обращение только к материальной сторoие жизни и забвение духовной, к чему призывают некоторые деятели перестройки, стало бы окончательной гибелью для деревни, для народа, для всех нас. Потому что мы, Россия, были и остаемся крестьянскими по своему духу...

Объединение ради жизни

— Петр Андреевич, вы владеете достаточным материалом, чтобы в какой-то степени влиять на преобразование не только деревни, но и нашего общества в целом. Разве ие так?!

— Мы в меру сил стараемся это делать, но, к сожалению, большинство наших научных работ и достижений так и остается достоянием профессиональной среды. Причин этому много: невелики наши «материальные» возможности, микроскопичны тиражи научных трудов, досадная разобщенность научных сил провинции и неизжитое до сих пор пренебрежение к свидетельствам исторической науки, неумение пользоваться ее достижениями...

Чтобы переломить отношение общества к исторической науке в целом, к истории Русского Севера и использовать все, чем мы владеем, на благо Отечества, нам нужен иной масштаб научной деятельности.

Давно назрела необходимость создать Координационный Центр Академии наук по изучению культуры Русского Севера. Для этого есть все основания. Не только у нас в Вологде, но и в Архангельске, Петрозаводске, Сыктывкаре в последние три десятилетия сложились сильные научные коллективы, которые всерьез занимаются изучением материальной и духовной культуры Русского Севера. Вокруг наших проблемных объединений по изучению аграрной истории края и северного крестьянства и отделения Археографической комиссии АН СССР, о которых я говорил, все годы работающих на общественных началах, объединилось более двухсот ученых Севера, Москвы, Ленинграда. И общий итог почти двух десятилетий нашей совместной научной деятельности — около ста томов различного рода исследований. Но работаем мы хотя и последовательно, но узко, каждый ученый отрабатывает свою «тему». Все изучается в отрыве от целого. Этнографы, искусствоведы, археологи, лингвисты, историки — все сами по себе. У нас нет пока единого, целостного, я бы сказал энциклопедического, взгляда на такое великое историческое явление, как Русский Север.

Нам необходим Координационный Центр. Комплексное изучение Русского Севера — его истории, этнографии, экономики, экологии, культуры, быта, уклада, фольклора, искусства — имеет исключительное значение для всей сегодняшней жизни России. И не только России. Весь Русский Север — уникальный памятник и отечественной, и мировой культуры. Он, может быть, последний сохранившийся в чистоте и цельности, при всех невосполнимых потерях, духовный мир, поныне питающий и поддерживающий русскую культуру. Миссия Русского Севера высока. Он должен помочь нам вернуть культуру и духовность в повседневную народную жизнь.

Не говоря уже о том, что, с научной точки зрения, глубокое изучение Русского Севера, народной жизни может помочь нам рекоиструировать древнеславянскую культуру в районах Средней России, где она практически не сохранилась. А чем глубже мы будем знать свое прошлое, тем больше у нас будет надежды на будущее. Исторический взгляд рождает оптимизм.

Вопрос о создании Координационного Центра ие раз обсуждался в самых высоких инстанциях, и принципиальное согласие получено, создана рабочая группа по подготовке...

— Но... до открытия еще далеко?

— Надеюсь, все же близко, у нас много единомышленников. Удивительно, что дело застопорилось не где-нибудь, а в самом президиуме Академии наук.

— Но ведь именно Российская Академия наук почти два века назад направила первые научные экспедиции на Север.

— Наш великий земляк Михаил Васильевич Ломоносов, инициатор этих экспедиций, и тогда прекрасно понимал будущее Русского Севера. С тех пор научные изыскания здесь не прекращались. С нами тесно сотрудничают многие академические институты...

Подвижники

— Петр Андреевич, известно, что большую лепту в научное изучение Русского Севера внесло мощное любительское краеведческое движение, возникшее здесь в начале века. Это было настоящее подвижничество интеллигенции, духовенства, купечества, крестьянства... Как же дело обстоит сегодия?

— О «движении» говорить остерегусь. Патриотическое движение — в некотором смысле отражение уровня национального самосознания. Если он высок, значит, «идея» овладевает «массами». В начале века оно резко пошло вверх, как энергично поднималась сама Россия, осуществив мощный экономический скачок, такой, что уровень 1913 года до недавнего времени был еще сравнительной точкой для наших достижений...

Вот тогда, в самом начале 1900-х годов, в Вологде возникло «Общество изучения Северного края». Оно просуществовало до 20-х годов. Не было уголка на Севере, где не действовали бы его активисты. Краеведы-любители проделали огромную работу, издали множество трудов, охватывающих все стороны жизни Севера. Значение многих из них не оценено и сегодня. Немало доброго сделал существовавший в те же годы и вологодский «Кружок любителей изящных искусств». Он не только, «взвалив» на себя просветительскую миссию, знакомил вологжан с новыми течениями в живописи, но изучал и всячески пропагандировал древнее северное искусство, зодчество, народные ремесла. Ему обязана Вологда и нынешней своей картинной галереей, в основе собранной кружком.

У нас же слишком долго национальное самосознание народа, носителем которого в первую очередь является крестьянство, подавлялось. Сейчас ситуация меняется. И это явление общее, не только местное, вологодское... Оживилось Общество охраны памятников, возродилось краеведческое общество... Пока это ростки, но довольно крепкие.

К числу их можно отнести и создание вологодской

сорокатомной «Книги «Памяти». 32 тома — это список всех вологжан, погибших на фронтах Великой Отечественнои войны. Мы хотим, чтобы ни одно имя не было потеряно. Два тома составит список воинов, умерших в эвакогоспиталях. Наша область была прифронтовой, и прошло через госпитали около 650 тысяч фронтовиков. Из них почти 15 тысяч умерло и похоронено в наших местах. Искать имена этих людей очень сложно, списки военкоматов неполные, приходится работать в архивах, посылать запросы в разные города... Первая из этих книг уже вышла из печати, в ней названы имена тех, кто похоронен в самой Вологде и Череповце. Издаются эти книги бесплатно, за счет средств, собранных вологжанами в Фонд мира.

Еще два тома посвящены памяти 17 тысяч ленинградцев, эвакуированных из блокадного города и похороненных в Вологодской области. К сожалению, многие из них безымянны: «Неизвестный Толя 4—5 лет», «Неизвестный», «Трое сестренок и трое братишек». Еще один том посвящен воинам, погибшим в Афганистане. Около 80 вологодских парней не вернулись живыми с той войны. И, наконец, последний том составит эпистолярное наследие северян — участников всех войн двадцатого века. В некоторых семьях хранятся сотни удивительных писем. Есть дневники, воспоминания простых людей, ничем не знаменитых, но как много в них величия, силы духа, мужества. Их должны знать люди, народ, чтобы верить в себя, чтобы гордиться мужеством своих сыновей. В этом, на мой взгляд, заключается воспитание историей, воспитание памятью.

— Кто же эту очень трудоемкую, кропотливую работу делает?

— Началось пятнадцать лет назад, когда на историческом факультете Вологодского пединститута родилась студенческая группа «Поиск», со временем она расширилась, переросла в областную. Теперь «Поиск» возглавляет Валерий Васильевич Судаков, кандидат философских наук. А филиалы «Поиска» созданы практически во всех районах области. Ведут поисковую работу студенты, краеведы, сотрудники военкоматов, ветераны войны...

— Добрые традиции все-таки живут?!

— Но вряд ли их можно сравнить по размаху, бескорыстию, благородству, гражданскому порыву с культурными традициями земцев. Меня давно занимают деяния земской интеллигенции. Это особое явление. На Севере она была, по существу, народной. В большинстве своем — это выходцы из крестьян. Они жили и творили с верой в мудрость и талант русского народа. Поэтому, может быть, так много им удалось сделать. И во многом благодаря им открылось величие Русского Севера.

Мы же сегодня не изучаем их деятельность всерьез, не знаем их поименно. А жаль!

Каждый из нас тоже считает себя патриотом, но ведь каждый сам по себе. Писатели отдельно, художники отдельно, театралы, научная интеллигенция, музееведы, учителя... Все мы, может, и объединены общей идеей, но делом — нет. Каждый «хлопочет» вокруг своего. Кто занимается древними памятниками, кто — иконами, кто — фольклором, кто — народным бытом. А Русский Север тем и уникален, что его духовная сила и влияние — в укладе народной жизни. Его нельзя разъединить, разъять на части...

Ключевский когда-то говорил, что «нравственное богатство народа наглядно исчисляется памятниками деяний на общее благо». Думаю, что наши «деяния» и отличают нас от тои прежней, земской интеллигенции.

Разъединение, отсутствие целостного объективно-исторического взгляда на народную жизнь и сказывается на отношении общества к таким понятиям, как Культура, Память, Патриотизм. Отсюда недалеко и до неуважения Народа. Это вполне реальная опасность! Только собрав воедино все интеллектуальиые и духовные силы России, мы можем возродиться... Я верю в великое прошлое России. Я верю в ее великое будущее.

Беседу вела
ЕЛЕНА КАЗЬМИНА

ВОЛОГДА — МОСКВА

Правда о черной сотне

Стереотипы, созданные советской пропагандой за десятилетия «великого эксперимента» в наших умах, оказываются прочнее и Агитпропа, и самого «великого эксперимента», в кровавом шествии которого, наконец, поставлена точка. Исторический миф о «черносотенцах» — «самом зловещем отряде крайней реакции» — один из самых прочных. И не только потому, что его до сих пор усердно раздувает «демократическая» печать, столь рьяно топчущая одежды из ленинских цитат, которые были до недавнего времени ее парадным одеянием. Этот миф сидит в сознании нашей интеллигенции, перенявшей из социалистического наследства отрицание почвенных и религиозных ценностей.

Брошюра В. М. Острецова, о которой идет речь, не случайно уже вызвала такую бурную реакцию в известных кругах, результатом которой стала остановка ее издания и обращение группы народных депутатов во главе с Г. В. Старовойтовой в прокуратуру на пресловутый предмет «разжигания национальной розни». История русских патриотических союзов начала века — тема и до сих пор опасная, почему и малоисследованная, если не считать обилия идеологических ярлыков, которыми обклеили «союзников» либералы и революционеры и которые темпераментно срывает В. Острецов.

Он повествует о том, как простой русский народ боролся с революционной гидрой, как встал он под пули и бомбы бундовских боевиков, без ложного пафоса, «за Веру, Царя и Отечество» и, проявив чудеса организации, спас эту триединую основу России в лихолетье 1905—1907 гг. Рассказывает о революционном терроре, ответом на который и были действия «Союза русского народа» и десятков ему подобных организаций, порожденных волной народной контрреволюции.

Эти самые массовые политические организации в стране включали в себя в основном не лавочников из Охотного ряда, как приучили нас думать, а рабочих, крестьян, священнослужителей, лиц «интеллектуальных профессий», не порвавших с народом... Мало кто знает, что активными членами СРН были академики, ученые с мировым именем Д. И. Иловайский и А. И. Соболевский, знамена и хоругви черносотенцев делались по эскизам В. М. Васнецова, торжественные собрания «союзников» не обходились без оркестра русских народных инструментов В. В. Андреева... «Союзники» активно заботились о народном просвещении, здравоохранении, боролись за трезвость еще до всяких указов свыше. Немало упоминается в брошюре о взаимоотношениях черносотенцев с бюрократией, которая стремилась в союзе с либеральной интеллигенцией задушить это народное движение, считает автор.

Брошюра В. Острецова — первый опыт высказывания у нас иной точки зрения на «черную сотню», чем господствовавшая и непререкаемая, и потому понятен тот полемический пафос, с которым он защищает рыцарей «черной сотни». Причины распада торжества революции, не нашедшие объяснения в небольшой брошюре, надеемся, получат его в заявленной издательством «Русский голос» обстоятельной книге. Если только нынешние радетели «плюрализма» допустят ее до читателя.

Алексей ВИНОГРАДОВ

Острецов В. М. ЧЕРНАЯ СОТНЯ И КРАСНАЯ СОТНЯ. М., ВПЛО «Отечество», 1991.

В издательстве «Советский писатель» готовится к выходу книга Татьяны Смертиной «Травник» — уникальный поэтический труд: стихи-предвидения, стихи-полугипноз, стихи-молитвы — живые образы, представленные через российские травы, через крестьянское мироощущение автора.
Данная книга — не собрание фольклора, а самобытное художественное произведение. Т. Смертиной созданы заговоры от тоски-печали, головной и сердечной боли, заговоры-обереги, любовные заговоры, сказы о растениях. По всей книге — яркая россыпь авторских названий трав. Необычны венки-разделы «Травника»... Это — «Сила корня» (травы жизни и продолжения рода, материнские травы), «Алые цветы» (травы весны и девичества, любовные, поцелуйные, приворотные, отворотные, ворожейные...), «Троезелье» (магические травы, молодильные, обрядовые, колдовские...).
Подобная книга издается впервые.
Предлагаем читателям стихи из «Травника».

ТАТЬЯНА СМЕРТИНА

* * *

Темный бор я пройду плавным соболем,
А реку проскользну я — плотвицею,
Прочеркнусь росомахой я по́ полю,
Сквозь забор я пронижусь куницею,
Пред тобою предстану — девицею,
На скамейку присяду вздыхая,
«Диамат» мракобесный листая...

Цветок утешения

Ах, лиловницы, синебагрицы,
Стыд-девичницы и теремницы!
Те фиалки парчой сине-легкою
Мы, юницы, вплетали в локоны.
Молодушки хранили вас в сенцах
И поили от хрипов младенцев.

Нежносинью остуду лечите
И от судорог зелье варите.
Синеочница, пленная вьюга...
Вышивала вас шелком подруга.

Что ж вы плачете синью темно?
Я узрела, что было давно:
Загубили молодку под елкой —
То ль дурной человек, то ли волки...
Долго плакал младенец в избе,
По-сиротски выл ветер в трубе.

С того света мать к сыну рвалась
Так,
        что дрогнула сумрака власть —
И ее молодая душа
В мае сонной фиалкой взошла.

Так и всходит веками на свет,
Ищет сына, которого нет...

Я встречала тот призрак не раз —
Мимолетность, фиалковость глаз...
Следом льется лиловая шаль.
И печаль, ножевая печаль...

Белена черная

Трава — в утробе боль глуши,
В желудке язву наруши,
Ослабь ночную боль в суставах...
Про белену — дурная слава.

Какой напиток девий, слезный
Таят в минуты темно-злые
Плодов опасные наперстки,
Ее кувшинчики резные?

Ой, девка... губы серые...
Сквозит туманом платьице.
А очи сине-белые
Уж возведены к матице...

Прощай,
                верноплонница!
Однолюбка средь изменниц —
Вечная крамольница.

Ему, который в сердце врос,
Ты долго будешь сниться,
Как буйство русое волос
Лилось по половицам...
И кромка белая зубов...
И черным мраком
Бровь...

Смоль-белена, дурь-зелье,
И яд в нем, и спасенье...
Дума вымутит чело —
Это как же мир устроен?
Неужель Добро и Зло
Да один имеют корень?

Заговор на любовь молодца

Перекину топор со скалкою,
Обернусь омутной русалкою.
Проплываю все моря и реки,
Не возьму жемчугов вовеки.
Отыщу я сундук тяжелый,
Там не золото, не покойница.
Там тоска-любовь лютая
До кровей колотится.

Лети, тоска!
Лети, потешься —
В сердце рабу Ивану
Намертво врежься!
Чтобы очи помутились,
Чтобы ноги подкосились,
Чтобы возгорел,
Яро воспылал,

Меня, рабу Настасью,
Везде искал и звал.

Вейся, тоска, жги в ненасыт!
Так, чтоб стонал, плакал навзрыд!
Дуб на пути —
Пусть милый сломит.
Камень пудоа —
Камень разломит!

Если смутит
Сотня красоток —
Пусть углядит
Сотню уродок.

В холоде зимнем,
В плясках огня, —
Князь мой любимый,
Жаждай меня!

Кован сундук,
Крепко замкнись.
Заговор, будь
Меток, огнист.
Страсть, разъярись,
Волчицею ринь...
Дело — свершись!
Аминь.

Ангел кончины

Пугает таинством меня
Кончины ангел в белом...
Отпрянешь, словно от огня,
Когда беззвучно, смело
Спешит он по делам своим,
И страшен, и неумолим.
И убежден весь белый свет:
Тот ангел — в саване скелет.

Однажды, плача, я с него
Вдруг капюшон рванула,
На миг увидела всего,
И душу — резануло.
Такой сверхчистой красоты
Не ожидала: «Кто же ты?!»

Но молча он исчез в туман...
Страшней он, чем рисуем.
Где череп?
Ликом осиян —
Крылат, непредсказуем...
И тихий ужас перед ним
Усилился: «Неотвратим...»

Лопух сиренево-печальный

А ты — широкоплеч, хорош!
Звездно-сиренево цветешь.
Как часто в детстве я до слез
Рвала те звезды из волос.

А бабка мне: «Прилип жених?
Не распускай волос своих».

Отвар корней задержит младость
Густит нам гриву ярый сок.
Кудрявец юный, вахлачок,
Лешачья зависть.

Невесте суженый дарил
Бус перезвень и шепот свой...
Но перед свадьбой, в час ночной,
Его лешак оборотил
В репейник над водой.

С тех пор цепляется репей
За шали и подолы —
Отчаянно, душою всей,
Стремясь на пир веселый!

Не знает он — уж пять веков
Невесты в мире нет.
Где храм стоял — там глушь лесов,
Забвенье, лунный свет.

Да Марфа нитку легких бус,
Уж одряхлев совсем,
Хранит, упрятавши в убрус,
Не помня — чьи? Зачем?

Лист-трава богатырская

Гравилат речной, заветный.
Вывешник, печальный серпий!
А цветки изгибом томны,
Нежно-кремовы, поклонны...

Гравилат — и леший ищет!
Пей отвары корневища
От текун-кровотеченья,
От бессонного томленья
И ночного наважденья.
При упадке сил могучих,
При укусах змей гадючих.

Ты — подкованица,
Ожинница,
Зелие — стосильница.
Лист-трава низинная,
Конская, былинная...

Рысь чую за дубравами!
Прыжок ее над травами
Ос-та-новила я рукой!
А золото купавами
В подол стекает мой...
Полощутся беспечно
Душицы, вероники.

И Время бесконечно
На часиках-гвоздике.

Русь моя, милая Родина...

Строгость и чистота — так хочется определить отношение Александра Щелокова к своему творчеству. Всякая избираемая им тема важна для него настолько, насколько может в ней проявиться нравственное начало. Щелоков — график весьма пристрастный.

Он нашел себя в офорте, который нравится ему выразительностью пластики, объемностью штриха, возможностью передать образ лаконично и броско. На его листах, словно сама живая душа, раскрывается привлекательность русского лада в пейзаже, зодчестве, обрядности, быту, что представлены не без умысла найти и восстановить корневые связи между минувшим и настоящим, человеком и родом, естеством и верой. Русь Щелокова — обращение к совести и святыне.

Художник не гонится за модой, трезво оценивает авангардистские изыски, не признает навязываемых мнений, работая в реалистической манере и почитая традиции. Его уже не однажды спрашивали, не боится ли он в таком молодом возрасте (а ему немного за тридцать) прослыть консерватором. Он обычно отвечает, что не приемлет никакой апологетики.

Время — не деньги, время — деяния. Выпускник Суриковского института, стипендиат Всероссийского фонда культуры Александр Щелоков — один из самых популярных молодых художников у нижегородцев. В родном городе уже состоялась его персональная выставка, а до этого он участвовал в нескольких республиканских, всесоюзных и зарубежных выставках. Однако сам Александр довольно скромно оценивает свои успехи, предпочитая всецело отдаваться работе.

Постоянный источник вдохновения для художника — уникальные русские древности. Об этом свидетельствуют его полные трепетного лиризма серии «По вологодской земле», «Мое Ферапонтово», «Нижегородские улицы». Тут заметно стремление как можно пластичнее передать умиротворяющие плавные ритмы отеческих раздолий, привлечь внимание к тому светлому облику родной земли, что создан соответствием природы и прекрасными творениями рук человеческих. Щелокова привлекают старинные храмы, как воплощение русской самобытности и русского идеала. Он убежден, что будущее России — в обновлении лучших народных традиций, в необходимости восстановления тех ценностей, которые поруганы или забыты. Интересна серия офортов художника «Автопортрет с прадедом», где четкость мысли не уступает изобразительности. Именно в этой серии наиболее напряженно передан драматизм нарушенных корневых связей, пагубного разъединения поколений и в то же время явлено органичное единство жизни минувшей и нынешней.

Обращение Щелокова к религии, к православной вере не только помогло ему открыть путь к нравственному совершенствованию, но и расширило диапазон его творческих интересов. Последней большой работой художника стала графическая серия «Житие преподобного Серафима Саровского». Взяться за эту серию, по словам Александра, побудили его и долг, и провидение. Не мог он, коренной нижегородец, остаться безучастным к перенесению мощей великого праведника, прорицателя и чудотворца в Дивеевскую обитель. Серия об отце Серафиме — сердечная дань православию.

Ратуя за возрождение национального самосознания, молодой художник заботится об умножении добра и красоты. Потому нет в его работе суетной спешки, потому он очень тщательно и ревностно создает свои произведения, что привлекают и совершенной графической техникой, и тонкостью чувств, проникновенностью, поэтичностью, которые особенно ценятся в гравюре.

А душа художника живет Россией.

ВАЛЕРИЙ ШАМШУРИН

НИЖНИЙ НОВГОРОД

Автопортрет с прадедом

Графика Александра Щелокова

Дома на оврагах. 1989

Осень в Кириллове. 1988

Улица Перекрестная. 1989

Ферапонтов монастырь. 1988

Старец Серафим в ближней пустыни. 1990

Ильинская улица. 1989

Искусство

Графика
Живопись
Скульптура

Настоятель

Я долго думал, как лучше всего описать деятельность великого подвижника Русской Православной Церкви — настоятеля Псково-Печерского монастыря архимандрита Алипия. В течение десяти лет я жил и трудился рядом с этим удивительным человеком, истинным пастырем, глубоко веровавшим в торжество православия. Считаю, что Бог ниспослал мне радость общения с истинным русским просветителем, щедрым и всегда готовым прийти на помощь людям священником.

Лучшими документами, рассказывающими о жизни и деятельности о. Алипия, являются автобиография, написанная за несколько месяцев до кончины, и надгробное слово, произнесенное одним из его верных учеников игуменом Агафангелом, тоже бывшим фронтовиком, нынешним настоятелем храма в городе Старая Руса (рассказ В. Марченко «Отец Агафангел» см. в № 9, 1991 г.).

САВЕЛИЙ ЯМЩИКОВ

АВТОБИОГРАФИЯ

Я, Воронов Иван Михайлович, родился в 1914 году в деревне Тарчиха Михневского района Московской области, в семье бедного крестьянина.

По окончании сельской школы в 1926 году переехал жить и учиться в Москву к старшему брату. По окончании девятилетки два года жил в деревне, ухаживая за больной матерью. В 1932 году начал работать на Метрострое и готовиться к поступлению в изоинститут.

В 1935 году строительство метро было закончено, и комиссией Моссовета я был назначен работать по эксплуатации метрополитена. Сначала работал кассиром, затем контролером, а позже помощником дежурного по станции. В 1936 году при помощи Управления ВЦСПС была организована изостудия, куда я перешел учиться, будучи подготовленным в вечерней студии при МОСХе в бывшей мастерской Сурикова.

В 1936 году в октябре месяце я был призван в ряды Красной Армии. Дабы не прерывать занятий по искусству, решением призывной комиссии был оставлен служить в Красной Армии в Москве.

За два года службы в армии много пришлось поработать по организации изокружков и студий при воинских частях Московского военного округа.

В 1938 году в ноябре, по окончании службы в армии, был приглашен работать на завод № 58; с ноября 1938 года по ноябрь 1941 года работал на этом заводе как диспетчер и экспедитор. Эта работа, происходившая постоянно ночью, давала мне возможность учиться. В мае 1941 года занятия были окончены; получил диплом об окончании студии, а в июне началась война.

И. М. Воронов. 1937 г.

Первое время наш военный завод был под Москвой, я, как и все, вышел с оружием в руках защищать Москву.

На фронт я прихватил и этюдник; и так от Москвы до Берлина: справа винтовка, слева — этюдник с красками Я прошел весь фронт, был участником многих боев. За написание истории Особой 4-й Танковой армии генералиссимусом Иосифом Виссарионовичем Сталиным лично был удостоен высокой боевой награды — ордена Красной Звезды. Также был награжден медалями «За отвагу» и двумя медалями «За боевые заслуги»; свыше десятка медалей получил за участие в освобождении разных городов.

Как написано в личном деле, вместе с частью, с которой участвовал в боях, получил еще 76 боевых наград и поощрений.

Осенью 1945 года возвратясь с фронта, я привез около тысячи разных рисунков, эскизов и этюдов и сразу же организовал в Доме союзов в Москве индивидуальную выставку своих фронтовых работ. Эта выставка помогла мне вступить в члены горкома Товарищества московских художников и дала мне право работать художником. Каждый год я устраивал одну или две индивидуальных или групповых выставки, что показывало мой рост как художника.

В 1948 году, работая на пленэре в Троице-Сергиевой Лавре под Москвой, я был покорен красотой и своеобразием этого места, сначала как художник, а затем и как насельник Лавры, и решил посвятить себя служению Лавре навсегда.

С 12-го марта 1949 года по 30-е июля 1959 года работал над восстановлением Троице-Сергиевой Лавры, применяя все свои специальности. 30 июля 1959 года Указом Священного Синода Русской Православной Церкви был направлен в Псковскую землю для восстановления древней Псково-Печерской обители, которая к этому времени, после многих войн и долгих лет своего существования, пришла почти в полное разорение.

На посту Наместника этой обители (и это является моим монашеским послушанием) тружусь до сего дня.

Наместник Псково-Печерского монастыря Архимандрит АЛИПИЙ (Воронов)

Возбудить любовь к Богу

Слово, произнесенное игуменом Агафангелом

перед отпеванием Архимандрита Алипия 15 марта 1975 года в Сретенском храме Псково-Печерского монастыря

Во имя отца и сына и святого духа!
Дорогие братья и сестры!

«Весьма полезно, — говорит св. Дмитрий Ростовский, — вспоминать о тех, кто любил и готов был отдать жизнь за Христа, ибо самое воспоминание о их мучениях может возбудить в нашей душе любовь к Богу и дать нашему стремлению к добродетели как бы некоторые крылья, — дабы мы, ради будущего воздаяния, мысленно претерпели те самые страдания, которые мученики понесли плотию» (Четьи-Минеи, 13 октября). В другом месте тот же святитель задает вопрос: «Что в жизни достойно удивления?» — и отвечает: «Человек добрый между злыми».

Дорогие братья и сестры! Сегодня мы собрались здесь проводить в последний путь — путь всея земли — нашего дорогого отца Алипия. Вспомянем же прежде всего укрепляющие нас в нынешней скорби слова Церкви: «Души праведных в руке Божией, и мучение не коснется их... Ибо хотя они в глазах людей и наказываются, но надежда их полна бессмертия. И немного наказанные, они будут много облагодетельствованы (Премудр. Солом., гл. 3). Будем помнить, что наш «Бог несть мертвых, но живых: вси бо тому живы суть» (Св. Луки, 20, 28).

Возлюбленные братья и сестры во Христе! Язык мой нищ, чтобы достойно восхвалить богомудрого руководителя, собрата, авву нашей святой обители, верного сына Святой Руси, славного гражданина нашей Родины — в Бозе почившего о. наместника, архимандрита Алипия.

Сердце рвется сказать, ум изнемогает сказать, слезы не дают сказать о переполняющей нас скорби и жажде молитвы о прощении прегрешений и упокоении почившего с праведными аввы Алипия.

Для верующего смерть — это лишь переход в жизнь вечную. Для христиан страшна не смерть, разлучающая душу с телом, а страшен грех, разлучающий душу с Богом, т. е. страшна смерть духовная. И вот тут-то и помогают душе молитвы Церкви и всех близких и любящих эту душу, а также дела милосердия, за нее творимые. Нашему верующему сердцу хочется возможно теснее соединиться с Господом, чтобы не только чувствовать Его около себя, но и входить с Ним в теснейшее общение. И в этой жажде нашего бессмертного духа Спаситель идет нам навстречу. Накануне своих страданий Он учредил таинство Святого Причащения, чтобы мы соединились с Господом и духом и телом, причащаясь Святых Таинств. И чего еще жаждала душа нашего почившего аввы Алипия? Просил ли он Господа чем-либо иным утолить скорбь его в последние дни и часы его жизни? Только Св. Причастием! И не оставлявшие его в это время достопочтимый старец и духовник, наш архимандрит Афиноген, и архимандрит Иоанн, и монастырский врач иеромонах Феодорит, и послушница Нина умолчат ли о том, как все время в течение последних двенадцати дней его жизни он жаждал божественной силы Св. Причастия, как ежедневно, торопя, как бы не опоздали его причастить, взывал: «Скорее, скорее, я умираю!» И Господу было угодно утешить нашего авву в последние мгновения его земной жизни. За два часа до смерти он воскликнул, весь просияв последней великой радостью: «Матерь Божия! Смотрите, смотрите, какой чудесный у Нее лик! Скорее, скорее начертать этот дивный образ!» Он — монах-иконописец, получивший и имя свое в память преподобного иконописца Алипия Киево-Печерского, — остался твковым и до самой смерти: даже на смертном одре он просил дать ему что-нибудь, чем он смог бы запечатлеть образ Пречистой Девы, но карандаш уже выпадал из его ослабевшей руки. Больше уже никто не слышал из его уст ни одного слова; заранее попросив у всех прощения и всех простив, он мирно отошел ко Господу в 4 часа 30 минут утра. Скончался прекрасный человек, монах, иконописец, монастырский строитель, всеобщий благотворитель, истинный воин Христов.

Отец Алипий, как бы подчеркивая промыслительный характер своего прихода к пастырской деятельности, нередко указывал на свое прошлое: «Отец мой всю жизнь пас скот по деревням, беря иногда с собой и меня попасти какое-нибудь стадо, — вот почему, наверное, я и теперь пасу малое, но Божье стадо, не без Промысла Божия, не без заступничества Царицы Небесной. Я пастырь по призванию!» На вопрос же, который весьма часто задавали о. наместнику: «Как Вы стали верующим и почему именно монахом?», о. Алипий обыкновенно отвечал, что «нет людей до конца не верующих, все мы верующие, ну а уж так, как надо по-настоящему веровать, — так каждый уверует, когда придет время: один Господь знает, каким путем. Ну а монах я — тоже по призванию, как Вы, например, инженер, а не учитель».

Говоря о духовном прозрении, о встрече человека с Богом, о. Алипий часто приводил в качестве примера любимую им притчу: «Слепому от рождения мальчику была сделана операция, и настолько удачная, что он стал видеть. Но приучали мальчика к свету только постепенно, всякий день ненадолго снимали повязку с глаз. Один раз мать поставила его на порог дома, лицом к выходу, и сняла повязку. Мальчик впервые увидел голубое небо и зеленую даль полей. «Мама! — воскликнул он. — Отчего же ты никогда не говорила мне, как все это прекрасно?» «Я пробовала, сынок, — отвечала мать со слезами, — но ты, слепой, не понимал меня тогда!» А ребенок стоял, очарованный, и не мог наглядеться на красоту Божьего мира. «Вот так, — заключал о. Алипий, — бывает с нами, покуда не открываются наши духовные очи. Словами нельзя выразить то счастье, которое испытывает человек, познавая Бога и приближаясь к Нему. Холодно и темно вдали от Него. Надо, чтобы каждый из нас открыл Ему свое сердца, — и светом, и радостью наполнится вся жизнь наша».

Особенно же часто проповедовал о. Алипий об основе основ христианской жизни — Любви, говоря: «Страдавший на кресте Христос заповедывал нам: любите друг друга!». И потому (вся жизнь нас этому учит), чтобы избавиться от зла, нужно только одно: исполнять последнюю заповедь Господню — и все! Хочется сказать сегодня о том, как много сделал наш авва для нашей святой обители. С начала его пребывания на столь трудном, но почетном послушании, каким является должность наместника в обители, можно сказать без преувеличения, настала новая эпоха. Именно его инициативе обязаны мы восстановлением обветшалой, полуразрушенной еще с XVI—XVII вв. монастырской крепости — этого замечательного памятника древнерусской архитектуры. В лице о. Алипия обитель приобрела одного из славных продолжателей и хранителей русской православной культуры — благоустроителя, строителя, стоятеля за православную веру, богомудрого авву. Следует особенно подчеркнуть, что в его лице мы потеряли ныне не только монаха и отца-руководителя, но и деятеля нашей национальной культуры: он по духу был глубоко верующим, истинным сыном православия не только в своем повседневном монашеском послушании,

Ныне архимандрит Агафангел — настоятель Георгиевского собора в Старой Руссе.

но и в своем отношении ко всему прекрасному в мире, сотворенному Богом. Любя красоту земли — деревья, цветы, птиц; любя все добрые проявления земной человеческой деятельности — литературу, музыку, живопись (в первую очередь, конечно, церковные), он всегда помнил, что все это — дары Божии нам, грешным, отражение в нашем мире небесной красоты Божией, укрепляющей нас на земле и возводящей к Небу. А как он заботился о благоукрашении обители — о красоте и первозданном лице церковных зданий, храмовых икон, богослужебного чина, церковного монашеского пения! Он был человеком широкого кругозора и большого сердца. Широта его взглядов и обширные знания давали ему возможность легко устанавливать контакты с самыми широкими слоями русского народа: с простецами и интеллигентами, с простыми крестьянами и известными деятелями культуры. Свою православную убежденность он сумел передать и многим мирским, светским людям, порой любившим, как и он, красоту тварного мира, но не всегда умевшим найти в ней высший смысл и гармонию вечности, гармонию Творца. Общение с о. Алипием открывало им окно Правды Божией, что всегда вызывало их признательность батюшке, а многих из них привело в ограду церковную. О нем знали и его любили не только в Церкви, но и люди светские — ученые, поэты, художники, музыканты Москвы, Ленинграда, Киева, Риги, Таллинна. Он и сам хорошо владел не только кистью художника-иконописца, но и пером историка — как монах-летописец, издавший в Журнале Московской Патриархии ряд статей по истории нашей обители.

Наш пастырь был большой труженик — каждый согласится, что св. обитель Печерская ныне приведена в такой порядок и исполнена такого благолепия, что последующим продолжателям его послушания, последующим аввам обители остается только ревностно хранить плоды его трудов, хранить крепость и красоту нашего, воистину прекрасного «Дома Пречистой», Дома, в красоту которого вложена теперь и часть прекрасной и доброй души нашего дорогого батюшки. Он ушел от нас рано, и мы уже не могли ничем ему помочь нашими слабыми человеческими силами: ангел смерти закрыл книгу его жизни. Что можем мы сделать для него теперь? Теперь ему уже ничего не нужно — ничего, кроме наших горячих молитв. И однако, сознавая молитвенный долг наш перед ним, мы должны в то же время понимать, что он отошел в мир иной, который ближе к Богу, чем наш, ибо есть мир духовный; мы должны сознавать, что по своей земной жизни отец Алипий — по делам своим, по любви своей к Богу и к людям — ближе нас ко Господу и Матери Божией, и потому мы и сами должны просить его молита о нас, многогрешных, осиротевших его чадах.

Возлюбленные братья и сестры!
Благословим в последний путь нашего доброго отца, собрата и богомудрого монаха, верного сына Святой Руси, помолимся все вместе — с верой, надеждой и любовью, которыми жил и дышал наш авва: «Пощади яко Бог человеколюбив и милостив Твое создание, и упокой в селениях святых Твоих, идеже мученицы все веселятся, верою преставленного от временных, многомилостиве». Аминь.

САВЕЛИЙ ЯМЩИКОВ

Дар Алипия

Фрески

Игумен Алипий был блестящим рассказчиком и внимательным собеседником. Истории, поведанные им, навсегда останутся в памяти, равно как и его язык, образный, живой, по-настоящему народный, напрочь лишенный стилизации и нарочитой простоты. Однажды он долго рассказывал мне о судебных процессах, в которых ему приходилось принимать участие в качестве свидетеля, и обвинения, и защиты. «Если после моей смерти станут создавать житийную икону, — пошутил Алипий, — то она будет состоять из 25-ти клейм, где будут отражены те судебные процессы, что я с блеском выиграл».

Вот и в то солнечное апрельское утро настоятель готовился к поездке в Москву на очередной скандальный процесс. Он был абсолютно уверен в его благополучном исходе, но ходил грустный, ибо не любил уезжать из монастыря даже ненадолго. Я собирался в Москву вместе с игуменом и старался приободрить его как только мог. Но свое и мое плохое настроение отец Алипий решил развеять совершеино неожиданным образом: «Знаешь, Савва, есть у меня предположение, что за черными иконными досками двадцатого века в Успенском соборе скрываются фрески, написанные при участии игумена Корнилия, которому Иоанн Грозный собственноручно отрубил голову за преступную связь с князем Курбским, бежавшим на чужбину через Печерский монастырь. Давай, чтобы убить время до вечериего поезда, попробуем их поискать». Слова у настоятеля с делом не расходились. Несколько монахов быстренько вынули из тябл иконостаса многопудовые орясины. Мы увидели поверхность стены, покрытую толстенным слоем паутины, сажи и пыли. Я выразил сомнение в том, что под этой непрозрачной завесой возможно будет разыскать фресковую живопись. Но какая-то академическая уверенность отца Алипия в своей правоте заставила меня заняться привычным реставрационным делом. Составив промывочный раствор, я поднялся на стремянку и начал открывать пробное «окошко» в десятилетних наслоениях, и буквально через несколько мгновений перед нами проявился лик святого, написанный, безусловно, в XVI столетии и замечательно сохранившийся. Ободренный таким очевидным результатом, я ускорил темп работы, и минут через пятнадцать лик был раскрыт полностью. Отец Алипий восторженно поднял руки, стал от радости пританцовывать, а когда я открыл надпись рядом с ликом святого «Савва Первоосвященный», он сказал, что большое дело начато и теперь спокойно можно ехать на суд в Москву, чтобы назавтра вернуться и продолжить реставрацию дивных фресок.

Весь огромный придел, украшенный фигурами христианских подвижников, мы полностью восстановили за неделю. Настоятель тут же повелел монастырским мастерам сделать металлическую ограду для святого места, и радости его не было конца, ибо творение древних псковских мастеров обрело новую жизнь.

История Псково-Печерского монастыря иеотделима от судьбы Псковского княжества и тесно связана с судьбами государства Российского. Принимая на себя тяжелые удары со стороны многочисленных завоевателей, посягавших на псковскую вольницу, древняя обитель вписала не одну яркую страницу в книгу мужества русской истории. Строительство и украшение монастыря велось с незыблемым соблюдением канонов и принципов, господствовавших в псковской художественной культуре. В Печерах переписывались и распространялись затем по Руси лучшие образцы отечественной литературы; ризница монастыря принимала вклады из царской казны и от самых знатных русских людей. Особого расцвета монастырь достиг в XVI веке, когда во главе его братии стоял игумен Корнилий (1529—1570) — один из ревностных поборников отечественного искусства. Легенды приписывают Корнилию многие деяния, связанные с процветанием Печерского монастыря. Летописцы называют игумена писателем, строителем, художником. Легенды проверяются временем, но одно ясно уже сейчас — в эпоху Корнилия было создано немало первоклассных произведений искусства, украсивших монастырский ансамбль в Печерах. Вот почему открытие фрагментов живописного убранства Успенского собора Псково-Печерского монастыря, исполненного при Корнилии, можно с полным основанием считать еще одним этапом возрождения художественного наследия Древней Руси.

Вновь открытые псковские фрески украшают алтарную стену придела Антония и Феодосия в Успенском соборе. Композиционное построение живописного ансамбля предельно просто и лаконично. Восемь фигур святых, считающихся в христианской литературе выдающимися деятелями монашества, представлены в рост и обращены к центральной арке. Слева от зрителя художник поместил изображения Онуфрия, Саввы Первоосвященного, Антония Великого и Антония Киево-Печерского; в правой части были написаны также четыре фигуры, одна из которых утрачена полностью, у двух других не сохранились лики, и лишь образ пустынника Макария, несмотря на потертости и утрату красочного слоя, дает представление о первоначальной живописи. Арочные проемы обрамлены широкими лентами орнамента, нижняя часть стены украшена росписью, имитирующей полотенца. Над пролетами двух крайних арок живописец изобразил Спаса Нерукотворного и шестикрылого Серафима.

Фрески Успенского собора написаны в XVI веке, точнее — во второй его половине. Нам неизвестны другие псковские росписи, датируемые этим временем. Ближайшей аналогией раскрытым фрагментам можно считать недавно восстановленные реставраторами псковские иконы XVI века, украшавшие некогда иконостасы церквей древнего города. Свободная живописная манера, столь излюбленная псковскими мастерами XIV века, сменяется здесь более сдержанным, спокойным почерком, с преобладанием лииейных элементов. Авторы икон, так же как и создатели печерских фресок, хорошо знакомы с лучшими образцами московского и новгородского искусства этой эпохи. Лаконичный, доведенный до предельной ясности рисунок, строгая закономерность в наложении пробелов, обобщенные силуэты — черты, безусловио, новгородские — сочетаются с чисто псковскими приемами и техникой письма.

Над созданием печерских фресок трудилась артель художников. Вряд ли она была многочисленной, так как объем выполненной работы невелик. Руководил же написанием всего убранства один художник. Если в других фресковых циклах можно четко различить руку различных мастеров, то настенная живопись Успенского собора в Печерах проникнута единым художественным духом, в ней нет и намека на разноплановость стиля. Продуманная композиция, глубоко психологическая трактовка образов, любовь к плотным, насыщенным тоиам, изысканность плавных линий — все это продиктовано волей одного мастера.

Трудно делать выводы о стиле псковской монументальной живописи XVI века на основании фрагментов вновь открытых фресок в Печерах. Но не вызывает сомнения тот факт, что псковская стенная живопись того времени — чрезвычайно интересное явление в истории русского искусства, а печерские художники столь же независимы в своих творческих исканиях от официальных канонов, как независимо было Псковское княжество в период своего могущества.

К сожалению, фрески Успенского собора недолго радовали глаз прихожан. Не знаю, по чьей воле еще при жизни Алипия забили их теми же черными орясинами, и вот уже двадцать лет обречены они на гибель. Напрасны мольбы насельника Печерского монастыря иконописца отца Зинона, ратующего за освобождение из плена намоленной не одним поколением верующих духовной реликвии Русского государства. Будем верить, что Богу угодно вновь заставить засиять нетленные краски печерских фресок.

Всё — людям

Будучи художником не только по образованию, но и по духовному призванию, архимандрит Алипий боготворил все, связанное с изобразительным искусством. Зная эту его страсть, люди везли в Печерский монастырь иконы, картины, скульптуру, редкие образцы мебели, предметы декоративно-прикладного искусства. Кто-то передавал художественные ценности в дар, некоторые старались на этом поживиться, иногда даже подсовывая наместнику фальшивые вещи. Мне довелось принимать посильное участие в экспертизе многих произведений, поступающих в коллекцию Алипия, привлекая для этой сложной процедуры своих коллег-реставраторов.

За годы служения в Псково-Печерском монастыре у отца Алипия образовалось довольно-таки приличное собрание картин русских и западноевропейских художников. Псковский владыка митрополит Иоанн сказал как-то мне: «У Алипия страсть к живописи похожа на влечение алкоголика к водке. Боюсь, что он свихнется на своем собирательстве». Но Алипий с ума не сошел, а потихоньку стал обдумывать будущую судьбу коллекции. Словно предчувствуя, что новый наместник станет гонителем всего прекрасного и постарается свести на нет следы его культурно-просветительской деятельности, он решил передать картины в музеи. Я предложил подарить русскую часть коллекции в Псковскую галерею, но наместник, зная низкий уровень здешнего руководства, наотрез отказался и остановил свой выбор на директоре Русского музея — замечательном собирателе и ученом, Василии Алексеевиче Пушкареве. Долго искал я подходящего момента для организации встречи двух бывших фронтовиков, настоящих патриотов и подвижников в своем деле. Радостио было мне наблюдать, как быстро нашли они общий язык и без излишних проволочек оформили дарственную, согласно которой картины из собрания Алипия стали собственностью Русского музея. Оговорюсь, что некоторые упрекали Алипия в самовольном распоряжении монастырским имуществом. Он отвечал этим оппонентам однозначно: «Ни одна икона или другой церковный атрибут из монастыря не выйдут. Картины же после моей смерти выбросят на помойку или станут ими спекулировать». Он словно в воду смотрел, ибо такая участь постигла большинство предметов коллекции.

В Русском музее выставку дара И. М. Воронова (Алипия) организовали уже через несколько месяцев после его поступления. Был издан научный каталог выставки, в журналах и газетах появились статьи, рассказывающие о дарителе и его собрании. К сожалению, игумен не дожил до вернисажа всего пару недель.

Коллекция архимандрита Алипия, подаренная Русскому музею, состоит из произведений отечественной живописи и графики XVIII—XX веков. Специалисты подвергли все собрание тщательному обследованию, проведя экспертизу всех картин и графических листов.

Среди русских портретов, собранных Алипием, наиболее ранний по времени создания (первая четверть XVIII века) — портрет стольника Никиты Федоровича Волконского. Несмотря на некоторые поновления авторской живописи, портрет представляет несомненный историко-художественный интерес. Волконский — предок Льва Толстого по материнской линии — написан художником одаренным, хорошо владеющим трудным ремеслом портретиста. Молодой князь изображен в парадном костюме, поза его торжественна и величава. Но при всей официаль-

Алипий, настоятель Псково-Печерского монастыря

ной условности портрет привлекает свободной манерой исполнения, изысканным рисунком.

На оборотной стороне портрета фельдмаршала П. С. Салтыкова сохранилась подлинная надпись автора: «1762 года мая 20 числа малевал Иван Локтев». Живописец И. Локтев, по имеющимся архивным данным, прошел курс обучения у знаменитого Рокотова. До сих пор нам была известна лишь одна подписная работа единственного рокотовского ученика. Вот почему портрет, попавший из Печерского монастыря в Русский музей, — ценная находка для истории портретной живописи России восемнадцатого столетия.

Почти миниатюрный по размерам портрет неизвестной женщины с голубым бантом на груди подписан монограммой «АТ». На обороте холста дана поздняя расшифровка монограммы: «А. Тыранов, ученик Венецианова». Качество подлинного произведения искусства часто не зависит от громкого имени, которым оно подписано. Специалисты, видимо, еще долго будут изучать монограмму «АТ», но уже сейчас ясно, что это инициалы замечательного художника, создавшего глубоко психологический образ, полный внутренней одухотворенности, женственности и добра.

Четыре больших полотна И. Айвазовского из собрания Алипия, созданных на разных этапах творчества крупного русского мариниста, не имеют себе прямых аналогий в художественном наследии прославленного живописца.

Самое большое место в печерской коллекции занимают работы В. Поленова. Наряду с живописными эскизами библейской серии Русский музей приобрел и две законченные картины — «Мечты» и «Вернулся в Галилею в силе духа». Поленов никогда не повторялся в своем творчестве, и каждый новый вариант одного и того же сюжета отличается глубоким своеобразием и новой трактовкой библейских тем.

И. Шишкин, А. Дубовской, И. Крамской, В. Васнецов, М. Нестеров, М. Добужинский, И. Горюшкин-Сорокопудов, П. Петровичев — вот только некоторые из имен художников, произведения которых стали собственностью Русского и Псковского музеев (В. Пушкарев передал часть печерской коллекции в Псков). Картины этих мастеров, даже если некоторые из них и не относятся к разряду первоклассных, найдут свое место в истории русского искусства.

Западноевропейская живопись занимала в собрании Алипия небольшую часть. Но среди западных картин, безусловно, были первоклассные образцы. Долго убеждал я руководителей Музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина поехать в Печеры за получением в дар этих картин. К сожалению, они не были заражены подвижничеством, свойственным В. Пушкареву. После смерти архимандрита Алипия в течение нескольких лет боролся я за исполнение воли покойного — передачи западных картин в музей. Много пришлось претерпеть и от советской власти, и от архимандрита Гавриила, сменившего Алипия на посту наместника. Теперь это все позади: оскорбления, угрозы, насмешки. Бригада реставраторов под руководством первоклассного мастера С. Голушкина восстановила творения итальянских, испанских, немецких, фламандских мастеров XVI—XVIII веков из собрания Алипия, и скоро в Псковском музее откроется новый раздел «Шедевры западноевропейской живописи».

Дар Алипия музеям России — событие в культурной хронике нашего времени. Благороден поступок собирателя, действовавшего по принципу: «Все остается людям». Настоящего коллекционера не надо убеждать в разумности подобного решения. Ведь счастье человека, истинно увлеченного искусством, посвятившего жизнь поискам его сокровищ, только тогда будет полным, когда результаты этого труда станут принадлежать многим.

Слайды к цветной вкладке выполнены Савелием Ямщиковым с любезного согласия Псковского музея.

**Неизвестный художник.
Портрет Екатерины Великой. XVIII в.**

Иоганн Ротмайер. Лот с дочерьми. XVII в.

**Преподобный Онуфрий.
Фреска Успенского собора
Печёрского монастыря. XVI в.**

Савва Первоосвященный. Фреска Успенского собора Печерского монастыря. XVI в.

В. Д. Поленов. «Возвратился в Галилею в силе духа»

Неизвестный художник. Мадонна с голубем. Сер. XVI в. Италия.

искусство. *Из частной коллекции — в музей*

Теодор Ромбоутс. Аллегория пяти чувств. XVII в.

Рауль Дюфи. (1877—1953) Пейзаж с мельницей

БОЛЬШЕВИСТСКИЙ РАЙ

Публицистика
Документы
Дневники

Дорога в ад

Сейчас трудно сказать — сможем ли мы извлечь уроки из той трагедии, каковой стал в истории человечества большевизм? Или все повторится сначала: изменятся лозунги, но не изменятся методы, приемы большевизма, когда «цель оправдывает средства», когда для достижения «светлой цели» все дозволено и все допустимо...

Так вот именно для того, чтобы ничего подобного не повторилось, чтобы не участвовать в «делах тьмы», мы и намерены продолжить публикации из истории большевистского рая, его идеологии и его «героев», не ограничиваясь какими-либо временны́ми рамками 20-х или 30-х годов. Это могут быть документы, свидетельства, воспоминания о всех семи десятилетиях большевистского ига, не исключая и наши дни, положившие конец большевизму, но не террору, не методам насилия, не борьбе со свободой мысли, свободой печати. В этом отношении антибольшевизм мало чем отличается от большевизма, и уже сейчас становится необольшевизмом, использующим демократические лозунги в зависимости от «требований момента» (что само по себе и является основой большевистской тактики).

А потому мы считаем необходимым все подвергать сомнению — любые действия, любые слова, любые личности и кумиров (уже созданных, уже требующих культового поклонения!), какой бы неудобной не представлялась подобного рода «позиция». Во все времена легче всего было «плыть по течению», улавливая политическую конъюнктуру, живя по принципу «чего изволите», что хотят услышать власть предержащие, стремящиеся, как и их предшественники в кремлевских кабинетах, сохранить монополию на средства массовой информации, а значит, над умами, над душами людей, чтобы вновь сделать их «управляемыми». Это наследие большевистского прошлого нам не изжить ни за год, ни за два. Быть может, потребуются десятилетия, прежде чем будут созданы условия и гарантии свободомыслия (мысли, свободной от любого идеологического диктата, как прежнего, коммунистического, так и нынешнего, демократического). Если А. П. Чехову приходилось, по его словам, по капле выдавливать из себя раба, то нам — всем без исключения — придется точно так же по капле выдавливать из себя (а не только из других!) большевика, то есть соблазн применения революционных методов и «революционного права» там, где должен действовать закон и только закон, желание расправиться со всеми, кто осмеливается шагать «правой» в то время, когда все дружно, как по команде, шагают «левой, левой, левой...» И решения кадровых вопросов по принципу личной преданности и партийной принадлежности (главное, что убежденный демократ!) — это тоже большевизм. Подобные коммунистические «кухарки» уже в достаточной степени наруководили страной, от того, что их сменят демократические «кухарки», ровным счетом ничего не изменится.

Построение «Земного рая» обернулось устроением «Земного ада». Большевизм на нашей земле потерпел исторический крах, оказавшись не просто очередной кровавой утопией, недостижимой целью. Это крах любых попыток насилия над личностью и историей, любых социальных экспериментов над народом и обществом. Большевистская идея под видом интернационализма привела к денационализации, под видом классовой борьбы — к террору и насилию.

Но точно такой же крах может постигнуть и «демократический рай», если вместо власти народа вновь утвердится власть над народом, если провозглашенные принципы демократии и свободы вновь окажутся очередными «благими намерениями», которыми «выложена дорога в ад». А для того, чтобы всего этого не произошло, мы и будем вновь и вновь обращаться к истории большевизма...

ВИКТОР КАЛУГИН

Слева направо: Л. Копелев, А. Солженицын, Д. Панин. 1968 г.

РОМАН ГУЛЬ

Его «вопль» услышан

Мир с Брежневым — это война с Солженицыным.

Сальвадор де Мадарьяга

Злая и преступная воля есть воля безумная и именно поэтому гибельная.

С. Франк

1. Зарождение «Идеологии»

По-моему, эта книга А. И. Солженицына — великая книга. Впервые за страшные, кровавые полвека она предлагает *всему миру* ознакомиться с бесовской, инфернальной сутью большевизма как не только русского, но мирового зла. «Архипелаг» написан с великой человечностью, с великой искренностью, ярким словом и с подачей подавляющего всякое воображение, огромного фактического материала. Всякому читателю «Архипелаг ГУЛАГ» предметно показывает, чем в своей уродливо-марксистской дикости была пресловутая Октябрьская революция Ленина. И чем были Ленин и ленинцы как люди — этот человекоубийца в окружении убийц. Обычно, по «интеллигентской трусости», по т. н. псевдонаучной «исторической объективности», Ленина и ленинцев называют коммунистами. Но этот термин мертв и глуп. Он не определяет ни Ленина, ни ленинцев в их человеческой натуре. Мы привыкли к планетарной лжи. Для Ленина и ленинцев есть настоящее определение — это «гангстеры с идеологией».

Литература о Ленине громадна. Советская — преимущественно лжива. В ней Ленин подрумянен и макияжирован, как покойник в американском «помпфюнерб». Но есть и правдивая русская литература о Ленине. За рубежом. Здесь люди свободно писали о Ленине, и люди, его хорошо лично знавшие. Есть воспоминания о Ленине, характеристики, статьи, письма. Упомяну хотя бы главных русских авторов: П. Б. Струве, Бердяев, Валентинов, Мартов, Войтинский, Нагловский, Авторханов, Алданов, Шуб, в печати меньшевиков, левых эсеров и просто эсеров — много материала для портрета Ленина — и политика, и человека. Надо, чтобы кто-нибудь из русских зарубежных библиографов выпустил наконец зарубежную «лениниану». Не говорю о материале на иностранных языках. Говорю только о русском.

Советской пропагандой (и подсобной, пятиколонной, иностранной) внушается, что Ленин и гигант, и гений. Пусть так. Мы этого не оспариваем. Только это гигантство сродни гигантству прославленных «боссов» подпольного мира, вроде Аль Капоне, и, уж конечно, сродни гигантству и гению Гитлера. Организация Объединенных Наций, эта малоуважаемая международная организация, пыталась провозгласить Ленина «великим гуманистом». За полвека, от которого «кровавый отсвет в лицах есть», мы привыкли к разным махинациям. Но мы, русские, знаем, *что такое большевизм* и что представлял собой Ленин как человек и политик — это воистину апокалиптическое чудовище, своей революцией убившее 60 миллионов людей в России и покушающееся руками своих последователей, отечественных и всесветных тупаморос, «угробить» еще больше миллионов людей во всем мире.

В «Архипелаге ГУЛАГ» Солженицын о Ленине пишет мало. И мало цитирует «гения». Может быть, он не хотел чересчур дразнить гусей? Ведь свою замечательную книгу Александр Исаевич писал в рабовладельческой империи Ленина, живя в городе, где стоит постыдный для всякого мыслящего человека МАВЗОЛЕЙ с восковой куклой вождя, куда до сих пор водят стада дураков-туристов и гоняют отечественные «экскурсии» — смотреть на *останки марксизма-ленинизма.*

Когда-то французский якобинец Камилл Демулэн (тоже личность вполне кровавая), обращаясь к французам, говорил, что так называемые «великие люди» только оттого кажутся им «великими», что они созерцают их, стоя на коленях. «Так встаньте же!» — восклицал Камилл Демулэн. И тут он был, разумеется, прав. Солженицын давно порвал с подобным коленопреклонением. Но сколько людей, как, например, Рой Медведев, все еще никак не могут встать с колен перед Лениным. А многие из них даже и не хотят встать, считая, что жить на четвереньках удобнее, чем стоять во весь рост. «Четыре ноги — хорошо. Две ноги — плохо», — писал Оруэлл в знаменитом «Скотском Хуторе». Но Александр Солженицын — перед всем миром! — встал во весь рост! Во весь свой богатырский рост!

С умной иронией Солженицын пишет о Ленине: «И хотя В. И. Ленин в конце 1917 года для установления «строгого революционного порядка» требовал «беспощадно подавлять попытки анархии со стороны пьяниц, хулиганов, контрреволюционеров и других лиц», т. е. главную опасность Октябрьской революции он ожидал от пьяниц, а контрреволюционеры толпились где-то в третьем ряду, — однако он же ставил задачу и шире. В статье «Как организовать соревнование» (7 и 10 янв. 1918 г.) В. И. Ленин провозгласил общую единую цель *«очистки* земли российской от всяких вредных насекомых». И под *«насекомыми»* он понимал не только всех классово-чуждых, но также и «рабочих, отлынивающих от работы». (Вот что делает даль времени. Нам сейчас и понять трудно, как это рабочие, едва став *диктаторами,* тут же склонились отлынивать от работы для себя самих.) А еще... «в каком квартале большого города, на какой фабрике, в какой деревне... нет... саботажников, называющих себя интеллигентами?» Правда, формы очистки от насекомых Ленин в этой статье предвидел разнообразные: где посадят, где поставят чистить сортиры, где по отбытии карцера выдадут желтый билет, где *расстреляют тунеядца;* тут на выбор — тюрьма «или наказание на принудительных работах тягчайшего типа». И дальше Солженицын продолжает с той же иронией: «И невозможно было бы эту санитарную очистку произвести... если б пользовались устарелыми процессуальными формами и юридическими нормами. Но форму приняли совсем новую: *внесудебную расправу*, и неблагодарную эту работу самоотверженно взвалила на себя ВЧК — Часовой Революции, единственный в человеческой истории карательный орган, совместивший в одних руках: слежку, арест, следствие, прокуратуру, суд и исполнение *решения*».

Тут Солженицын чуть-чуть не прав. Такие «органы» в истории бывали. У Гитлера было гестапо с «внесудебными расправами». В 12-м—15-м веках «внесудебно» расправлялись трибуналы испанской инквизиции. «Органы расправы» существуют у Мао Цзедуна. А в частном порядке существуют в американском преступном мире, так называемом Organized Crime. Во всяком сообществе, целью которого является грубое насилье над людьми, «органы расправы» рождаются автоматически. Но прав А. И. Солженицын в том, что по территориальному размаху и числу миллионов жертв созданный Лениным «Архипелаг ГУЛАГ» превзошел в мировой истории все. Но так как Солженицын о Ленине все же недостаточно, по-моему, говорит, я думаю — надо кое-что сказать об этом человеке дополнительно.

По своей природе Ленин был насильник, маньяк самовластья, маньяк именно — *его* — неограниченной власти. До революции в большевицкой партии он был мало того что диктатор, он был «непогрешим». И когда пришла революция, Ленин в октябре полез напролом к власти *своей* партии, то есть к *его* власти уже во всей стране. И он захватил эту власть, подмяв под себя немногих из своих еще колебавшихся «не социалистов, а мошенников», как их гениально определил Достоевский в «Бесах». Знаменательно, что основоположник русского марксизма, и в этом отношении «учитель» Ленина, Георгий Валентинович Плеханов при известии о захвате Лениным власти в отчаянье сказал: «Пропала Россия, погибла Россия!». Плеханов, как никто, знал Ленина.

Основатель Чехословацкого государства Томас Масарик в книге «Идеалы гуманизма» так определял свой социализм: «Мой социализм — это просто любовь к ближнему». Масарик любил и человека, и его свободу, он хотел *служить* людям. Поэтому в свое время и был близок к Льву Толстому. Ленина же и его «шайку» — Пелагеи, Марьи, Иваны, Петры — не интересовали ни в какой степени: ни они, как люди, ни тем паче их свобода. Ленинская шайка в октябре бросилась только к властвованию *над* людьми, к подавлению народа своим ничем не ограниченным самовластьем. Конечно, среди большевиков были и так называемые «идеалисты», к уголовщине Ленина не склонные. Был старый большевик Ольминский, осмелившийся написать: «Можно быть разного мнения о красном терроре, но то, что сейчас творится, это вовсе не красный террор, а сплошная уголовщина». Был большевик Дьяконов, попробовавший напомнить Ленину и его шайке: «Разве вы не слышите голосов рабочих и крестьян, требующих устранения порядков, при которых могут человека держать в тюрьме, по желанию передать в трибунал, а захотят — расстрелять». Были даже такие, как Тимофей Сапронов, на IX съезде партии крикнувший Ленину: «Невежа!.. Олигарх!» Но все эти, по Ленину, «дурачки» и несмышленыши кончили плохо: раньше или позже их всех расшлепали несгибаемые ленинские неандерталы.

Я полагаю, что некоторых из читателей, настроенных «прогрессивно», будут шокировать мои слова «шайка» и «уголовные преступники» в приложении к Ленину и ленинцам, которых на языке «научного социализма» надо называть «марксистами». Но что тут поделать, определения эти не мои. «Шайка» — это определение известного левого социал-демократа интернационалиста Юлия Осиповича Мартова (Цедербаума), долголетнего личного друга Ленина, соратника по «Искре». Он был одним из двух социал-демократов, с которыми Ленин был на «ты» (второй был Кржижановский). С Лениным Мартов основывал РСДРП. Так вот, еще в 1908 году Мартов писал Аксельроду: «Признаюсь, я все больше считаю ошибкой самое номинальное участие *в этой разбойничьей шайке*». А его адресат Павел Борисович Аксельрод, столь же известный основоположник РСДРП, в 1918 году писал о Ленине и ленинцах: «...не из политического задора, а из глубокого убеждения я характеризовал десять лет тому назад ленинскую компанию как *шайку черносотенцев и уголовных преступников*... Такого же характера методы и средства, при помощи которых ленинцы достигли власти и удерживают ее». Кстати, и Петр Бернгардович Струве определял большевизм как *черносотенный социализм* и как смесь западных ядов с истинно русской сивухой.

Итак, в приложении к создателю «Архипелага ГУЛАГ» и его палачам я обелен в своей терминологии и Мартовым, и Аксельродом. Характерно, что совершенно так же характеризует шайку ленинцев выдающийся советский ученый Анатолий Павлович Федосеев, только в мае 1971 года бежавший из Советского Союза. В сборнике статей «Социализм и диктатура» он пишет, что ленинизм привел «к захвату власти проходимцами и подлецами, не стесняющимися в средствах для удержания власти».

Как все люди Запада, и американцы не понимают суть большевицкой шайки, ее натурального волевого импульса. Но американцы это поняли бы, если бы, например, — назвавшись Советским Американским Правительством Рабочих и Крестьян — правительство США в течение пятидесяти с лишком лет состояло из Аль Капоне, Люки Лучиано, Джозефа Бонанно, Франка Костелло, Тони Аккардо, Датч Шульца, Мо Делица, Мейера Ланского, Луи Лепке, Арнольда Ротштейна, Микки Кона и других знаменитостей «организованной преступности». Правда, убийцы с идеологией все-таки всегда будут страшнее убийц без идеологии.

Великий отец христианской церкви Блаженный Августин в своем знаменитом трактате «О граде Божьем» (De Civitate Dei) так писал о государстве: «Если мы отбросим право и справедливость, то что такое государство, как не большая шайка разбойников? И что такое шайка разбойников, как не маленькое государство?» Эту суть «государства разбойничьей шайки» Ленин превосходно чуял и понимал. И сразу же по захвате власти в России создал жесточайшую систему террора, с годами разросшуюся в небывалый «Архипелаг ГУЛАГ». Дерзайте быть страшными, или вы погибнете!

И. А. Бунин в «Окаянных днях» 2 марта 1918 г. запи-

сал: «Съезд Советов. Речь Ленина. О, какое это животное!» И Бунин, по-моему, прав. В Ленине было мало человеческих чувств. Это было именно одноглазое, и даже не политическое, а партийное животное с уголовными манерами. И Блез Паскаль, и Владимир Соловьев, и Достоевский считали, что совесть прирождена человеку. К сожалению, думаю, что все-таки не всякому. Есть уроды. В революционном мире всегда было довольно много «моральных идиотов». И Ленин, Сталин, Азеф, Гельфанд-Парвус принадлежат именно к ним, причем два последние — Азеф и Парвус — тоже были и не без «гениальности» и не без «гигантства». «Морально то, что полезно партии», — говорил Ленин. Вот — типично готтентотская мораль. И таких «изречений» основателя «Архипелага ГУЛАГ» — множество. Но, чтоб покончить с темой о Ленине, я приведу только два факта из его биографии, совершенно бесспорно подтверждающих тезу о *полнейшем аморализме* Ленина, ужасающем всякое нормальное сознание.

Во время русско-японской войны Азеф — глава террористической организации партии с. р. и член ЦК партии — брал на свой террор деньги от японцев. И это ни в коей мере его не волновало. Во время первой мировой войны — через Фюрстенберга-Ганецкого и Гельфанда-Парвуса — Ленин получил миллионы золотых марок от немецкого генерального штаба для антивоенной разрушительной революционной работы в России. Известный лидер германской социал-демократии Эдуард Бернштейн, разоблачая эту связь Ленина с Кайзером Вильгельмом II, в январе 1925 года в берлинской газете «Форвертс» писал: «Ленин и его товарищи получали от правительства кайзера огромные суммы денег на ведение своей разрушительной работы... Из абсолютно достоверных источников я выяснил, что *речь шла об очень большой, почти невероятной сумме, несомненно больше 50 миллионов золотых марок...»*

Ленин, конечно, прекрасно понимал, почему ему давали эти деньги, но, как известно, Ленин же сказал: «А на Россию, господа хорошие, нам наплевать...» Ленину нужна была не Россия, а «мировая революция», и он брал миллионы от императора Вильгельма II. Ленин брал деньги и тогда, когда государственная власть была уже в его руках, брал, чтобы удержать ее. И немецкие деньги, без которых он не захватил бы власти, не волновали Ленина так же, как Азефа — японские. И что же? Он был прав: все сложилось чудесно! Ленин вышел почти сухим из воды. Если попытки разоблачений Ленина начались еще в 1917 году (Алексинский, Бурцев, Временное правительство), то ведь только почти через полвека, когда Ленин уже давно сладко почивал в своем роскошном Мавзолее на Красной площади, на Западе опубликовали документы немецкого министерства иностранных дел, наконец-то *документально уличавшие* Ленина в получении миллионов от... кайзера. Но кто теперь об этом «неприличии» вспоминает? Даже Объединенные Нации не вспомнили, пытаясь объявить Ленина «светочем» гуманизма.

В сборнике германских документов под названием «Германия и революция в России», вышедшем в 1958 г. по-английски, есть замечательная телеграмма от 29 сентября 1917 г. германского министра иностранных дел фон Кюльмана о подрывной немецкой работе в России. Фон Кюльман телеграфировал представителю министерства в главной ставке: «Мы теперь заняты работой в полном согласии с политическим отделом генерального штаба в Берлине (капитан фон Гильзен). Наша совместная работа дала осязательные результаты. *Без нашей беспрерывной поддержки большевицкое движение никогда не достигло бы такого размера, который оно сейчас имеет. Все говорит за то, что движение это будет расти».* Этот «гений» фон Кюльман оказался чрезвычайно прозорлив. *Движение так разрослось,* что захватило полмира и, в частности, половину Германии господина фон Кюльмана. Если у него есть внуки, они могут помянуть добрым словом «подрывную работу» своего чрезвычайно умного дедушки.

В архитекторе «Архипелага ГУЛАГ», в Ленине, была *большая сила.* Сила полного, высшего аморализма, так же, как в убийце студента Иванова, изувере Нечаеве. И неудивительно, что в то время, как революционеры всех мастей шарахались от Нечаева, как от страшного пугала, Ленин очень высоко ценил Нечаева и ставил его на пьедестал *великого революционера.* Именно с Нечаевым и связан мой второй пример полного ленинского аморализма и полной беспощадности.

Известно, что Ленин называл Нечаева «титаном революции», что ленинское положение (1902 г.) — «дайте нам организацию революционеров, и мы перевернем Россию» — это нечаевская формула. Но я не останавливаюсь на всём психологическом и душевном сродстве Нечаева и Ленина, это увело бы нас далеко от «Архипелага ГУЛАГ». Я приведу только рассказ старого друга и сотрудника Ленина Бонч-Бруевича, с 1917 г. управлявшего у Ленина делами его Совнаркома. В 1934 г. Бонч-Бруевич опубликовал то, что говорил о Нечаеве Ленин. «Ленин говорил: «Совершенно забывают, что Нечаев... умел свои мысли облекать в такие потрясающие формулировки, которые оставались в памяти на всю жизнь. Достаточно вспомнить, — говорил Ленин, — его ответ в одной листовке, когда на вопрос, «кого же надо уничтожить из царствующего дома», Нечаев дал точный ответ: «Всю великую ектению...» Да, весь дом Романовых!.. Ведь это просто до гениальности! Нечаев должен быть весь издан...» Так неоднократно говорил Владимир Ильич», — рассказывает Бонч-Бруевич.

Когда в октябре 1917 г. Ленин захватил в России власть, свой восторг от нечаевской «гениальности», от «всей великой ектении» он скоро и хладнокровно привел в исполнение. Ленин зверски умертвил всех Романовых: и царя, и царицу, и всех их детей, и всех Великих князей, которые были в пределах досягаемости, за исключением одного Гавриила Константиновича, жизнь которого Ленин высочайше подарил Максиму Горькому за то, что «буревестник революции» от оппозиции большевикам перешел к сотрудничеству с большевиками.

Говорят, что из Екатеринбурга голова Николая II была доставлена в Москву, в Кремль, Ленину — в банке со спиртом — как доказательство паханy, что его «мокрое дело» выполнено: «вся великая ектения» уничтожена.

Ни от каких «мокрых дел» Ленин не падал в обморок. Вот его телеграмма от 9 августа 1918 г. Евгении Бош: «Получил вашу телеграмму. Необходимо... провести *беспощадный массовый террор* против кулаков, попов, белогвардейцев. Сомнительных запереть в концентрационный лагерь вне города. Телеграфируйте об исполнении». А своему сатрапу Гришке Зиновьеву, председателю балаганной Петрокоммуны, Ленин в 1918 г. давал такие директивы: «Надо поощрять *энергию и массовидность террора».*

Чтобы почувствовать, насколько морально гнусны были террористы французской революции, достаточно прочесть хотя бы протоколы допроса и так называемого суда над Марией Антуанеттой. Здесь весь их террор — как океан в капле воды. В «Окаянных днях» И. А. Бунин записывает 11 мая 1918 г.: «...читаю Ленотра. Сен-Жюст, Робеспьер, Кутон... Ленин, Троцкий, Дзержинский. Кто подлее, кровожаднее, гаже? Конечно, все-таки московские». Разумеется. Террор якобинцев был шуточным в сравнении с террорищем Ленина, захватившим одну шестую часть земли, на которой это чудовище и заложило «Архипелаг ГУЛАГ», работающий уже многие десятилетия.

«Архипелаг» — целиком и полностью — вырос из политической доктрины и практики *именно Ленина,* из его отношения к миру и людям. Жаль, что Солженицын приводит только две цитаты из легших на бумагу мыслей Ленина, приведших в своем развитии к «Архипелагу ГУЛАГ». Солженицын приводит известные письма Ленина к своему наркому юстиции Курскому. Солженицын пишет. «К процессу эсеров очень торопились с уголовным кодексом: пора было уложить гранитные глыбы Закона! 12 мая, как договорились, открылась сессия ВЦИКа, а с проектом кодекса все еще не успевали — он только подан был в Горки Владимиру Ильичу на просмотр. Шесть статей кодекса предусматривали своим высшим пределом расстрел. Это

БОЛЬШЕВИСТСКИЙ РАЙ. *«Учение» Ленина по А. Солженицыну*

не было удовлетворительным. 15 мая на полях проекта Ильич добавил еще шесть статей, по которым также необходим расстрел... Главный вывод Ильич так пояснил наркому юстиции: «Товарищ Курский! По-моему, надо расширить применение расстрела...» Расширить применение расстрела! — чего тут не понять? — пишет Солженицын. — *Террор — это средство убеждения,* кажется, ясно!.. Но вдогонку, 17 мая, Ленин послал из Горок второе письмо: «Т. Курский! В дополнение к нашей беседе посылаю вам набросок дополнительного параграфа Уголовного кодекса... Основная мысль, надеюсь, ясна... открыто выставить принципиально и политически правдивое (а не только юридически-узкое) положение, мотивирующее суть и *оправдание террора...* Суд должен не устранить террор... а обосновать и узаконить его принципиально, ясно, без фальши и без прикрас. Формулировать надо как можно шире... С коммунистическим приветом. Ленин». Комментировать этот важный документ, — пишет Солженицын, — мы не беремся. Над ним уместны тишина и размышление».

Да, скажу я от себя, тишина и размышления нужны, ибо в то время в тиши ленинского кабинета вместо России зарождался «Архипелаг ГУЛАГ». Но я жалею, что в книге Солженицына нет цитат из Ленина, объясняющих, ради какой цели Ленин начал с тотального всеустрашающего террора? Этот террор был нужен Ленину только для того, чтобы удержать над страной *свою* власть, *свою* диктатуру, которую он для пущей «научности» и для дураков назвал «диктатурой пролетариата». Я думаю, тут уместно восполнить этот некий пробел в книге Александра Исаевича цитатами из Ленина.

Например: «Речь о равенстве, свободе и демократии в нынешней обстановке — чепуха... Я уже в 1918 г. указывал на необходимость *единоличия, необходимость признания диктаторских полномочий одного лица* с точки зрения проведения советской идеи». И далее: «...Решительно никакого противоречия между советским (т. е. социалистическим) демократизмом и применением диктаторской власти отдельных лиц *нет...* Как может быть обеспечено строжайшее единство воли? Подчинением воли тысяч воле одного». И далее: «...Волю класса иногда осуществляет диктатор, который иногда один более сделает и часто более необходим». И далее: «*Научное* (?! — *Р. Г.*)* понятие диктатуры означает не что иное, как ничем не ограниченную, никакими законами, никакими абсолютно правилами не стесненную, непосредственно на насилие опирающуюся власть».

В течение десятилетий на Западе многие так называемые советологи либерального типа пытались весь терроризм Ленина перевалить на Сталина, на московские «процессы ведьм», на «великую чистку» 1937 г., на «процесс врачей» и т. д. Это была ложь во спасение некоей выдумки о якобы какой-то «демократичности» Ленина (и при Ленине), которая не только в нем (и при нем) никогда не ночевала, но была глубоко противна ему по природе. Своим «Архипелагом ГУЛАГ» Солженицын восстанавливает историческую правду. Он пишет: «Когда теперь бранят *произвол культа,* то упираются все снова и снова в настрявшие 37-й и 38-й годы. И так это начинает запоминаться, как будто ни ДО не сажали, ни ПОСЛЕ, а только в 37-м и 38-м. Не имея в руках никакой статистики, не боюсь, однако, ошибиться, сказав: поток 37-го и 38-го ни единственным не был, ни даже главным, а только, может быть, одним из трех самых больших потоков, распиравших мрачные вонючие трубы нашей тюремной канализации».

Большая заслуга Александра Исаевича Солженицына в том, что *именно к Ленину,* ко всему его большевицкому заговору и перевороту он относит закладку страшной машины убийств и ломки человеческих тел и душ.

2. Воплощение «идеологии»

«Голубые канты» — одна из сильных глав «Архипелага ГУЛАГ». Общеизвестно положение и Ленина, и Дзержинского: «Каждый большевик должен быть чекистом». В вопросе о терроре вся головка большевиков — от Ильича до Бухарчика — никогда не фальшивила. «Классовая борьба». Ее очень хорошо называл Н. К. Михайловский — «школа озверенья».

«Устрашение является могущественным средством политики, и надо быть лицемерным ханжой, чтоб этого не понимать», — писал Троцкий. «Буквы ГПУ не менее страшны для наших врагов, чем буквы ВЧК. Это самые популярные буквы в международном масштабе», — писал Зиновьев. «Революции всегда сопровождаются смертями, это дело самое обыкновенное. И мы должны применять все меры террора... Я требую организации *революционной расправы!»* — говорил Дзержинский. «Трибунал — это не суд, в котором должны возродиться юридические тонкости... Если целесообразность потребует, чтобы карающий меч обрушился на голову подсудимых, то никакие... убеждения словом не помогут. Мы охраняем себя не только от прошлого, но и от будущего», — говорил Крыленко. «Мы не отличаем *намерения* от самого *преступления,* и в этом *превосходство* советского законодательства перед буржуазным», — высказывался Вышинский. Можно привести такие же морально готтентотские цитаты из выступлений и писаний Сталина, Менжинского, Лациса, Петерса, Урицкого, Кагановича, Микояна, Володарского, Ягоды, Ежова и других членов «шайки». Но, я думаю, это излишне.

О психологии «каждого большевика», долженствующего тем самым «быть и чекистом», писалось много, но только Солженицын подал эту тему так, как должно. Его «голубые канты» живут и незабываемы.

Говоря о таких ленинцах-чекистах, как Абакумов и Берия (этот тип своих подручных Ленин удовлетворенно называл «рукастыми коммунистами»), Солженицын пишет: «Они по службе не имеют потребности быть людьми образованными, широкой культуры и взглядов — и они таковы... Им по службе нужно только четкое исполнение директив и бессердечность к страданьям — и вот это их, это есть. Мы, прошедшие через их руки, душно ощущаем их корпус, донага лишенный общечеловеческих представлений... Они понимали, что *дела* (арестованных. — *Р. Г.*) — дуты, и всё трудились за годом год. Как это?..» — спрашивает Солженицын. И отвечает словами колымского следователя: «Ты думаешь, нам доставляет удовольствие применять воздействие (это по-ласковому — ПЫТКИ, поясняет Солженицын). Но мы должны делать то, что от нас *требует партия».*

ПАРТИЯ. Слово сказано. Это и есть та знаменитая нечаевско-ленинская «организация профессиональных революционеров», которая должна была «перевернуть Россию», не видя ни ее крови, ни ее слез. Она ее и перевертывает 57 лет. Кто? Эти самые «голубые канты» — дети и внуки Ильича, для которых он изобрел особую ленинскую идеологическую инъекцию из марксизма, пугачевщины и шигалевщины. Для изобретения такой «сыворотки» Сталин был мелкотравчат.

Конечно, в чекистских «легендах», в полной вымышленности так называемых «преступлений» ничего нового нет. Всякий революционный террор всегда живет такой вымышленностью. Так было у якобинцев. Так было и есть в Китае у Мао Цзедуна. Так было и есть в империи ГУЛАГа.

Вспоминаю статью американского философа Сиднея Хука. К нему пришел известный немецкий поэт, коммунист, его друг Бертольд Брехт. Это было в дни самого страшного по своей сатанинской вымышленности сталинского террора. Хук, естественно, спросил Брехта, что он об этом думает? И коммунистическая интеллектуальная знаменитость без запинки ответила: «Чем больше они невиновны, тем больше они виноваты». Хук подал Брехту пальто и шляпу. И больше его не видел.

* Известно, что «учение» Ленина называется «научным социализмом», хотя всякий дурак должен бы понять, что ничего «научного» здесь нет. И диктатуру (свою) Ленин определяет как «научную», что является просто уже бредом.

С порабощением рабочих партаппаратом из ленинской «идеологической инъекции» исчезли признаки марксизма («фабрики рабочим!»). После погрома и закрепощения крестьянства («земля крестьянам!») исчезла пугачевщина. Что же осталось от «идеологической инъекции»? Осталось главное, что привело «шайку» к власти — шигалевщина. «Мы пустим пьянство, сплетни, донос, мы пустим неслыханный разврат; мы всякого гения потушим в младенчестве. Всё к одному знаменателю. Полное равенство... Но у рабов должны быть правители. Полное послушание, полная безличность.. Одно или два поколения разврата теперь необходимы: разврата неслыханного, подленького, когда человек обращается в гадкую, трусливую, себялюбивую мразь — вот что надо! А тут чтобы еще к свеженькой кровушке попривыкли...» — говорит в «Бесах» Петр Верховенский, практик шигалевщины. Недаром о «Бесах» Достоевского Ленин говорил: «Омерзительно, но гениально!» Стало быть, Достоевский что-то — самое нутряное — нащупал в нечаевщине-ленинщине. Конечно, теперешние «голубые канты», все эти разъевшиеся номенклатурные мурлы и хари снизили шигалевщину с ее интеллигентского уровня до уровня грубоживотного, разбойного примитива. Они уже гораздо ближе к Федьке Каторжному, чем к Шигалеву.

Солженицын пишет: «По роду деятельности и по сделанному жизненному выбору лишенные ВЕРХНЕЙ сферы человеческого бытия служители Голубого Заведения с тем большей полнотой и жадностью живут в сфере нижней. А там владели ими и направляли их сильнейшие (кроме голода и пола) инстинкты нижней сферы: инстинкт ВЛАСТИ и инстинкт НАЖИВЫ. (Особенно — власти. В наши десятилетия она оказалась важнее денег..) Для людей без верхней сферы власть — это трупный яд. Им от этого зараженья нет спасенья».

Но все же, конечно, от Ильича Первого и его ленинизма Ильич Второй — Брежнев — не отрекается. Да и не может. Чем же ему было бы *жить*? Даже книгу своих глубокомысленнейших речей он так и озаглавил — «Ленинским курсом». И КПСС, и КГБ до сих пор освящены и ославлены именем великого Ленина. Солженицын так пишет об этой единственной, всесильной опоре ленинского государства, о гордости партии — о «голубых кантах»: «...Ты выше открытой власти с тех пор, как прикрылся этой небесной фуражкой. Что ТЫ делаешь, никто не смеет проверить, но всякий человек подлежит твоей проверке.. Ведь один ты знаешь *спецсоображения*, больше никто. И поэтому ты всегда прав... Все твое теперь! Все для тебя! Но только будь верен органам! За тебя всегда заступятся! И всякого обидчика тебе помогут проглотить! И всякую помеху упразднят с дороги! Но — будь верен ОРГАНАМ! Делай все что велят... Ничему не удивляйся: истинное назначение людей и истинные ранги людям знают только органы, остальным просто дают поиграть... Нет, это надо пережить — что значит быть голубой фуражкой. Любая вещь, какую увидел, — твоя! Любая квартира, какую высмотрел, — твоя! Любая баба — твоя! Любого врага — с дороги! Земля под ногой — твоя! Небо над тобой — твое, голубое!..»

Мартов, Валентинов, Войтинский, Нагловский и другие, хорошо знавшие Ленина, пишут, что к людям Ленин относился «с недоверием и презрением» (Мартов). «Надо ко всем людям относиться без сентиментальности, надо держать камень за пазухой», — вот формула Ленина еще 900-х годов (Валентинов). Члены его заговорщической конспиративной партии рассматривались им, по его собственному выражению, как «партийное имущество». И ценность этого «имущества» Ленин измерял одним аршином — «полезности».

«Тем-то он и хорош, что ни перед чем не остановится. Вот вы скажите прямо, могли бы вы за деньги пойти на содержание к богатой купчихе? Нет? И я не пошел бы, не мог бы себя пересилить. А Виктор пошел. Это человек незаменимый!» Так в 1907 году говорил Ленин члену большевицкого Центра проф. Н. Рожкову о Викторе Таратуте, который «по директиве» Ленина подвалился к богатой московской купчихе Елизавете Шмит, чтобы — через постель — получить деньги на большевицкую партию, на Ленина. И Таратута это прелестное и приятное задание Ильича выполнил целиком и полностью. Капиталы Шмит попали-таки в руки Ленина.

Я не знаю, чем кончил Таратута. Но, несомненно, при Ленине и после него он вполне бы мог быть и на месте Петерса, и на месте Ягоды, и на месте Берии, руководя «голубыми кантами», ибо «заповеди» Таратуты и «голубых кантов» родились из того же бесовского аморализма Ленина. Ленину на его дело были нужны деньги. И он шел на получение их не только «через постель купчихи», но и через настоящие грабежи (с убийствами), чего Маркс как-то не предвидел и чему, кажется, слава Богу, не учил.

В 1906 г. по директиве Ленина его ближайшие подмастерья Коба (Сталин) и Камо (Тер-Петросян) совершили вооруженное ограбление в Чиатури. Из награбленной 21 тысячи рублей 15 тысяч пошли к Ленину, в его «большевицкий Центр». Крупные деньги шли от грабежей и позже — от ограбления на корабле «Николай I» и в Бакинском порту. Но самым крупным (просто грандиозным!) ленинским «мокрым» грабежом (то есть с убийствами) было знаменитое в анналах партии ограбление Кобой и Камо тифлисского Государственного банка в июне 1907 года. Тут грабители-марксисты применили бомбы. (Не от этих ли бомб в наши дни бомбы взрываются по всему миру?! Конечно, от этих ленинских!) Бомб было брошено около десяти, были убиты три человека и 50 ранены, зато в кармане Ленина оказались около 300 тысяч рублей (а тогда рубли были золотые!). В 1912 году под руководством посланного Лениным из-за границы Камо ленинцы-бандиты грабанули денежную почту на Каджарском шоссе, причем были убиты семь казаков. Вот по какой дороге «воля к власти» вела социалистического насильника Ленина и привела к Октябрьской революции и тоталитарной империи «Архипелага ГУЛАГ». Аморализм «голубых кантов» не упал с неба. Это чистое «учение» Ленина.

Не помню, кому в свой последний приезд в Париж (кажется, Адамовичу?) Анна Ахматова говорила, что «Достоевский ничего не понимал в убийстве». У него Раскольников, убив старуху-процентщицу, терзается душеяно: «все позволено или не все позволено?» А «у нас», говорила Ахматова, человек убивает 30 человек и вечером с женой едет в оперу. Кто же этот человек, этот «голубой кант»? По Ленину, что «носитель объективной истины», образцовый большевик-ленинец. Это мог быть Ягода. Мог быть Агранов. Мог быть Мессинг. Мог быть Петерс. Как у «носителя объективной истины», у него и не должно быть от этих убийств никаких охов и ахов. А раз так — то и едет с женой в оперу освежиться, отдохнуть для завтрашней работы.

В книге Валентинова «Встречи с Лениным», кстати, приведен даже диалог между Валентиновым и Лениным на эту тему: о совести у преступника. «Из ваших слов вытекает, что ни одна гадость не должна быть порицаема, если ее учиняет полезный партии человек. Так легко дойти до «все позволено» Раскольникова», — говорил Ленину Валентинов.

«Ленин остановился и, засунув большие пальцы за отворот жилетки, посмотрел на меня с нескрываемым презрением.

— Все позволено! — сказал Ленин. — Вот мы и приехали к сантиментам и словечкам хлюпкого интеллигента, желающего топить партийные и революционные вопросы в морализирующей блевотине! Да о каком Раскольникове вы говорите? О том, который прихлопнул старую стерву-ростовщицу, или о том, который потом на базаре в покаянном кликушестве лбом все хлопал в землю? Вам, посещавшему семинарий Булгакова, может быть, это нравится?»

Ленин в марксизме занимал позицию некой якобинской марксятины. Для Ленина старуха-процентщица была не человек, она была — некий схематический знак «классового врага», и убить ее было и можно и, может быть, нужно. У марксистов такого толка человеческая личность всегда была — «quantite negligeable». Вот из какой ленинской марксятины прямехонько и родился «ленинец», шлепающий 30 человек (потенциальных иль мнимых, не все ли равно) «врагов народа» и после этого едущий в оперу. «Голубому канту» — «все позволено». Из этого ленинского «все позволено» и родился «Архипелаг ГУЛАГ».

Кстати, люди, близко знавшие Ленина, отмечают в его характере приступы ража, внезапного бешенства, злобу, беспощадность, беспринципность и, как пишет Валентинов, «дикую нетерпимость, не допускающую ни малейшего отклонения от его, Ленина, мыслей и убеждений». «Для терпимости существуют отдельные дома», говорил Ленин. В той же книге «Встречи с Лениным» Валентинов рассказывает, что известный большевик и писатель А. А. Богданов, по профессии врач (Бердяев в «Самопознании» пишет — врач-психиатр), в 1927 году говорил Валентинову: «Наблюдая в течение нескольких лет некоторые реакции Ленина, я, как врач, пришел к убеждению, что у Ленина бывали иногда психические состояния с явными признаками ненормальности».

В Ленине для его партийцев, так же как в Гитлере для его партийцев (Der Führer weiss alles!), была воплощена вся истина. И партия шла за Лениным, как за идолом. Бухарин писал, что «Ленин вел партию, как власть имущий». Уже это отдает идолопоклонством. По множеству свидетельств оно и было. Конечно, бывали в ЦК кое-какие «бунты», несогласия. Но все они, как пишет Мартов, были всегда «бунтом на коленях». Когда же кое-кто заходил в своем «личном мнении» слишком далеко, то Ленин действовал очень решительно. Томского за такое «бузотерство» он немедленно выслал в Туркестан. Г. Мясникова арестовал и сослал на Кавказ, откуда тот бежал за границу. А в Кронштадте без суда расстрелял всех восставших против него коммунистов.

Естественно, когда этот «самовластительный злодей» умер, партии, воспитанной в его самодержавии, был — как воздух — необходим новый самодержец. Он и пришел в лице Сталина, что, с точки зрения бытия партии, было закономерно. И Сталин пошел за Лениным, как говорит Солженицын, «точно стопой в указанную стопу». Так и идет полувековой «Le Massacre des innocents» на глазах всего мира, заражающий своим злом землю. Конечно, Сталин превзошел Ленина по числу массово убиенных. И некоторые могли при нем, вспоминая Ленина, говорить: «И злая тварь милее злейшей». Но изуверство всей этой шайки в своей сути одинаково — от Ильича Первого до Ильича Второго.

В «Архипелаге ГУЛАГ» А. И. Солженицын, как искусный хирург, вскрывает всю *анатомию* этой «заплечных дел демократии», показывая *психологию* обслуживающих ее палачей от самой головки «голубых кантов» до какого-нибудь безымянного лагерного убийцы в небесной фуражке. Аресты, допросы, пытки, тюрьмы, концлагеря, тройки, ревтрибуналы, особые отделы — все есть в этой страшной уголовной энциклопедии ленинизма.

Говоря о первых сфабрикованных в ГПУ публичных процессах — Промпартии, Трудовой Крестьянской Партии, Союзного Бюро Меньшевиков, — Солженицын пишет: «Самые аляповатые детективы и оперы с разбойниками серьезно осуществлялись в объеме великого государства».

«Так пузырились и хлестали потоки — но через всех перекатился и хлынул в 1929—30 гг. многомиллионный поток *раскулаченных*. Он был непомерно велик, и не вместила б его даже развитая сеть следственных тюрем, но он миновал ее, он сразу шел на пересылки, в этапы, в страну ГУЛАГ... Этот поток (этот океан!) выпирал за пределы всего, что может позволить себе тюремно-судебная система даже огромного государства. Он не имел ничего сравнимого с собой во всей истории России... Озверев, потеряв всякое представление о «человечестве», лучших хлеборобов стали схватывать вместе с семьями и безо всякого имущества, голыми, выбрасывать в северное безлюдье, в тундру и в тайгу.. Поток 29-го — 30-го годов, протолкнувший в тундру и тайгу миллиончиков пятнадцать (а как бы не поболе). Но мужики — народ бессловесный, ни жалоб не написали, ни мемуаров.. Пролился этот поток, всосался в вечную мерзлоту, и даже самые горячие умы о нем почти не вспоминают. Как если бы русскую совесть он даже и не поранил. А между тем не было у Сталина (и у нас с вами) преступления тяжелее».

Страшно вспомнить, что на Западе в социалистических кругах II Интернационала этот всероссийский крестьянский погром в «15 миллиончиков» человеческих жизней вызвал у некоторых социалистов «научный интерес». О нем писали, как о «новом» социальном эксперименте — коллективизации деревни. К нашему стыду, эти ноты раздавались и в русской зарубежной социалистической печати. Впрочем, это вполне увязывалось с «доктриной», с тем, что Маркс и Энгельс всегда говорили об «исконном идиотизме деревни». Но, когда Гитлер начал уничтожать приверженцев II Интернационала, никто на Западе не написал, конечно, что это «интересный социальный эксперимент». Запад глубоко виноват перед Россией своим молчанием перед ужасами террора шигалевской шайки.

В конце главы «История нашей канализации» Солженицын спрашивает: «Объединить ли все теперь и объяснить, что сажали *безвинных*? Но мы упустили сказать, что само понятие *вины* отменено пролетарской революцией, а в начале 30-х годов объявлено *правым оппортунизмом*. Так что мы уже не можем спекулировать на этих отсталых понятиях: вина и невиновность».

Солженицын прав: в ленинском государстве пытками понятия вины и невиновности стерты, им нет места, если на «пыточном следствии» арестованному, как пишет Солженицын, «будут сжимать череп железным кольцом, опускать человека в ванну с кислотами, голого и привязанного пытать муравьями, клопами, загонять раскаленный на примусе шомпол в анальное отверстие («Секретное тавро»), медленно раздавливать сапогом половые органы, а в виде самого легкого — пытать по неделе бессонницей, жаждой и избивать в кровавое мясо».

В 1918 году, защищая свой террор, Троцкий писал: «Трудно обучить массы хорошим манерам. Они действуют поленом, камнем, огнем, веревкой». Через некоторое время Троцкий на себе самом испытал «дурные манеры» масс, правда, не полено, не камень, не огонь, не веревку, а острый ледоруб, которым сталинский «голубой кант» Рамон Меркадер размозжил голову этому террористу. «Злом злых погублю».

На XXII съезде Хрущев разорялся о «недопустимых методах физического воздействия». Но это, конечно, был только тактический и безошибочно сильный «ход конем» в борьбе Хрущева за власть. Пытки были при Ленине, были при Сталине. И эпигоны их не отменили. Если отменили «либерально», для Запада, введение раскаленного шомпола в анальное отверстие, то создали новые страшные пытки в психбольницах, разрушая психически человека впрыскиваниями соответственных химикалий.

От методов физического и психического насилья над человеком, от его ломки и сламывания ленинская шайка отказаться никогда не могла и не может. Она труслива и (не без оснований) предполагает, что такой отказ приведет к «индонезийскому финалу». «Архипелаг ГУЛАГ» — это героическая и титаническая попытка борьбы с шайкой путем раскрытия всех ее преступлений против человека. «Тут мой вопль услышат двести, дважды двести человек — а как же с двумястами миллионами? — пишет Солженицын. И добавляет: — Смутно чуется мне, что когда-нибудь закричу я двумстам миллионам».

И Солженицын действительно закричал двумстам миллионам. Его «вопль» уже услышан в мире, и его еще услышат десятки, если не сотни миллионов. Эхом вопль уже доходит и до родной стороны. Небывалым страданьем своим и состраданием к великому страданию всего народа Солженицын духовно победил шигалевскую шайку Ленина. И мне хочется закончить статью такой нотой. Мы — русские, и у нас есть Солженицын! В этом — наше большое счастье!

Откуда пошла партия...

Около вагона раздались голоса, и кто-то озабоченно произнес:

— Бломба, братцы... Должно быть, взрывчатое.

— Ежели пироксилин, так ты потише. Он этого не любит.

— А может, корову привезли? Либо покойника.

Стали осматривать вагон снаружи.

— Ишь ты... Даже надпись есть: «Осторожно, Большевик».

А сбоку было приписано: «низ». Вскрыли. Почувствовав, что он в безопасности, Ленин высунул осторожно голову и спросил:

— Виноват... Я еще в Германии?

— Нет, уже в России.

— В России? Великолепно. Запломбируйте меня и отправьте дальше а Петроград.

— Пломбировать? У вас что, зубы, что ли, болят, товарищ Ленин?

— Нет, я так. По привычке. Думал, что и у вас придется в запломбированном вагоне...

Узнав, что можно ехать свободно, Ленин подумал и решительно сказал:

— Не нравится мне это.

— Что не нравится?

— Всё. Правительство у вас буржуазное...

Два большевика отвели его в сторону и торжественно дали клятву исправить ошибку.

— Товарища Семена хотели в министры, так он заупрямился. Я, говорит, неграмотный, и тяжело воопче.

— Город не нравится. Буржуазный. Люди в крахмальных воротничках ходят. Сменить.

— Это у нас не долго. Меньшевики только мешают и эсеры. Никакого крахмала не будет.

— Революция не нравится. Месяц прошел, а социалистическим строем и не пахнет... По-моему, так: три дня на республику, четыре на конституцию, а к субботе социалистический строй к примèрке...

Когда Ленина привезли в Петроград, стали выбирать ему квартиру.

— Мне чтобы без буржуазности,— угрюмо заметил он, — отведут тебе комнату с розовыми обоями, и сиди там, как канарейка...

— Может быть, Марсово поле, товарищ Ленин, желаете? Только оно без меблировки.

— Отставить.

— Дворец Зимний?

— Режимом пахнет.

— Мраморный?

— Камень уж очень этот мрамор буржуазный...

Помирились на дворце Кшесинской: реквизируется под Ленина.

Для того чтобы не было зазорно, над буржуазной столовой прибили надпись «Питательный пункт тов. Ленина». Над спальней — «Восемь часов для сна».

— Теперь мне партию найдите,— сурово отрезал Ленин. — Так не полагается, чтобы лидер был, а партии не было.

— Заняты все партии-то. Новую придется сколачивать.

— А вы сколачивайте...

Сколотили. Вышел Ленин на балкончик, а внизу под балконом уже партия стоит — два большевика третьего держат, чтобы не удрал.

И дежурный оппонент на тумбочке. Ночью спит на крыльце, утром гуляет, а днем оппонирует.

Придет солдат, свернет цыгарку, посидит, покурит и уйдет. Мальчишка из лавочки прибежит, остановится. Солдатка придет насчет пособия справиться. Студент забежит насчет урока поговорить — нет ли буржуазного дитяти...

А Ленин на балкончике разливается.

Отсюда и пошла есть ленинская партия.

Фермопил ХАРИБДОВ

(Журнал «Барабан» № 4, май 1917 г.)

АРКАДИЙ АВЕРЧЕНКО

Логический вывод

(из цикла «Салат из булавок»)

На один митинг, устроенный большевиками, явился скромный господин с интеллигентным приятным лицом и сдержанными манерами.

Это был я.

Когда я приблизился к председателю митинга, он спросил меня:

— Чего вам?

— Хочу говорить. Запишите меня оратором в очередь.

— Хорошо. Как ваша фамилия?

— Виктор Гюго.

Он был ошеломлен.

— Что-о-о?!!

Я приятно улыбнулся ему и твердо повторил:

— Моя фамилия — Виктор Гюго.

— Но. . ведь. . Виктор Гюго... давно уже умер.

— Разве? Какой удар. Впрочем, я что-то такое слышал об этом. Да-а... Не живут на свете талантливые люди.

— Как же вас записать?

— Виктор Гюго.

Председатель с расширенными от удивления глазами и суеверным ужасом на лице встал и дрожащим голосом обратился к аудитории:

— Товарищи! Происходит что-то странное: явился человек и говорит, что его зовут Виктор Гюго.

Сотни глаз впились в меня, и вдруг среди тишины прозвучал чей-то голос:

— Да позвольте: я его знаю. Это — Аркадий Аверченко.

Председатель бросил на меня взгляд, полный упрека:

— Как же вы говорите, что вы — Виктор Гюго, когда вас зовут Аркадий Аверченко?

— О, могильные черви! — завопил я. — У вас не хватает даже крохотного, микроскопического мужества — быть справедливым!!! Если ваш Бронштейн называет себя Троцким, Апфельбаум — Зиновьевым, Розенфельд — Каменевым, Нахамкес — Стекловым, Гиммер — Горевым, Гольденберг — Мешковским и Лурье — Лариным, если все вы изменили свои немецкие фамилии на русские, то почему же мне не изменить свою малороссийскую фамилию на французскую?! Только вкуса-то у меня будет побольше, чем у вас!! Виктор Гюго!! Разве плохо?

Я пожал плечами и повернулся, чтобы уйти... И услышал за своей спиной:

— Меняет фамилию... Гм! Наверное, провокатор.

. . . .

Трудно быть справедливым в революционной России.

(Журнал «Новый Сатирикон» № 22, июнь 1917 г.)

Человек-динамит

Хотя они и прибыли через Германию, тем не менее встретили их приветливо и торжественно.

И когда Ленин и его спутники показались в окне вагона, оркестр грянул «Марсельезу».

— Остановитесь, товарищи! — с ужасом закричал один из прибывших, коммунист Максималистов. — Стойте!

Оркестр смолк.

— Кто вот этот, с палочкой?

— Известно кто — дирижер.

Максималистов страдальчески заломил руки и застонал.

— И вы, сознательный коллектив, позволяете одному человеку управлять вами? Стыдно, товарищи, стыдно! Сию же минуту долой его! Пусть каждый из вас играет, что хочет и как хочет!..

• • •

Прямо с вокзала Максималистов заехал в редакцию газеты.

— Вы кто? — спросил он человека, сидевшего за столом

— Редактор.

Максималистов презрительно прищурился.

— А кто вас выбирал?

Редактор пожал плечами:

— Как, кто? Издательский комитет, редакция...

— Тэ-э-к-с! Тэ-э-к-с! — насмешливо протянул Максималистов. — А позвольте узнать: читатели принимали участие в выборах? А наборщики? А экспедиция? А продавцы газет?..

И уже другим тоном, не допускающим возражений: заявил:

— Проваливай-ка, узурпатор! Ловкий какой: воспользовался неорганизованностью читателей и продавцов газет и уселся в редакторское кресло!.. Вон!

• • •

Побывал Максималистов в театре и после первого же акта прошел за кулисы:

— Вы что же это играете? Разве теперь время для комедий?

— А что же, по-вашему, следует ставить?

— Не маленькие — сами понимаете! Можно инсценировать циммервальдскую резолюцию большевиков и сыграть ее, можно также...

— Позвольте, как же так — инсценировать резолюцию? Да ведь ее ни один режиссер не поставит!

— А что это за птица такая — режиссер?

• • •

Хлопотливый выдался для Максималистова денек.

Но, возвращаясь ночью домой, усталый и измученный, он вдруг вспомнил, что не сделал самого главного:

— Еще не сместил Временное правительство.

Вспомнил и побледнел от досады на свою забывчивость. И, погрозив кулаком этому невидимому врагу, зловеще прошептал:

— Погодите же, завтра доберусь и до вас!..

ЛОДЫРЭ

(Журнал «Барабан» № 3, апрель 1917 г.)

Празднество великой революции

(Лекция по Луначарскому)

Программа

1. Неизбежность и благотворное значение избиения вифлеемских младенцев в историк христианской революции.
2. Роль Колизея в воспитании революционных понятий и настроений римской демократии.
3. Сожжение Александрийской библиотеки как уничтожение угнетенными демократиями Востока базы их угнетателей.
4. Аларих в Риме — Победа мирных и добродушных готов и вандалов над милитаристским Римом.
5. Удельный период и смутное время в русской истории как образцы революционного творчества.
6. Первые проблески революционной зари — холерные бунты, аграрные беспорядки и еврейские погромы.
7. Восход революционного солнца в Кронштадте на Якорной площади (пейзаж).
8. Освежающий революционный дождь 3—4 июля в Петрограде (жанр).
9. Экстаз революционного творчества: а) заздравные чары у винных складов в Самаре, Николаевске и других городах, б) иллюминация социализуемой земли, в) римские свечи в Казани, г) рыночные конфетти из гнилых яиц и др. продуктов, выдержанных на продовольственных складах демократических организаций, д) серпантин из кишок карманников и других свободных граждан, с восторгом разрываемых на части, е) прочие аттракционы и номера революционного праздника.
10. Чем после оного опохмелиться. (Какова должна быть на Руси варфоломеевская ночь.)

СВОБОДНЫЙ

(Журнал «Бич» № 39, октябрь 1917 г.)

Отчасти

— Скажите, Хрюмин — большевик?

— От части.

— То есть, как — отчасти?

— Раньше в части у пристава посыльным был.

ДЕ-НИС

(Журнал «Бич» № 41, октябрь 1917 г.)

Урок географии

(Только для маленьких)

Ленинские прииски, деточки, находятся в Сибири, на реке Лене и ее притоках, потому и называются Ленинскими...

А прииски тов. Ленина находятся в Германии, верстах я трех от славного города Берлина...

Это богатейшие в социалистическом мире прииски, которых нам с вами и во сне не увидать...

А в Сибири... Это... Тьфу...

Да туда Ленин-то и не поедет...

Из принципа.

ТИН-ТИН

(Журнал «Бич» № 41, октябрь 1917 г.)

К товарищам большевикам

(Циркулярно от Министерства финансов)

Вы, пышно правящие тризну
Врагам истерзанной страны;
Вы, продающие отчизну
За пол — и менее — цены...
Не нам карать вас за злодейства...
Но нажились вы, видит Бог!
Хоть подоходный-то налог
Внесите в кассу казначейства.

ТРИ А.

(Журнал «Бич» № 32, август 1917 г.)

Читая сатирические журналы переломного 1917-го, постоянно ловишь себя на мысли, что сатирики-юмористы того времени в какой-то мере несерьезно относились к большевикам. Несерьезно не в смысле специфики жанра — просто не считали грядущую власть политической силой, способной разыграть свою собственную карту.

Обличительный пафос либерально-демократической прессы (а подавляющее большинство сатирических журналов были именно этого направления) был направлен на сухомлиновых, штюрмеров, протопоповых и других представителей уже ушедшей власти. А большевики!.. Что о них серьезно-то писать: ну, циммервальдцы, ну, под «пломбой» их привезли... Но реально-то они большого вреда сделать не могут. Вот военная диктатура — это страшно, это опасность для только что полученной свободы.

Однако история — дама капризная и непредсказуемая, как все женщины. Опломбированные циммервальдцы, имен которых многие и не знали, — р-раз, и взяли власть в свои руки.

А взяв власть, вспомнили всех, кто недобрым ерничаньем вспоминал их в своих публикациях, всех, кто всуе насмехался над обитателем дворца Матильды Кшесинской и присными. Вспомнили — и р-раз, быстренько закрыли сатирические журналы, которые, подумайте, осмеливались ставить под сомнение «божественное» происхождение новой власти.

Вот такая грустная история приключилась с веселыми журналами. А может, и права была новая власть: не зная броду — не суйся в воду. Ведь какой хороший урок добрым молодцам преподали их большевистские оппоненты, на многие годы отрезав от читателя рассказы и новеллы Аверченко, Бухова, Тэффи и десятков других не столь именитых сатириков. Хотя и тех, практически всех, вспомнили поименно при вербовке рабочих кадров ГУЛАГа.

За что!

Впрочем, з а ч т о — пусть судят читатели «Слова».

Григорий ПЯТОВ

А. КУПРИН

Рубец

Знаменитый русский путешественник, полиглот и гастроном Максим Горький долгое время был у нас предметом восторга и подражания.

«Рожденный летать», он однажды с высоты птичьего полета покрыл черным словом Нью-Йорк и Америку (правда, пробыв в Соединенных Штатах всего полчаса). Им тогда восхищались: «Как смело!»

Проезжая через Францию, он грубо обложил и эту страну всего лишь за то, что Франция, вопреки горьковскому совету, не отказала России в займе. Ему аплодировали: «Как дерзновенно!»

Обложив иноземцев, он не упустил случая обгадить и свою безответную, несчастную Родину: «Презираю тебя, нищая российская страна. Презираю и ненавижу! Уже мой литературный предшественник, не лишенный дарования стихотворец Пушкин ненавидел тебя. Недаром он повторил мои слова: „Черт меня догадал родиться в России с умом и талантом!“».

Горькому и книги в руки. В своей ревностной отличной службе интернационалу против Родины он должен быть последователен.

В годы страшной войны он считался одним из главных застрельщиков чудовищной партии пораженцев (ведь выдумали же русские люди такое невероятное похабнейшее слово!), т. е. партии, яростно способствовавшей словом и делом кровавому разгрому, полному уничтожению России немцами.

Но совсем напрасно прихватил Горький себе в попутчики небезызвестного сочинителя Пушкина, фамильярно похлопывая его по плечу. Приведенную фразу Пушкин правда написал в частном письме, но не в горьковском смысле и по поводу, уважительному даже и поныне. Он узнал, что, по распоряжению Бенкендорфа, почта распечатывала его самые интимные семейные письма и выдержки из них доводила до сведения высшего начальства. Возмущенная гордость, мужской гнев зажгли душу поэта. Не на Россию, Родину свою, он негодовал в эту минуту, а не гнусную секретную правительственную меру. Но разве осмелился бы тогда хоть один русский человек, зная, что его письма распечатываются, обругать не только правительство, а — скажем — квартального надзирателя? Россию — сколько угодно, а за непочтение к властям предержащим не угодно ли проехаться в Вятку или на Кавказ?

Горький этого не то что не хотел понять, а просто не понял со своим неотъемлемым безвкусием и куцым мышлением. И вероятнее всего, что мимо его памяти прошло, не задержавшись в ней, замечательное письмо Пушкина к Чаадаеву.

Оно было написано 19 октября 1836 года, за три с половиной месяца до трагической кончины великого прекрасного поэта, и было ответом на письмо этого образованного западника, глядевшего с недружелюбным разочарованием на историю и судьбу России. Вот центральное место из письма Пушкина:

«Хотя лично я и привязан сердцем к Императору, но я далеко не всем восхищаюсь, что вижу вокруг себя; как писатель, я раздражен, как человек с предрассудками, я оскорблен, — но клянусь честью, ни за что на свете я не хотел бы ни переменить отечества, ни иметь другой историн, как историю наших предков, такую, как нам Бог её послал».

Эти чудесные крепкие слова написаны той рукой, которая уже предощутила холод дуэльного пистолета, и продиктованы самой чистотой, пламенной и правдивой русской душой, сумевшей в этот момент возвыситься над личными страданиями и раздражениями, победив их волею и чувством справедливости.

Этих слов пусть не забывает на чужбине каждый русский.

Мы верим в то, что Россия выздоровеет от долгой и тяжкой болезни и вновь займет подобающее ей место среди мировых государств. Мы не предвидим еще формы власти, под которой она возродится, но уверены, что жизнь её потечет по широкому и глубокому руслу просвещенного национализма, в котором дружно сойдутся входящие в нее племена, религии и допускаемые государственной мудростью политические партии, работающие на пользу и благо страны. И страшная кровоточащая борозда, проведенная десятилетним безумием большевизма, заживет. Но рубец от нее останется как память русского страстотерпчества и как суровый последний урок всему миру.

«Рубец» — одна из до сих пор не собранных в отдельный том публицистических статей А. И. Куприна. Впервые была опубликована в «Новом Нарвском листке» в 1927 году, то есть в то время, когда автор уже семь лет как находился в «глубоком» Зарубежье, проследовав туда в 1918 году по маршруту «Гатчина — Париж».

Разумеется, название этого «маршрута» — условно. Но если мы возьмем карандаш и распишем это странствие по «транзитным станциям», то получим нечто вроде обстоятельной подорожной: Куприн в Гатчине, Куприн в Ямбурге, в Нарве, в Ревеле, Куприн в Гельсингфорсе и, наконец, Куприн в Париже. Везде, вплоть до прибытия в конечный пункт его более чем двухлетнего странствия, писателем были оставлены своеобразные «визитные карточки», чаще всего — статьи в местных газетах, реже — проза и стихи.

Ни об одном из названных выше периодов сам Куприн воспоминаний не оставил. Появлению произведений Куприна на страницах русских изданий в Эстонии немало способствовали люди, входившие в близкое петербургско-гатчинское окружение писателя. Именно поэтому Куприн опубликовал статью «Рубец» в «Новом Нарвском листке», имевшем подзаголовок «Русская национальная газета» (издавалась в 1926—1927 гг.), несколько фельетонов — в гельсингфорской газете «Новая русская жизнь». В круг авторов и редколлегии этих изданий входили русские литераторы В. Е. Гущик и П. М. Пильский, эмигрировавшие из России еще в 1919 году.

Ни одному из русских периодических изданий в Эстонии наладить с Куприным отношения постоянного сотрудничества так и не удалось. Он весьма иронически отзывался о профессиональном уровне местной ревельской прессы, посылая свои произведения из Парижа на адрес В. Гущика от случая к случаю, стихийно, отказываясь писать регулярно и на заказ.

Что же касается статьи «Рубец», трудно сказать, какое из высказываний М. Горького послужило для нее поводом, ибо источник цитаты, приводимой Куприным, не установлен. Возможно, его следует искать в литературной деятельности «Буревестника революции», относящейся к редактируемому им журналу «Летопись». Издание выходило в Санкт-Петербурге в 1915—1918 годах и сплотило вокруг себя группу литераторов, стоявших на антиимпериалистических, интернационалистских позициях.

О. ФИГУРНОВА
(публикация и послесловие)

ВЛАДИМИР БОНДАРЕНКО

Возвращение невозвращенцев

В любом журнале, любом художественном альманахе, антологии, в любом издательстве, кроме главенствующих жанров — поэзии и прозы, читатель найдет публицистику, критику, популярное литературоведение, исторические очерки. Они составляют как бы «третью тетрадку» художественного творчества. Часто читатель с нее и начинает чтение журнала. Бывают периоды, когда «третья тетрадка» доминирует в сознании общества, тогда в ее создание включаются все — поэты, прозаики, драматурги, художники. Один из таких периодов мы с вами переживаем сегодня.

Для поколения ди-пи таким периодом была вся их эмигрантская жизнь. Уйти из политики, из истории, оставаться «чистым художником» не удавалось никому. Читатели прекрасной прозы Николая Нарокова, Бориса Филиппова, Леонида Ржевского, поэзии Ивана Елагина и Олега Ильинского, любители живописи Сергея Голлербаха и Адама Русака, я надеюсь, со временем ознакомятся со статьями и очерками, политическими манифестами и историческими раздумьями уважаемых ими художников, публиковавшимися в «Посеве», «Гранях», «Новом журнале», «Русской мысли», «Возрождении», «Нашей стране».

Для того чтобы осуществиться в живописи и поэзии, в прозе и драматургии, им надо было осмыслить свою эпоху, свое поколение, свое место и свою роль в эмиграции, свою дальнейшую жизнь.

Начиная с главного вопроса — оставаться ли русскими или ассимилироваться, забыть о своей родине, своей вере.

«Третья тетрадка» ди-пи — это их смысл жизни, их политическое и нравственное кредо, их исповедь и их мечта о будущем.

Несомненно одним из лучших публицистов второй эмиграции является **Геннадий Андреевич Хомяков**, писавший под псевдонимом **«Геннадий Андреев»**. В первые послевоенные годы он опубликовал в «Гранях» документальное повествование «Соловецкие острова», где ему довелось сидеть в конце двадцатых годов. Выпустил книгу очерков «Горькие воды», повесть «Трудные дороги», где описывает попытку побега из лагеря. Множество его рассказов и очерков разбросаны по эмигрантским журналам. Он — писатель острых ситуаций, драматических коллизий. В своих рассказах он не уклонялся от темы ответственности перед Родиной, от трагических противостояний второй мировой войны. Русский в Германии в годы войны — вот излюбленный сюжет его рассказов. Думаю, можно будет составить очень сильный сборник его рассказов, чтобы понять его место в литературе второй эмиграции. Его переполняла жажда деятельности, жажда борьбы с ненавистным большевизмом во имя возрождения России. Как писал о нем его друг Леонид Ржевский, «самое главное: жили в нем одновременно прозаик, и журналист, и редактор. Последние два отчасти прозаика и затирали. А он писал хорошо...»

Когда я перелистывал подшивки первых лет еженедельника «Посев», то фамилия Г. Андреев встречалась едва ли не чаще других. И всегда главенствовала любовь к России. Даже рассказывая о соловецком сидении, он находит место для любви — к людям, к величественной северной природе: «Хорошо в предвечернее время разыскать одно из бесчисленных соловецких озер, окаймленное большими валунами, покрытыми вековой тёмно-зеленой плесенью... Мне все кажется, что в одном из этих, так похожих одно на другое, озер сквозь холодную воду покажутся колокольни Китеж-града, спрятавшегося где-то тут...»

Удивительно, что, перепечатывая сегодня лучшую публицистику «Граней» и «Посева» первых послевоенных лет, мы находим всю атрибутику современной патриотической печати, мы становимся наследниками, правопреемниками русского национального движения во второй эмиграции, в то время как нынешний «Посев» от этих традиций постепенно уходит. Одной из таких лучших «посевовских» статей, дающих представление о мировоззрении дипийцев конца сороковых — начала пятидесятых годов, я считаю статью Геннадия Андреева «Помилуй Бог, мы — русские». Истины этой статьи необходимо сегодня донести до сердца каждого соотечественника: «Мы — здоровый и сильный народ, со здоровой и молодой душой. В ней, как и прежде, неискоренимо живет жажда справедливости, свободы, мира. Эта жажда — залог того, что зло большевизма будет нами уничтожено. Оно не может не быть уничтожено, ибо: — Помилуй Бог, — мы русские!..»

В дипийском всемирном рассеянии всем нужны были скрепы — православия, патриотизма, русскости. Нам в России сегодня требуется то же самое. Уже у себя, на родине, мы должны почаще восклицать, чтобы не забыть и не пропасть:

— Помилуй Бог, мы — русские!

Не случайно и книга **Бориса Ширяева**, вышедшая в Буэнос-Айресе в 1953 году, называется почти так же, как статья Г. Андреева «Я — человек русский».

Сегодня, когда Войнович признается, что он не учил своего сына русскому языку, чтобы он быстрее онемечивался, когда чета Синявских в Париже публично восхищается офранцуживанием своих детей, когда все «третьеволновики» говорят, что на примере второй эмиграции они поняли, как не надо жить в эмиграции, если хочешь быстрее ассимилироваться, мы — по публицистике ди-пи — видим, как в самых суровых, каторжных условиях послевоенные эмигранты отстаивали себе во вред свою русскость. Первым делом, попадая в неведомые Аргентины, Австралии, Бразилии, они — бывшие советские атеисты — строили церкви, образовывали русские клубы, общины. Поразительный факт: очень многие дипийцы в эмиграции стали монархистами. Возникла новая волна издательств, газет, журналов.

Денационализированные советизированные люди — открывали свою русскость так же, как это делается и сегодня. Погружались в историю, открывали миру страшную правду о бесчеловечности сталинского режима.

Борис Ширяев — один из самых талантливых писателей-дипийцев,— подобно Геннадию Андрееву, тоже редко позволял себе погружаться в чистую художественность, почти целиком посвятив себя публицистике и документальным исследованиям. Тому пример — уже классическая «Неугасимая лампада», повествующая о соловецком лагере, где он побывал еще до Геннадия Андреева.

Сошлюсь опять на воспоминания Леонида Ржевского: «Был он писателем большой сюжетной выдумки и религиозно-патриотического мироощущения... Написал он также хроникальную серию повестей... Очень яркие были повести». Из Аргентины мне прислали его редчайшие книги «Ди-пи в Италии» и «Я — человек русский». В предисловии к «Ди-пи в Италии» Борис Ширяев пишет: «...«униженные и оскорбленные». Это те, кто попал в лагеря ИРО и эмигрировал под знаком «защиты прав человека»... Калейдоскопичность и бешеный ритм нашего времени (или безвременья — как хотите) требуют от литератора не создания обобщенного «героя эпохи», какого искали наши великие деды, но фиксации тех многоликих и многообразных «человеческих докумен-

тов», которые густою толпою проходят перед его глазами». Это уже сознательный отказ от присущей ему художественной фантазии во имя долга перед историей, перед собственным народом, к чему десятилетия спустя придет наш современник Александр Солженицын. Мы потеряли первоклассного писателя, но для истории ди-пи, для понимания одной из великих русских трагедий Борис Ширяев оставил нам уникальные документальные произведения. Г. Месяцев писал о «Ди-пи в Италии»: «...обобщенный образ «жертвы эпохи» — русского Ди-пи. Образ этот типично русский, ибо «там» — жизнь иная, а люди те же».

Еще в одной книге, «Светильники русской земли», Борис Ширяев обращается к истории России, пишет о чуде Преподобного Сергия Радонежского, о Николае Чудотворце, об истории Соловков.

Лагерные воспоминания оставили, кроме Г. Андреева и Б. Ширяева, многие другие писатели-дипийцы: **Сергей Максимов, Борис Фипиппов, Виктор Свен.** Вышли, уже посмертно, две книги воспоминаний **Ростислава Иванова-Разумника,** умершего в Германии в самом конце войны.

Всю послевоенную эмигрантскую жизнь посвятил изучению Соловецкого лагеря еще один бывший узник — **Михаил Розанов.** Незадолго до смерти он издал три тома, посвященные истории этого страшного лагерного периода в жизни северного острова.

Еще один публицист-исследователь второй эмиграции **Николай Чухнов** в 1967 году издал очерки борьбы. «В смятенные годы», пожалуй, одно из наиболее подробнейших и достоверных описаний послевоенной эмигрантской жизни.

В Буэнос-Айресе таким историком послевоенной эмиграции, летописцем своего поколения стал **Николай Февр,** автор вышедшей в 1950 году книги «Солнце всходит на западе», многих статей в русских эмигрантских изданиях, выходящих в Латинской Америке.

И цикл лагерных воспоминаний, опубликованных дипийцами, и их злоключения военного и первого послевоенного периода направлены как бы в будущую Россию, являются теми «человеческими документами», которые уже сегодня помогают нам воссоздать правдивую историю «Архипелага Ди-пи».

В те же годы начинают появляться политологические работы, философские исторические исследования, объясняющие феномен большевизма, дающие гораздо более реальное представление о сталинской России, чем труды высоколобых западных теоретиков. Для столь распространенной в ведущих западных странах советологии, переполненной ошибочными представлениями о России и её политике, появление плеяды блестящих историков и политологов из послевоенной эмиграции — оказалось спасительным чудом.

Книги **Николая Рутыча** «КПСС у власти», **Абдурахмана Авторханова** «Технология власти», **Николая Ульянова** «Происхождение украинского сепаратизма», **Константина Николаева** «Восточный обряд», **Вячеслава Науменко** «Великое предательство», **Александра Казанцева** «Третья сила», **Глеба Рара** «Плененная церковь», **Романа Редлиха** «Очерки большевизма», статьи **Олега Красовского, Владимира Бондаренко, А. Светланина, Григория Климова, Владимира Юрасова** и других — оказали заметное влияние на изменение советологических концепций западных политиков. Многие положения самых именитых западных политологов, от З. Бжезинского до Р. Пайпса, базируются или отталкиваются от трудов дипийских исследователей.

Это признает и Глеб Струве в своей книге «Русская литература в изгнании»: «Еще более естественно и просто вложились в общее русло зарубежной литературы некоторые новоэмигрантские публицисты и критики, например, М. М. Коряков, автор книги «Освобождение души», нашедший много созвучного себе в зарубежных духовных исканиях... Н. И. Ульянов, историк по образованию и по специальности, привлекший внимание своими острыми статьями об эмигрантской литературе, В. Ф. Марков... и Б. А. Филиппов-Филистинский».

Самыми известными не только среди русской эмиграции, но и в западноевропейских и американских научных кругах стали **Абдурахман Авторханов, Михаил Коряков и Николай Ульянов.** Мне уже доводилось подробно писать об Авторханове на страницах журнала «Слово», постоянным автором которого стал этот известный историк и политолог. Остановлюсь на других.

Борис Зайцев, один из крупнейших русских писателей первой эмиграции, писал в своем предисловии к книге **Михаила Корякова** «Освобождение души»: «Сейчас много появляется «книг-материалов» о России. Некоторые из них (Кравченко) очень нашумели, проникли в широчайшую публику и многое разоблачили. Но — во внешнем плане. Это политика, борьба, ничего духовного. Коряков пишет иначе... Это новая рана души. Но и новый призыв к борьбе за возрождение свободной Родины — в свете высших духовных ценностей, в духе уважения к самоценному человеку: из чего и вытечет сама собой правильная политика социальная — не возвращение вспять, а разумная и человеколюбивая защита слабого от сильного... Дай Бог, чтобы через нее западный читатель уяснил бы себе, что теперешняя Россия, при всех ее уклонах и падениях, не есть просто безликая и бездушная сила роботов. Все гораздо сложнее. Есть живое ядро, ищущее правды, света».

«Освобождение души» — я считаю одной из лучших книг нашей литературы XX века. Есть в ней и живая история народа, есть и мастерство документалиста, есть потрясающие факты и плюс то неуловимое, что отделяет крепкую журналистскую книгу от явления литературы, что заставляет по-настоящему сопереживать автору.

«Нет, поистине неистребима в русском человеке душа, и если душа подступает к горлу, то хоть какими угодно пеленай его тезисами, конспектами и директивами, он так или иначе свое возьмет — выскажется! Высказался и мой тульский мастеровой: по наружности такой простой — в плохоньком свитере бумажной вязки, а по душе — замысловатый, устроенный не без закавыки. Высказался же он в том духе, что старое русское барство было не так далеко от мужичья и вовсе не противоположно народу... Все эти Болконские, Ростовы, вопреки их наружному виду, были корнями связаны с крестьянством... Две русские традиции — военная и земледельческая, — традиции, в которых и состоит, главным образом, национальное наше величие, были созданы русскими барами и русскими мужиками... Верно, что народ строил Россию. Но и обратно: Россия создала народ. Медленно, в тысячелетнем ходе. Насколько возможно, надо воздерживаться от насилования органического процесса. Историческая активность (не говорилось, но подразумевалось: большевизма) не убыстряет хода (а я еще от себя добавлю — и петровских реформ. — В. Б.), напротив, ломает корни, обрывает связи и, в конечном счете, затормаживает развитие нации, страны».

Рассуждения Михаила Корякова сильны своим позитивизмом, своей реальной верой в будущее. Это не плач по погибшему и не ставка на уничтожение всего советского (столь модная среди сегодняшних демократических ястребов типа Адамовича или Карякина), а органическое прорастание сквозь советское. В чем-то мне Михаил Коряков напоминает лучшие работы Александра Зиновьева. Он начисто лишен эмигрантского привкуса, вот уж верно — унес Россию в себе.

«Да, Родина! Чего только не испытала, не перенесла она! Шли из-за Каспия темные орды, где они? Ничего не осталось: только в памяти народной отложились имена мучеников, Святителей Земли Русской. Пройдет и большевистское лихолетье. А родная земля есть и будет, и с нею — то, что по-настоящему от земли, от родины. Толстой, Россия...»

Михаил Коряков прославился уже своей первой книгой «Почему я не возвращаюсь в СССР». Написал он и «Живую историю России», серию исторических очерков, каждый из которых посвящен одному году послеоктябрьской истории России. Мне кажется, сегодня эта книга, написанная с любовью к России и русскому народу, крайне нужна нашим школьникам и студентам, которым вместо былых марксистско-сталинских догматов навязывают сегодня столь же политизированную антирусскую историю России. Впрочем, это все одна — марксистская — школа истории, от Покровского в двадцатых годах до Эткинда и Некрича сегодня. Не случайно известный диссидентский историк Некрич не принимает вторую эмиграцию, оценивает ее почти что со сталинских позиций: «Те, кто поднял оружие против своей родины... ренегаты и предатели своих собственных народов». Не случайно сегодняшнее обвинение Абдурахмана Авторханова вчерашним диссидентом Роем Медведевым. Не случайно сходство взглядов на дореволюционную историю России Александра Янова, Натана Эйдельмана и историков школы Покровского.

Совсем иное, бережное отношение мы видим в трудах историков второй эмиграции. В своем обращении к читателю, предваряя «Живую историю России», Михаил Коряков пишет: «Автор... как и все русские люди, «в отечестве и в рассеянии сущие», не может не мучиться теми же вопросами познания России, а следовательно, и самопознания... Материалы, извлеченные автором... помогут читателю, особенно молодому читателю... в осмыслении всего того, что России пришлось пережить за послеоктябрьские десятилетия, а также и в поисках нового пути как для России, так и для самого себя в России».

Судьбы дипийцев — это судьбы сильных, несломленных людей. Поразительно, что в их воспоминаниях нет нытья, нет любования своей жертвенностью, а ведь каждый из них не единожды был в лапах у смерти, над некоторыми и по сей день висит смертный приговор. Михаил Коряков уже в последние дни войны попал в плен к разъяренным немцам, он просто должен был погибнуть — везение, судьба, Божий промысел позволили ему уцелеть. В Париже за ним уже охотится отечественная карательная служба. Советские спецкоманды действовали во Франции легально, обращаясь за помощью к полицейским, даже многим аристократическим семьям из первой эмиграции пришлось пережить страх перед угрозой насильственной репатриации, преследовали крупнейших писателей: Ивана Шмелева, Ивана Сургучева, закрыли многие русские организации. Отток русской культурной эмиграции из Парижа в США связан с невозможностью дальнейшего издания русских газет и журналов, постановки русских спектаклей в просоветской Франции первых послевоенных лет. Даже Лихтенштейн вел себя перед Сталиным более независимо, чем Франция, Бельгия и другие крупные европейские государства. Вот почему, еще не дожидаясь начала великого дипийского переселения в США, Латинскую Амерку и Австралию, страшась насильственных выдач, многие дипийцы уехали в Марокко, образовав настоящий русский поселок недалеко от столицы. Там осел после войны и **Николай Иванович Ульянов,** будущий крупный русский историк, талантливый прозаик, критик, эссеист.

Николай Ульянов, один из любимых учеников академика С. Ф. Платонова, по окончании Петроградского университета сразу был оставлен в аспирантуре и после блестящей защиты диссертации по истории Русского Севера уехал преподавать в Архангельский педагогический институт. 2 июня 1936 года арестован НКВД и приговорен к пяти годам концлагеря. При аресте были захвачены пять неопубликованных научных работ историка. В начале войны был отправлен на окопные работы под Вязьму, где и попал в плен к немцам. В лагере у немцев работал сварщиком. Эта профессия пригодилась в Марокко, где он работал на заводе металлических конструкций.

Два лагеря, побеги, тяжелая работа. Из жизни ученого выпало десятилетие. Уже в Марокко Николай Ульянов начинает сотрудничать с эмигрантскими журналами «Возрождение», «Российский демократ» и «Новый журнал». Пишет два исторических романа — «Атосса» и «Сириус», сборник рассказов «Под каменным небом».

После переезда в Америку в 1952 году активно занялся любимой историей. В 1954 году выходит ставшая уже классической работа «Происхождение украинского сепаратизма», столь актуальная ныне. Он первым обратил пристальное внимание на ненависть Маркса и Энгельса к славянам. «Никто никогда, — писал Николай Ульянов, — не говорил о России с такой проникновенной ненавистью, как Маркс». Его работа «Замолчанный Маркс» будет опубликована в журнале «Слово».

Еще один дипиец с трагической судьбой, **Владимир Самарин,** изгнанный из США по указке КГБ, писал о Николае Ульянове: «Н. И. Ульянов — историк, обладавший не только огромной эрудицией, но и талантом проникать в самую суть исторических процессов... В книге «Происхождение украинского сепаратизма» материалы, нужные именно теперь, когда по страницам книг, журналов, газет растекается мутная волна русофобства, когда понятие интернационального коммунизма подменяется понятием русского империализма, когда Запад ведет политику, направленную не против коммунизма, а против исторической России, политику, грозящую катастрофой...

Приехавшие в США третьеволновики из русскоязычной эмиграции, пользуясь поддержкой многих государственных деятелей США, стремились сместить историков и литературоведов-патриотов России с кафедр славистики в американских университетах, они не гнушались при этом связями с КГБ. Это диссиденты помогли расправиться с Самариным, они устроили травлю Николая Ульянова. Сколько операций было проделано вместе (ЦРУ — КГБ — третья эмиграция) по дискредитации второй эмиграции. Вот и недавно в «Литературной газете» обозвали Николая Ульянова третьестепенным представителем почему-то первой эмиграции. Смесь клеветы и невежества.

В 1962 году в Нью-Йорке на юбилее — 1100-летии Государства Российского — Николай Ульянов произнес знаменитую в кругах русской эмиграции речь «Исторический путь России». Заканчивая ее, историк сказал, обращаясь ко всем русским, где бы они ни жили: «Вместе с Пушкиным скажем, что другой истории, кроме той, которая у нас была, — не хотим. История, Родина, как отец и мать, не выбираются, не ищутся, а даются судьбой».

Историки ди-пи — это был последний щит на пути грязного потока русофобии, разлившегося ныне по многим научным центрам Европы и Америки. Пока слависты и советологи всего мира общались с **Авторхановым, Ульяновым, Самариным, Ржевским, Филипповым** и другими профессорами, выходцами из послевоенной эмиграции, идея антикоммунизма во многих центрах славистики была отделена от антирусских, антигосударственных концепций. Заменившие дипийцев, и часто самым доносным, чекистским приемом, в Сорбонне и Гармише, Нью-Йорке и Лос-Анджелесе яновы, синявские и копелевы, резники и парамоновы стали настраивать весь западный мир не столько против марксизма, сколько против самой России. Это же к нам обращаются в своих заметках и воспоминаниях **Николай Рутыч и Абдурахман Авторханов, Владимир Бондаренко и Борис Филиппов,** когда пишут о переломе настроений у интеллектуалов Запада в антирусскую сторону. Даже парижане, традиционно уважающие русскую культуру, сегодня склонны верить в вечную агрессивность и рабскую природу русского народа, подпитываемые ежедневно «столпами» третьей эмиграции.

Борис Андреевич Фипиппов в своих «Мыслях нараспашку» отмечает: «И даже когда пишут об истории или культуре той страны, откуда выехали, то пишут «с ученым видом знатока» на основании всего лишь популярных книжонок марксистско-ленинских своих учителей — типа Покровского и даже Майского. И это здесь, на Западе, где так много подлинных научных трудов и подлинных, не фальсифицированных цензорами КПСС источников. И пишут яновы, соловьевы, клепиковы и иже с ними — им же несть числа... И те, у кого «никаких знаний и беззаветное самомнение», орут наиболее громко, напирают локтями наиболее крепко, наиболее нахрапнсто отправляются в тени Гоголя на прогулки с Пушкиным в дали и близи русской истории, обзывают друг друга гениями...»

С уходом второй эмиграции с общественной сцены реально заканчивается история русской эмиграции советского периода, заканчивается и ее историческая миссия. Не случайно на свои «всемирные эмигрантские форумы», на римские встречи, приветствуемые Горбачевым и Ельциным, третьеволновиками не приглашались никто из видных представителей первой и второй эмиграции: ни Аркадий Столыпин, ни Зинаида Шаховская,

ни Абдурахман Авторханов, ни Борис Филиппов...

Дипийцев выживали из радио «Свобода» и «Немецкой волны из Кельна», «Голоса Америки» и «Нового русского слова», «Русской мысли» и изданий НТС. Эмиграция помнит шумный суд Олега Красовского со «Свободой», закончившийся полной победой Красовского. Немцев, уважающих закон, поразила наглость, с которой бывшие коммунистические функционеры типа Матусевича заставляют своих американских сенаторов и конгрессменов идти на поводу у выехавших с советскими паспортами новых эмигрантов.

Опытнейший журналист, человек высокой культуры, многолетний редактор «Нового русского слова», Андрей Седых сказал большинству своих авторов, вынужденно покидая свой редакторский пост: «Всё, больше любящих Россию в этой газете печатать не будут». Роман Гуль, многолетний редактор «Нового журнала», предупреждал о разливающемся море русофобии, открыто высказывал свое мнение о Синявском и Белинкове. В Париже бывший главный редактор «Русской мысли» Зинаида Шаховская тоже с печалью пишет о «новых либералах», полных ненависти к России.

Даже в «Гранях» и «Посеве», основанных послевоенной эмиграцией, несущих долгие годы знамя борьбы за свободную Россию, все реже встретишь авторов второй эмиграции, все чаще находишь откровенно русофобские статьи. Иной номер «Граней» не отличишь от «Синтаксиса» или «Страны и мира», ведущих русофобских изданий. «Посмотрите, как злобно поднялась шерсть у поклонников мифического, пропагандного Пушкина, стоило журналу «Октябрь» напечатать отрывки из «Прогулок с Пушкиным» Андрея Синявского», — пишет разгневанный автор в № 160 журнала «Грани».

Уважаемое руководство журнала, так же «злобно поднялась шерсть» у Романа Гуля и Зинаиды Шаховской, Александра Солженицына и Аркадия Столыпина, у всех создателей вашего журнала, доживших до столь позорных времен: у Романа Редлиха и Бориса Филиппова, у Николая Рутыча и Леонида Ржевского, стоит ли рвать со славными традициями пятидесятых — шестидесятых годов?

Начинают ныне печатать у нас на родине в газетах «Политика», «День», «Литературная Россия», в журналах «Родина», «Москва», и «Слово» еще одного известного историка из второй эмиграции — **Николая Николаевича Рутыча.** Мне довелось в Париже некоторое время жить у него, познакомиться с его огромным ценнейшим архивом. Судьба у Николая Николаевича — уникальная, впрочем, как у большинства дипийцев, о нем писал в «Архипелаге ГУЛАГ» Александр Солженицын. Еще молодым историком, блестяще закончившим Ленинградский университет и даже успевшим опубликовать первую историческую книгу до войны, в годы войны Николай Рутыч организовывает в псково-ленинградских лесах антикоммунистический партизанский отряд, сражается с немцами, но за свободную Россию, затем эмиграция, Германия, Франция. В Париже Николай Николаевич собирает архивы участников Белого движения, дружит со многими, еще живыми лидерами Белого движения.

У него находятся неопубликованные рукописи генерала М. Алексеева (400 страниц), генерала Махрова — начальника штаба Врангеля (700 страниц), переписка Врангеля, Деникина и других лидеров Добровольческой армии, все документы знаменитого Ясского совещания, дневники одного из лидеров Государственной думы Савича, судебное дело великого русского драматурга Сухово-Кобылина и многие другие интереснейшие документы, полученные от участников гражданской войны. Николай Николаевич мечтает опубликовать эти материалы у нас на родине, ищет возможных издателей и редакторов.

Его книга «КПСС у власти» в шестидесятые годы вызвала большой интерес в кругах русской эмиграции и центрах советологии и, естественно, приступ ненависти у наших партократов и спецслужб. Не случайно каждый раз, когда в Париж приезжало высокое советское начальство, от Хрущева до Брежнева, Николая Рутыча в числе других лидеров русской эмиграции по списку КГБ послушное французское руководство отправляло на Корсику. Пытались отправить даже старейшего русского писателя Бориса Зайцева, спасло только вмешательство французской прессы. Так они себя и называют — корсиканцы, помню, как Аркадий Петрович Столыпин весело вспоминал вместе с Николаем Николаевичем Рутычем эти ссылки, сдобренные хорошим французским вином. Из критиков и литературоведов дипийского выпуска я уже упоминал Бориса Филиппова, Леонида Ржевского, Владимира Бондаренко, остается добавить имена **Юрия Большухина и Вячеслава Завалишина.** Все они, как я уже говорил, известны и своими литературными произведениями. Одна из вершин дипийской литературы — роман Леонида Ржевского «Между двух звезд», посвященный второй мировой войне. Читатель знаком уже с талантливыми рассказами Владимира Бондаренко, с его «Раздумьями о послебольшевистской России», с рассказами Бориса Филиппова, стихами Вячеслава Завалишина, его первым переводом на русский язык знаменитых «Центурий» Нострадамуса. Но, говоря о «третьей тетрадке» ди-пи, никак нельзя пройти мимо издательской и критической деятельности этих литераторов.

В подробном письме ко мне Вячеслав Завалишин рассказывает о судьбах писателей второй эмиграции, об их трудном положении в Америке, где «выходящая на русском языке газета «Новое русское слово» уже много лет последовательно и неуклонно проводит линию дискредитации ее виднейших представителей». Завалишин пишет о художниках **Сергее Голлербахе** и **Владимире Шаталове**, о театроведе **Юрие Елагине.** «Слава Богу, что в вашем лице нашелся человек, который имеет мужество рассказать всю правду о второй эмиграции». Скорее я предпочту говорить о мужестве самого Завалишина и его коллег, столь много сделавших для сохранения русской культуры. Еще в дипийских лагерях началась издательская и переводческая деятельность **Вячеслава Клавдиевича Завалишина.** Он издал в Германии на плохонькой газетной бумаге первый четырехтомник Николая Гумилева, позже, в Америке, он писал предисловия, составлял и редактировал книги многих русских поэтов, пропагандировал русских художников.

Грандиозную работу по русской культуре вел скончавшийся недавно **Борис Андреевич Филиппов.** Он был редактором, составителем, автором предисловий и комментариев к книгам Н. Гумилева и О. Мандельштама, А. Ахматовой и Б. Пастернака, М. Волошина и Н. Клюева, Н. Заболоцкого и Е. Замятина. Работа Бориса Филиппова по советским нормам равняется работе среднего научного института. Борис Филиппов несет в себе отсвет «серебряного века» нашей культуры, он учился в Петрограде у наших крупнейших философов, востоковедов, филологов, посещал нелегальный философский кружок **С. Аскольдова**, с кем он вместе был уже перед войной в ссылке в Новгороде, с кем попал в эмиграцию. В своей прозе Борис Филиппов описывает северные лагеря, где он пробыл пять лет, петербургскую университетскую атмосферу. В статьях он воспевает «серебряный век» России, поклоняется петербургской культуре. Не понимаю, как нынешние петербургские литературные журналы прошли мимо такого тонкого знатока и ценителя поэзии и прозы их родного города. До сих пор не издана в России его великолепная эссеистика «Ленинградский Петербург в русской поэзии и прозе». Или мешает его признанию все тот же подлинный глубинный патриотизм?

«Новый Петербург, новая Россия нарождаются. Он — в тюремных психбольницах и застенках КГБ, они — в многообразии взглядов новой молодежи... Они в подлинной волхвующей идее подлинного национализма — национализма, как слуги вселенскости».

Владимир Иванович Бондаренко отметил в конце 1981 года свое восьмидесятилетие. Сейчас я составляю сборник его прозы, эссеистики и публицистики, дающий цельное впечатление об этом талантливом критике и прозаике. В своем последнем письме ко мне он пишет о судьбе «второй эмиграции»: «...Сразу обнаружилось много одаренных людей, которые не могли или не хотели проявить себя в советских условиях. Некоторые из них были, без сомнения, первоклассными и, без всякого преувеличения, войдут в русскую литературную историю, как, например, поэты Ольга Анстей и Иван Елагин, литературовед и оригинальный писатель Б. А. Филиппов и многие другие...

С присланной вами периодикой ознакомился. Первое впечатление самое благоприятное, особенно от журнала «Слово». Убежден, что именно такой журнал необходим сейчас России».

Хочу обратить внимание читателей еще и на необычность эмигрантской судьбы Владимира Бондаренко. Он из почти совсем не известной нам «финской волны» советских военнопленных. О них мы можем прочитать лишь в воспоминаниях брата А. Т. Твардовского, тоже бежавшего из Финляндии в Швецию, — Ивана Твардовского. Из той же волны нынешний автор «Свободного слова Руси», **Павел Романович Петухов**, издавший в Швеции, в Упсале в 1949 году свою книгу поэм «Кончина мира».

В Швеции десять лет преподавал русскую литературу в университете Лунда еще один виднейший представитель дипийской литературы **Леонид Денисович Ржевский.** Он — автор книг о Солженицыне, Пастернаке, Достоевском, редактировал «Грани», выпускал многочисленные антологии русской литературы, среди них единственная за все сорок лет антология второй эмиграции «Литературное зарубежье», вышедшая в Мюнхене в 1958 году. Антология завершается аналитической статьей о литературе ди-пи **Юрия Большухина**, известного также своими сатирическими рассказами и пародиями на писателей-дипийцев. Леонид Ржевский вспоминает о своей работе над антологией: «Я хочу рассказать о литературной жизни Русского Зарубежья после окончания второй мировой войны... После репатриации, добровольной и принудительной, на Западе оставалась, по приблизительным данным, не одна сотня тысяч невозвращенцев. Попадались там и люди творческого труда — художники, музыканты, артисты, литераторы. Много ли среди них насчитывалось работников пера? Трудно сказать точно, но вот один пример в ответ на вопрос: в 1958 году, по поручению тогдашнего Объединения послевоенных эмигрантов, я составил сборник, который назвал «Литературное зарубежье» — антологию произведений авторов, покинувших родину в результате войны. Их, этих авторов, в сборнике было 18. Шестеро поэтов, один автор ценнейшей монографии «Укрощение искусств» Юрий Елагин и десять прозаиков... Скажу о самых заметных... Их имена: Сергей Максимов, Николай Нароков, Борис Ширяев и Геннадий Андреев-Хомяков».

Несомненно, в этот список самых заметных просится и сам Леонид Ржевский, известный прежде всего своим романом «Между двух звезд». Он, пожалуй, один из самых профессиональных и мастеровитых писателей второй эмиграции и наиболее последовательный летописец своего поколения. Из Швеции он переехал в США, где преподавал до конца жизни в университете русскую литературу, был членом американского ПЕН-клуба.

Говоря о публицистике и критике второй эмиграции, нельзя пройти мимо такой заметной фигуры, как **Григорий Петрович Климов**, который долгое время возглавлял Объединение послевоенных эмигрантов в Мюнхене (сокращенно ЦОПЭ), выпускавшее сборники «Мосты», книги писателей-дипийцев и упоминавшуюся выше антологию. Публицистические книги Григория Климова всегда вызывали много споров, подробнее я писал о нем в № 5 журнала «Слово» за 1991 год.

История и публицистика занимает заметное место в творчестве **Бориса Башилова** (Михаила Алексеевича Поморцева), жившего долгие годы в Аргентине. Борис Башилов — постоянный публицист газеты «Наша страна», автор монументального труда — девятитомной «Истории русского масонства».

Заканчивая свои заметки о „третьей тетрадке" ди-пи, знакомя читателя впервые с неведомым ему набором имен русских мыслителей и историков, поневоле подытоживаешь и сводишь воедино имена и судьбы, разбросанные по всему миру. Найдутся оппоненты, доказывающие несовместимость иных имен в одном ряду. Очевидно, таково мое творческое кредо — собирать. Да, я предпочитаю находить общее в статьях Авторханова и Красовского, Ульянова и Башилова, Корякова и Рутыча, даже у Климова и Ржевского. Пусть они и спорят между собой, но любовь у них одна, беда одна, судьба одна — Россия. Русское дело — соборное дело, к тому же никуда они не денутся от дипийского военного следа, от общей борьбы с большевизмом, от общего непонимания и даже предательства Запада.

В далеком 1949 году пишет Владимир Самарин: «Несколько слов о самих «перемещенных лицах». На нашей памяти немало кличек, которые присваивались русским антибольшевикам: и «враги народа», и «изменники», и «предатели», и «кулаки», и «подкулачники», и много других. Вот мы очутились в Европе. Казалось, хоть кличкам-то пришел конец. Нет! Появились «остарбайтеры». Сколько русских антибольшевиков носило эту кличку! Вот мы — в демократическом мире. Кажется, можно открыто сказать, кто мы: мы враги большевизма, мы политические эмигранты! Но нам опять присваивают новую кличку, приклеивают новый ярлык. Мы, оказывается, «перемещенные лица» — это такие лица, которые прежде всего не должны «заниматься политикой», должны забыть о ней, т. е. забыть о том, из-за чего, собственно, и «переместились», должны забыть о борьбе за свободу своей Родины... Мы ушли от большевизма, но мы чувствуем, что находимся в кольце блокады».

Блокада дипийцев продолжается и сегодня — на радио «Свобода» и на страницах газеты «Правда», коммунистами и демократами, национал-большевиками и интернационал-коммунистами.

На недавнем Конгрессе соотечественников я встречался с дипийцами — Иваном Буркиным и Ириной Бушман, Алексеем Рытиковым и Романом Редлихом, почувствовал, что руководство Конгресса тянется к третьеволновикам, что на «круглых столах» продолжается чуть прикрытая атака на дипийцев.

Вот почему так необходимо и сегодня прорывать «кольцо затянувшейся блокады». Об этом пишет в журнал «Слово» Абдурахман Авторханов: «Почта ваша работает, как во времена Ивана Грозного в его переписке с Курбским, зато история не поспевает за бешеными темпами вашей политики. Воистину «большевистские темпы». Очень благодарен за журнал «Слово» и газету «День»... Самое главное — мы, вторая эмиграция, вернее, ее остатки, старики, высоко ценим вашу инициативу рассказать, наконец, правду и о нас... Широкий взгляд на события и явления — залог тому, что ваш труд о Ди-пи будет важным вкладом в освещение истории этих жертв сталинщины за рубежом».

«Архипелаг Ди-пи» — последняя великая тайна второй мировой войны, умалчиваемая и доныне Западом и Востоком, скрываемая и ЦРУ, и КГБ.

Читайте их пронзительные, гневные искренние статьи, книги, очерки, исследования, прорывайтесь к правде, знайте, как это было, наслаждайтесь красотой слова и мысли — вторая эмиграция исполнила свой долг перед Богом и своим народом.

Г. АНДРЕЕВ

Помилуй Бог, мы — русские

Недавно известный писатель Томас Манн, несмотря на свое американское подданство занимающий в немецкой литературе примерно такое же ведущее место, какое в литературе Советской России в свое время занимал Максим Горький, заявил во Франкфурте, что происходящее в СССР, большевизм, есть русское явление, и в некоем смысле даже прогрессивное. Это убеждение могло возникнуть у Томаса Манна из-за незнания подлинной России, из-за невозможности для него проникнуть в тайное тайных ее бытия, как и из-за бесперспективного, в духовном смысле, положения Запада. Но как же это убеждение, не только Томаса Манна, но и многих других людей запада, далеко от действительности!

Ходячим мнением на Западе о России продолжает оставаться примерно такое мнение: русские — беспокойный и вечно чего-то ищущий народ, привыкший к жестокости, к низкому, едва ли не полудикому уровню жизни. Они — догматики, увлеченные какой-либо идеей, они преследуют ее с непреклонным фанатизмом, несмотря ни на какие жертвы и трудности. Все это находит отражение в большевизме — «чисто русском явлении». А в стремлении большевизма-коммунизма к мировому господству отражена идея «русского мессианизма».

К сожалению, и некоторые русские зарубежные люди, давно оторвавшиеся от России, иногда высказывают такие же мысли. А они нуждаются в больших коррективах.

Основной движущей силой русского духовного развития испокон веков было стремление к правде-истине и к правде-справедливости. Справедливость, правда — вот верховный закон русского человека любого социального положения, и только этот закон в конечном счете имеет для него значение и оправдывает его существование. Он остается действительным для всех времен: в каждом протекшем и ныне протекающем явлении в России (в том числе и связанном с большевизмом, но не в нем самом) можно обнаружить прямое действие этого закона.

В прошлом его влияние парализовало или смягчало многие отрицательные явления нашей жизни. История России, как и история любой другой страны, знает отдельные периоды разлития жестокости, знает отдельных носителей такой жестокости, но эти периоды и люди неизменно сменялись другими, более гуманными, отвечающими духу вечной России. Непреклонный догматизм смягчился терпимостью, одно дополняло другое — результатом являлся тот «русский дух», который привлекал к России любовь многих иностранцев и обусловил поразительные для внешнего мира явления.

Так, Россия в прошлом не занималась «грабежом колониальных народов» или оккупированных ею стран. Она не ставила побежденных на колени, а присоединенным народам не навязывала свой уклад, тем более — огнем и мечом, — между тем «русский дух» само собой появлялся почти в каждом народе, попавшем под влияние и власть России. Большинство иностранцев, долгое время проведших у нас, неизменно проникались любовью к России и ее народам.

Идея «русского мессианства» никогда не была воинствующей идеей — стремление к подчинению себе мира, в особенности путем насилия, было ей чуждо. Его нельзя найти даже в идее «Третьего Рима». «Третий Рим» можно толковать только как утверждение духовного превосходства, а не желания навязать миру свою материальную власть. Идее «русского мессианизма» дух насилия был органически чужд, она никогда не соприкасалась с духом «огня и меча» — она жаждала духовного совершенства и через него желала стать путеводительницей мира. В этом и заключается секрет духовного обаяния России: духу ее народа чужд дух насилия, догматом народов России есть догмат «Не в силе Бог, а в правде» — ему служил, служит и будет служить русский человек.

Мы не говорим, что мы не способны к насилию. Жизнь человека, общества, государства часто вынуждает к насилию. Но мы никогда не возводим его в идеал. У русского есть правило: «лежачего не бьют», и римское торжествующе-злобное «Добей его!» противно нашему духу.

Совместимо ли хоть в какой-либо мере все это с большевизмом? Терпимость и большевизм, призыв к духовному совершенствованию и большевизм, прощение, великодушие, отсутствие духа насилия и большевизм — разве это не категорически исключающие друг друга понятия? В большевизме, взятом в «чистом виде», невозможно найти ни одного положительного явления, отвечающего «русскости», зато отрицательных — сколько угодно. Потому что дух большевизма есть дух насилия, непрерывной вражды, ненависти, заквашенной на идеях Маркса: он главным образом опирается на низменные, разрушительные инстинкты людей — даже когда обращается к высокому чувству, например, к патриотизму (вспомним недавнее эренбурговское исступленное «убей немца!»). Большевизм есть воплощение ненависти.

Наше несчастие, как и несчастие всего мира, заключается в том, что три десятилетия тому назад власть в России захватила экстремистская группа людей, пропитанных чуждым России духом марксизма. Столкнувшись с противодействием людей и жизни, группа эта вынуждена была многое в марксизме переиначить якобы «на русский лад», но она никогда не отказывалась и не откажется от альфы и омеги марксизма, заключенной в «Коммунистическом манифесте»: от насильственной «переделки» общества на свой лад, от жестокого, не рассуждающего насилия, — а поэтому она никогда не сделается «русским явлением».

В том, что власть могла захватить небольшая группа людей, нет ничего необычного. Легенда о том, что «каждый народ достоин своего правительства», давно подлежит коренному пересмотру. Она — следствие многих ошибочных взглядов XIX столетия. История XX века доказала нам уже неоднократно, что в условиях общей утраты человечеством устойчивых взглядов массы становятся игрушкой непонятных им сил бесконечно усложнившейся жизни — благодаря этому едва ли ни каждый народ в трудные минуты может быть оседлан и узурпирован кучкой демагогов, опирающихся нередко на лучшие качества людей, но использующих их для своих преступных целей.

Так произошло и в России. Конечно, большевизм использует, в разное время и по-разному, разные чувства людей — в том числе патриотизм, «мессианизм», жажду справедливости и т. д., но все это лишь используется большевизмом для своих целей, а не воплощается в жизнь, тем более так, как требовалось бы «русским духом».

Отделение вот этого использования русского от подлинного, остающегося как бы неприкосновенным, «русского духа» — часто очень трудная операция. Большевизм всегда настойчиво стремится переплести себя с «русским духом», создать иллюзию «единства партии с народом», чем многих вводит в заблуждение.

Для нас отделение чужого от своего менее трудно: чужое мы видим иногда простым глазом, иногда угадываем инстинктивно, «шестым чувством». Последнее всегда является нашим безошибочным критерием.

Благодаря ему мы твердо знаем: нет, мы никогда не были и не будем большевиками. Мы видим вопиющее зло большевизма и то, что оно осуществляется русскими, — как и любыми другими, — руками; знаем, что большевизм имеет отдельных зараженных им и русских людей. Но мы знаем также, как осуществляется зло большевизма; знаем и то, что подавляющая масса нашего народа по-прежнему чужда большевизму и непримирима к нему, духовной добычей большевизма она никогда не будет. Следовательно, правда на нашей стороне, а где правда, там и сила.

Мы — здоровый и сильный народ, со здоровой и молодой душой. В ней, как и прежде, неискоренимо живет жажда справедливости, свободы, мира. Эта жажда — залог того, что зло большевизма будет нами уничтожено. Оно не может не быть уничтожено, ибо:

— Помилуй Бог, мы — русские!..

●

Еженедельник «Посев» 14 августа 1949 г., Франкфурт.

Народ сбит с толку...

В конце мая прошлого года, еще будучи генеральным секретарем ЦК КПСС, М. С. Горбачев посетил Казахстан. Поездка была настолько удачной, что он сказал: «Я согрелся в Казахстане». Горбачева сопровождал первый секретарь Компартии Казахстана Назарбаев. В одном из выступлений он сказал, что 30% земли в частных руках дают 31% продукции земледелия. Назарбаев при этом не сказал ничего нового. Это соотношение уверенно гуляет в средствах массовой информации и стало основой демократических реформ в земледелии. Назарбаев только поднял планку рекорда (до него он был 28%). Однако последнее достижение принадлежит программе «Время», которая 12 августа сообщила, что частные огороды и фермеры дают 50% продукции земли.

Я живу в деревне, у меня есть корова, двухгодовалая телка, бычок, четверо поросят, около сотни кур и уток, две собаки и три кошки. В моем распоряжении действительно есть приусадебный участок в 50 соток. И если одно сопоставить с другим, то действительно можно получить соотношение, близкое к тому, что гуляет в печати. Но только идиоту или асфальтовому мыслителю может прийти в голову, что 50 соток могут прокормить меня и эту скотину. Давайте сосчитаем землю, которая нас кормит.

Во-первых, мои пресловутые 50 соток. Во-вторых, мы получаем в колхозе зерно. В последний раз мы с женой получили 2 тонны, в прошлом году — около четырех. При средней урожайности в стране — это продукт одного-двух гектаров, это в два-четыре раза больше моих соток. Механизаторы и животноводы получают еще больше. В-третьих, мои корова и телка все лето пасутся, на каждую голову приходится примерно по 2 гектара пастбищ, у бычка также есть лужок. Итого около 4 га, что больше моих соток в 8 раз. В-четвертых, нам выделили в этом году два участка сенокосов площадью около гектара, но можно было бы взять и больше, если бы были время и силы. В-пятых, в прошлую зиму к нам в деревню в магазин шесть раз привозили комбикорма — 20 тонн, они родятся на десяти гектарах. В-шестых, несмотря на закон, люди скармливают скотине печеный хлеб. Я был свидетелем, как брали по 20 буханок. У нас в деревне по стольку не дают, но по 2—3 кг в день все равно расходуют, что составит за год около тонны. Это продукт половины гектара пашни, не считая затрат по выпечке и многих других. В-седьмых, также вопреки законам корма просто берутся на колхозных фермах, это также многие гектары. В-восьмых, можно и не воровать, во многих колхозах корма выписываются по так называемой себестоимости, то есть по цене в 2—5 раз ниже рыночной. В-девятых, 50 соток мы имеем официально, а на самом деле у многих еще по стольку же. В-десятых ... и т. д. Словом, моя скотина кормится с земли, превышающей мои сотки в десять с лишним раз. Конечно, не все указанные источники используются одновременно. Одним хватает зерна, полученного в колхозе, иные больше берут без спроса, третьи больше заготавливают сами и т. д. Ученые, которых правительство кормит за наш счет, могли бы это исследовать, только им это не надо, и академик Заславская, например, своим молчанием подтверждает, что 3% земли в частных руках дают 31% продукции, ей теперь не надо, как раньше, доказывать теоретически разорение деревни.

Когда-то души коммунистических генсеков согревали рапорты о досрочном строительстве заводов, фабрик, электростанций, рапорты о достижениях науки и освоении космоса. Они свидетельствовали о неисчерпаемых возможностях социализма. Душу бывшего демократического генсека согревают рапорты о том, что 3% земли в частных руках дают 31% продукции всей страны. Это должно свидетельствовать о гигантских возможностях частной собственности. Когда-то социалистические стахановцы выполняли по десять норм в смену, а теперь Назарбаев докладывает о рыночных стахановцах, способных из ничего, одной только частной собственностью в десять раз увеличить плодородие почвы.

Раньше надо было заверять партию в верности ее идеалам, иначе было не сносить головы. Теперь надо публично клясться в верности идеалам демократии, иначе затравят. Поэтому я заверяю, что не являюсь убежденным сторонником колхозного строя. Но это отдельная огромная тема, далеко выходящая за пределы разговора о том, как согреть демократическую душу. А согреть ее можно не только таким грубым вымыслом, как соотношение 3% — 31%, статистикой это можно сделать вернее. Например, самая массовая и демократическая газета «Аргументы и факты» в № 7 за 1990 г. сравнила обеспеченность жильем, а также некоторыми промышленными товарами город и деревню, и получилось, что пропасти между ними нет! Посудите сами:

Обеспеченность жильем	город	колхоз
Все семьи, %	100	100
из них с размером жилой площади на члена семьи %		
— до 5 кв. м.	10,6	6,8
— 5,1—7,0	18,2	11,7
— 7,1—9,0	20,4	16,4
— 9,1—11,0	21,3	15,5
— 11,1—13,0	8,9	12,6
— 13,1—15,0	8,7	10,4
— 15,1 — и выше	11,9	26,6

Как видно, жилье в деревне во много раз лучше, чем в городе, 26,6% колхозников имеют более чем по 15 кв. м на человека против 11,9% в городе. «Аргументы», однако, умалчивают о том, что за жилье они сравнивают. Если это то, что можно видеть в деревне,

то под жильем они подразумевают обычную деревенскую избу 5×5 времен Александра Невского, в которой живет одна старушка и половина которой занимает русская печь. Таким образом статистика выдает пропасть между городом и деревней за преимущества колхоза.

Вот, например, у меня небольшой современный дом: три комнаты и кухня общей площадью 60 кв. м. Площадь комнат 35 кв. м. Моя семья — шесть человек, я находился в верху этой таблички. В этом году третий парень закончил школу и уходит из дома, и недалеко то время, когда дочка окончит школу и мы с женой останемся одни и займем в табличке самую престижную строчку. Вот так статистика в одной строчке приравнивает городское благополучие к разорению деревни.

Кроме того, деревенские дома по своему назначению отличаются от городских. Это не только жилье. У нас в деревне, например, до сих пор освобождается в доме комната для теленка, если он появится зимой. И многое другое.

Табличка рассказывает далее, что в деревне в 1,5 раза меньше магнитофонов, но умалчивает, что в деревенском доме в 100 раз меньше книг. Табличка говорит, что в деревне лишь на 10% меньше холодильников, но умалчивает, что в деревне в 1000 раз меньше телефонов. А телефон для фермера — предмет первой необходимости. Фермерское земледелие без связи — очередное очковтирательство. В табличке говорится, что в городе и в деревне примерно одинаковое количество стиральных машин, но умалчивается, что в деревне дети получают такое образование, что они поступают в институты, как Чапаев: кал сдал, мочу сдал, на математике срезался. Также и медицинское обслуживание. В табличке указывается, что в городе немного больше машин, зато в деревне больше мотоциклов, но умалчивается о самом главном: а какова же в деревне продолжительность рабочего дня по сравнению с городом? Л. Тимофеев в статье «Крестьянское искусство голодать» («Октябрь», № 7, 1990) приводит сведения, что «в колхозах Нечерноземья затраты времени в артельном производстве составляют 2600 часов в год, а колхозницы 2380». Но деревенский житель зарплату получает в двух местах: в колхозе и в своем хозяйстве. Работу в своем хозяйстве Тимофеев оценивает в 1000 часов, и я подтверждаю это. Таким образом, рабочий день в деревне в два раза больше городского. А это несомненная пропасть. Причем по Кодексу законов о труде такое сверхурочное время должно оплачиваться вдвойне, и, стало быть, общая зарплата в деревне должна быть в три раза больше, чем в городе. Но деревня живет по Уставу сельхозартели, а не по КЗоТу, и зарплата в деревне меньше, чем в городе.

Общепризнано, что деревня отдает городу больше, чем от него получает. Этот грабеж по-научному называется неэквивалентным обменом. Но экономисты не называют самого этого соотношения. Я оцениваю его как 3:1. То есть между городом и деревней остается пропасть. Пусть академик Заславская уточнит в «Аргументах» это соотношение.

Наша деревня проигрывает не только сравнение с городом, мы обеспечены газом в десять раз хуже, чем литовская деревня. Однако это запрещенная для «Аргументов» статистика, это антидемократические сведения. То же можно сказать и о дорогах.

Недавно вся демократическая Москва в едином порыве вышла на Манежную площадь с требованиями: «Хотим жить, как на Западе!» А нам предстоит им эту жизнь обеспечить чрезмерным рабочим днем и обменом продуктами в соотношении 3:1.

Гласность добавила путаницы в отношениях между городом и деревней. Я как-то принес в журнал «Новый мир» статью, ее читать не стали, вежливо предложили не терять напрасно времени и посоветовали прежде научиться писать, как Селюнин. «Новый мир» как раз напечатал его статью, и мне запомнились его слова о том, что в конце двадцатых и начале тридцатых годов «крестьян заставили даром кормить страну». Это распространенное утверждение эпохи гласности. Однако, что такое «страна», которую крестьян заставили «даром кормить»? Ведь страна — это леса, поля, болота, горы, реки, озера и моря. Видимо, крестьянам пришлось «даром кормить» не самое страну, а народ?

Ну, хорошо! Крестьян вынудили «даром кормить» народ. Но ведь в те времена 80% народа и были сами крестьяне. Выходит, их вынудили «даром кормить» самих себя? Или, быть может, их вынудили «даром кормить» не весь народ, а только город?

Хорошо! Крестьян «вынудили даром кормить» город. Но ведь большинство городского населения — рабочие, которые сами себя кормят. Так кого же все-таки крестьянам пришлось «даром кормить»? Видимо, правительство, армию, милицию, суды — словом, государство и его аппарат, а также обеспечить развитие производства страны. Да, деревня вместе с рабочими действительно даром кормит государственный аппарат и будет кормить его до тех пор, пока существует государство. Государственный аппарат можно свергнуть или переизбрать, чтобы он лучше служил народу, но содержать его в любом случае надо «даром». И развивать производство можно только за счет народа. Выходит, такое распространенное и очевидное, на первый взгляд, утверждение, как «крестьянам пришлось даром кормить страну», на проверку оказывается наживкой на экономическом крючке публициста. Читатель его заглатывает, и экономист ведет его за собой и может убедить в том, что сейчас самое главное вернуться к мелкому крестьянскому хозяйству, к товарному производству времен царя Гороха и «потерять идеологическую девственность». И невольно возникает вопрос: а не даром ли мы кормим армию алчных экономистов, злобных пблицистов, безответственных ученых и прочих болтунов и высокооплачиваемых бездельников?

Селюнину удается выразить раздражение угнетенного народа, но он не может объяснить то, что было непонятно крестьянам тогда и непонятно вместе с рабочими сейчас: какая часть продуктов их труда принадлежит им самим и какую часть они отдают в распоряжение государства и на какие цели.

* * *

На этих трех примерах видно, какими изощренными приемами пользуются владельцы гласности, чтобы оболванить народ, навязать частную собственность и отдать его во власть капитала (рынка). Средства массовой информации обрушили на головы людей нескончаемый поток таких двусмысленных, неопределенных и путаных понятий. Их десятки и сотни. Народ сбит с толку. Он не понимает, что происходит, что пишут и говорят новые лидеры. Людям нужен переводчик, чтобы перевести на понятный язык эту экономическую тарабарщину. Но реформаторам именно этого и надо: посеять панику, сумятицу, неразбериху и под этот шумок сооружать рыночные насосы для «перекачки средств из деревни в город» для первоначального накопления гигантских капиталов. Кроме того, деревню вынуждают поднять на своих плечах еще и свободных землевладельцев — фермеров.

Шахтеры выступили отдельно от остального рабочего класса и добились льгот. За чей счет они будут оплачены — секрет гласности. Теперь поднимаются нефтяники Западной Сибири. Им также обещаны льготы. Все это совмещается с требованием: «Долой привелегии!» В этой очереди деревня как всегда остается последней. Ей, возможно, не хватит именно того угля, который шахтеры продадут за тряпки за границу.

Колхозников давно принято изображать придурками навроде деда Щукаря, людьми недалекими, беспомощными и неспособными «накормить страну». Колхозы травят, шельмуют и душат ценами. Ни одна из новых партий не хочет защитить интересы колхозного крестьянства. О такой цели говорила компартия, но она не смогла защитить даже самое себя. В деревне опять наступают тревожные времена.

О. ГУСАРЕВИЧ

ОРЛОВСКАЯ ОБЛ., с. ТРОИЦКОЕ

●

БЛАГОВЕСТ

Диалоги Письма Воспоминания

1992 год — ГОД СЕРГИЯ. Год памяти великого подвижника, духовного наставника, игумена-хранителя Русской Земли. Наш журнал продолжает публиковать материалы, посвященные преподобному Сергию Радонежскому (см. «Слово», 1991, № 8). В этом номере читайте воспоминания очевидца о кощунственном вскрытии мощей преподобного Сергия в 1919 году.

Дорогие братья и сестры!

В наступившем 1992 году мы продолжим публикации на религиозно-нравственные и церковно-исторические темы. Материалы, посвященные основам православной веры и богослужения, таинствам и обрядам нашей Церкви, — все то, что во многом определяло содержание «Закона Божьего», сегодня, славе Богу, доступно большинству людей благодаря активной деятельности церковных и светских издательств, выпускающих достаточное количество книг и брошюр на данную тематику. Поэтому мы решили несколько изменить структуру и содержание православного раздела, уделив все же часть его для материалов, обращенных к людям неверующим, сомневающимся или стоящим у порога церковной жизни.

В древней Церкви существовал институт «оглашенных». Люди, уверовавшие во Христа и готовящиеся принять святое крещение, «оглашались» — обучались, знакомились с началами вероучения Христовой Церкви. Рубрика, обращенная преимущественно к тем, кто уже по велению сердце потянулся ко Христу, а также ко всем нашим соотечественникам, находящимся вне церковной ограды, будет называться «Оглашение». Достойное место в рубрике «Оглашение» займет публикация рукописной книги о. Валентина Свенцицкого, которую мы предполагаем продолжить в текущем году.

Под рубрикой «Россия у Креста» вашему вниманию будут предложены материалы, посвященные судьбам Руской Православной Церкви в послереволюционные годы. Пришло время поставить свечу на подсвечник, с тем чтобы она осветила подвиг мучеников и исповедников российских. Жизнь Церкви и в Церкви не умерла, она не была раздавлена пятой безбожников, а воистину явилась «не в бревнах, а в ребрах». Когда были разорены и разрушены храмы, огонь веры горел в сердцах людей, и свет ее озарял сумерки бытия.

Время собирать камни... Наступило время собирать свидетельства о живой жизни во Христе, о жизнях, прожитых здесь, в России, для Бога и людей в годы жесточайших гонений на Церковь. Гонители отступили. Церковь выстояла. На страницах нашего журнала, многих других изданий — современное церковное Предание, сохранившее для нас и наших потомков бесценные свидетельства святости, любви, мужества и стойкости верных чад Русской Православной Церкви, всех, кто не поклонился ваалу безбожия, пронес и сохранил на ветру трепетную свечу веры и верности.

Благовест — церковный звон, представляющий собой мерные удары в один колокол. Благовест созывает православных в храм, он — «благая весть» о начале богослужения. Когда мы слышим благовест, то, наверное, во многих из нас он пробуждает самые лучшие чувства, затрагивает сокровенные струны души.

И название главной книги христиан — Евангелия — также переводится как «благая, радостная весть».

Просим ваших молитв, дорогие друзья, на труды наступившего года. Пусть страницы «Благовеста» будут созвучны духу и букве Евангелия, подобны радостному звону, созывающему нас на молитву.

Протоиерей
ВАЛЕНТИН СВЕНЦИЦКИЙ

Об искуплении

НЕИЗВЕСТНЫЙ. На этот раз я не собираюсь задавать тебе вопросов. В предыдущих разговорах я доказывал истинность своего неверия и хотел узнать, что стоит у тебя за твоей верой. Но искупление? Ведь это значит учение о Троице, о воплощении Сына Божьего, о Божией Матери, о Голгофе, о Воскресении... О чем тут спрашивать? Все это мне кажется до такой степени нелепым, такой явной «мифологией», что просто не о чем разговаривать. Все равно как если бы речь шла о рождении Венеры или о каком-нибудь прикованном Прометее. «Сомнения» могут быть в отношении чего-то такого, в чем есть хоть самая ничтожная доля вероятности. Но когда говорится о заведомо нелепом вздоре, какие тут могут быть сомнения и вопросы.

ДУХОВНИК. Почему же ты хочешь меня слушать?

НЕИЗВЕСТНЫЙ. Я должен признать, что ты заставил меня по-новому относиться к возможности веры. И если, как ты сказал в нашем разговоре о Боге, учение об искуплении необходимое завершение всего, что ты говорил о грехе, страдании и смерти — как же мне не поинтересоваться, что ты скажешь об этом. Если хочешь, просто умственное любопытство.

ДУХОВНИК. Прекрасно. Твое любопытство не праздное. За ним стоит инстинктивное стремление к познанию Истины.

НЕИЗВЕСТНЫЙ. Ты все истолковываешь в свою пользу. Но могу тебя уверить, что я даже представить себе не могу, чтобы я когда-нибудь считал истиной то, о чем ты хочешь говорить со мной.

ДУХОВНИК. Я сказал — инстинктивное стремление к Истине, а не сознательное стремление.

НЕИЗВЕСТНЫЙ. Ну, о том, что вне моего сознания, я пока еще говорить не научился. Итак, я слушаю.

ДУХОВНИК. Сейчас мы будем говорить с тобой о величайших тайнах, которые открыл человеку Бог, и о событиях, которые совершались в здешнем мире, но по законам совершенно иного, невещественного бытия, и потому должны быть приняты верой. Под этим мы разумеем не простое доверие к чужим словам, признание чего-либо действительно существующим без всяких доказательств, «на слово», а то высшее познание, более совершенное, чем познание только одним умом, то всеобъемлющее чувствование Истины, которое делает эти непостижимые для разума Тайны самыми непреложными и самыми несомненными истинами, какими не могли бы сделать их никакие логические доказательства. Тебе случалось, конечно, не раз переживать нечто подобное в окружающей тебя жизни. Вот ты слушаешь почти незнакомого тебе человека. Все, что говорит он, вполне вероятно. Но ты безотчетно, и не умом, а всем существом своим чувствуешь, что он лжет. И наоборот, ты слушаешь другого, также почти не известного тебе, и то же непосредственное чувство заставляет тебя верить каждому его слову. И когда у тебя является такое чувство доверия, совершенно ненужными кажутся «доказательства» правдивости одного и лживости другого. К чему доказательства, когда ты веришь? Все самые убедительные доказательства могут дать меньше, чем та уверенность, которая у тебя есть. Нечто подобное, но гораздо более совершенное и всеобъемлющее нужно сказать и о вере и о религиозном смысле. Вот ты сказал: говорить об Искуплении — значит говорить о Троице, о Боговоплощении, о Божией Матери, Голгофе, Воскресении... Да, это так. Но какие здесь «доказательства»? Бог открывает человеку то, что выше всякого разумения, а мы будем требовать от ничтожного человеческого разума, чтоб он «доказал» нам истинность того, что открыл человеку о Себе Бог.

Нет, будем лучше с благоговением и страхом внимать Божественному откровению.

НЕИЗВЕСТНЫЙ. Ты, кажется, забываешь, что говоришь с неверующим человеком.

ДУХОВНИК. Нет, помню прекрасно. Но я помню и то, что я говорю с человеком, не потерявшим способность чувствовать истину, т. е. поверить ей, когда он ее увидит.

НЕИЗВЕСТНЫЙ. Я спрошу тебя, как Пилат, что есть Истина? И думаю, что вопрос мой так же останется без ответа.

ДУХОВНИК. Вопрос Пилата был оставлен без ответа потому, что перед ним была та Истина, о которой он спрашивал. И если он не хотел ее видеть, всякий ответ, т. е. доказательство ее, был излишним. И твой вопрос будет оставлен без ответа в этом же смысле. Я тебе свидетельствую об Истине. И если ты спросишь, где она, докажи мне ее, — этот твой вопрос, несомненно, останется без ответа.

НЕИЗВЕСТНЫЙ. Хорошо. Я согласен. Не доказывай, а показывай свою истину. В конце концов, не все ли равно, каким путем я ее узнаю.

ДУХОВНИК. То, что мы знаем о Боге, человек сам не мог бы узнать никогда. И в то же время знание это совершенно необходимо для того, чтобы человек мог жить в Боге, сознательно идти дорогой богосовершенства. Человеческое сознание могло бы прийти к мысли о бытии Божием. Но о сущности Божества он сам ничего не мог узнать ни из окружающей жизни, ни из смутных очертаний своего богоподобного образа. Он в этом получил бы лишь основание для более или менее близких к истине фантастических грез. Таковы все религии, кроме христианства, где естественное откровение, данное в самом существе человеческой души и в окружающей природе, смешивается с поэтической и философской фантазией. Только Сам Бог мог сказать о Себе людям: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога. Все чрез Него нáчало быть, и без Него ничто не нáчало быть, что нáчало быть» (Ин. 1,1-3).

Только Бог мог сказать людям: «Когда же приидет Утешитель, Которого Я пошлю вам от Отца, Духа истины, Который от Отца исходит, Он будет свидетельствовать о Мне» (Ин. 15, 26).

В этих словах Божественного откровения утверждается основной догмат Православия о Боге Троичном в лицах и Едином по Существу.

Это откровение о тайне Пресвятой Троицы утверждено событием при крещении Спасителя, когда три Ипостаси явлены были в формах бытия земного.

«Когда крестился весь народ, и Иисус, крестившись, молился: отверзлось небо, и Дух Святый нисшел на Него в телесном виде, как голубь, и был глас с небес, глаголющий: «Ты Сын мой Возлюбленный; в Тебе Мое благоволение!» (Лк. 3, 21—22).

НЕИЗВЕСТНЫЙ. Нет, не могу. Пока ты еще философствуешь, т. е. пересказываешь то, чему учит вера, в отвлеченных философских формулировках — я так или иначе могу тебя слушать. Но когда ты начинаешь совершенно серьезно приводить мне легенды и мифы в подтверждение твоих «истин», я теряю эту способность. Мало тебе «искушать» мой ум нелепым утверждением, что три равно единице, ты говоришь еще о «разверзающихся небесах», голосах с неба, превращениях одного из богов в голубя, о «Сыне» Бога Отца, который стоит при этом и крестится в воде. И все это говорит образованный человек, не сошедший с ума, в двадцатом веке, в период блестящего расцвета научного знания. Ничего не понимаю.

ДУХОВНИК. Успокойся. О «блестящем расцвете научного знания» мы говорили достаточно. Можно бы к этому не возвращаться. Ведь Лайель, Пастер, Пирогов, Томсон, Фламмарион, Вирхов, Лодж и множество других ученых немало потрудились над этим расцветом. И это не мешало им в девятнадцатом и двадцатом веке верить в то, о чем я сейчас говорю с тобой. Брось говорить пустые фразы легкомысленного и недобросовестного безбожия. Пусть ничто не мешает тебе исследовать Истину. Вернемся к этому исследованию. Из указанного мною события и из приведенных слов Божественного откровения мы узнаем нечто о внутреннем бытии Божием. Конечно, как оно и должно быть, многое здесь не может вместить человеческий разум, подобно тому, как не может вместить бесконечности во времени и пространстве, бытия без материальной основы: беспричинности в понятии свободы воли. Но, не постигая, может сознавать истинность и несомненность этого непостижимого.

Что же открыто нам о Боге?

Бог есть то, что было всегда. Это то, что выводит нас из бесконечного ряда вечно меняющихся явлений, из бессмысленности ни для чего не нужного круговращения. Бог дает начало вселенной во времени, будучи Сам безначален. Мы находим покой в абсолютности и безграничности Его свойств, потому что они вмещают в себя все вечное, все превышающее человеческое разумение. Но Бог за пределами изменчивого бытия, имеющего начало, — не есть слепая безличная сила или нечто отвлеченное, пустая безжизненная абстракция. Мы знаем из откровения нечто о Его Предвечной жизни. Бог един, не сложен по Своему составу, абсолютно прост. Но это единое по существу абсолютное Начало, все создавшее и силой Своей все содержащее, имеет три Лица, три Ипостаси, не раздробляющие и не разъединяющие Его существа. И потому Единый Бог по трем Лицам Своим — Пресвятая, Единосущная и Нераздельная Троица.

НЕИЗВЕСТНЫЙ. Я не понимаю, ведь три лица, что бы мы под ними ни разумели, — во всяком случае какая-то сложность.

ДУХОВНИК. Нет. Ипостаси — это лица Божии, никакой сложности по существу собой не выражающие. Указывают Святые Отцы некоторое подобие в окружающем нас видимом мире для уразумения этой великой тайны. Солнце имеет три образа своего бытия — вещество, его составляющее, свет, который в его лучах, и тепло, которым оно согревает землю. Все это единое солнце, но три его как бы «лица», единое существо выражающие: вещество, свет и тепло. Ты недоумеваешь, как лицо «три» может не быть сложным и равняться единице? Но число только в применении к явлениям материального мира имеет те количественные свойства, которые делают для тебя несообразным понятие сложной Троицы, равной единице. Ведь твоя единая личность лишь условно, применительно к земным свойствам чисел определяется как троичная по своему составу, состоящая из ума, чувства и воли. Но на самом деле и личность твоя «едина по существу», неделима и неразложима на те три образа, которые не разделяют существа ее на три.

НЕИЗВЕСТНЫЙ. В моей личности эти три начала имеют различные функции, но не имеют отдельного друг от друга бытия, той самостоятельной жизни, которую вы допускаете в отдельных лицах Троицы.

ДУХОВНИК. Взаимоотношения ума, чувства и воли человека так же имеют подобие отдельности друг от друга в выражении себя, как и Ипостаси Божии. Ум действует в своей сфере, чувство — в своей, но они составляют единое существо, единую личность, ощущаемую нами как единое, неделимое «я». Но личность человека создана во времени, потому ум, воля и чувство человеческой личности являются лишь относительным подобием, а не полным соответствием Трипостасного состава Божества. И я говорю тебе о твоей собственной личности не для того, чтобы ты мыслил Божество как личность человеческую, а для того, чтобы увидел подобие, не упорствовал в своем отрицании величайшей Истины только потому, что при аналогии с миром вещественным она кажется тебе нелепой.

НЕИЗВЕСТНЫЙ. Я именно так тебя и понял.

ДУХОВНИК. Прекрасно. Так открой свое сердце, не преграждая ему путь к верованию этой Истине. Без сопротивления ума выслушай о том, что знаем мы из Божественного Откровения.

НЕИЗВЕСТНЫЙ. Да. Я постараюсь слушать тебя именно так. Я почему-то чувствую за видимой нелепостью твоих слов нечто другое. Я не могу сказать истинное, но во всяком случае большее, чем думалось мне раньше.

ДУХОВНИК. Ты смутно чувствуешь то, что совершенно ясно для людей веры, особенно для святых угодников Божиих. Это чувство заставило св. Григория Богослова воскликнуть: «Троица, которой неясные тени приводят меня в восторг».

Но будем углубляться дальше в познание истины. Что нам открыто в Божественном откровении о существе Божием? «Бог есть любовь...» (1 Ин. 4, 16). Или, как говорит св. Григорий Богослов: «Если бы у вас кто спросил, что мы чествуем и чему поклоняемся? Ответ готов — мы чтим любовь». Что знаем мы о любви? Мы знаем о ее действии и в этом действии, хотя и не постигаем, но с трепетом чувствуем самую ее Сущность. Для нас любовь, где бы и как бы она в мире ни действовала, это всегда есть сила Божия, нас с существом Божиим соединяющая. Это так удивительно выражено св. Василием Великим в его «Шестодневе»: «Целый мир, состоящий из разнородных частей, Бог связал каким-то неразрывным союзом любви в единое общение, в единую гармонию, так что часто вещи по положению своему весьма отдаленные одна от другой кажутся соединенными посредством симпатии».

Разве все это не открывает и Существа Божия? Разве свойства Божии не относятся к этому существу? Разве не Бог-Любовь Всемогущ, непостижим, невидим, благ, правосуден? Разве не объясняет нам это Существо Божие и создание, и бытие, и единство вселенной?

НЕИЗВЕСТНЫЙ. Значит, любовь и есть личность Божия? Я не понимаю этого.

ДУХОВНИК. Когда мы говорим «личность», мы разумеем все содержание данного существа — все его свойства, силы, состояния, все, что в нем содержится и чем оно проявляет себя вовне. Бог есть любовь. Что разумеем мы под этим словом? На языке философском это можно было бы объяснить так: мы знаем о вещественном мире лишь то, что познаем через наши восприятия. Что такое «вещь в себе» — нам неизвестно. То, чем является в мире вещественном «вещь в себе», в Боге есть любовь. Другими словами, любовь — это Бог в себе. Если ты спросишь, что такое Бог по существу? Мы ответим: любовь. Это слово недоступно нашему чувствованию. Если же ты спросишь дальше, что такое любовь по существу, ты также не получишь ответа, как при вопросах о сущности физических явлений. И там ты познаешь лишь проявления той или иной силы, а не самую силу «по существу». Ты изучаешь проявление и действие электричества или притяжения, но что такое по существу электричество или притяжение, остается совершенно непостижимым. Так же и здесь. Мы знаем о любви очень много. Нам открыты ее свойства, ее действия, ее проявления. Но что такое она по существу — вопрос неразрешимый и праздный. Все, что надо знать человеку в пределах земного бытия о Боге, — он знает, зная, что Бог есть любовь и каковы свойства, действия и проявления любви.

Поэтому, если ты хочешь постигнуть тайну Существа Божия, читай в слове Божием то, что говорится там о действии любви в мире: «Любовь долготерпит, милосердствует,

---

«Об искуплении» — из рукописной книги «Диалоги». Первая публикация.

Продолжение. Начало в №№ 10—12/1991.

любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит.

Любовь никогда не перестанет, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут и знание упразднится» (1 Кор. 13, 4—8).

«Более же всего *облекитесь* в любовь, которая есть совокупность совершенства» (Кол. 3, 14).

«В любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх; потому что в страхе есть мучение» (1 Ин. 4, 18).

«Если мы любим друг друга, то Бог в нас пребывает, и любовь Его совершенна есть в нас» (12).

«Кто не любит, тот не познал Бога; потому что Бог есть любовь» (8).

НЕИЗВЕСТНЫЙ. Из всего тобою сказанного о Боге всего доступней моему пониманию то, что ты говоришь сейчас. Но как связать это с триединством? Любовь есть единое начало, а «Лица» Божии раздробляют его в нашем представлении.

ДУХОВНИК. Нисколько. Существо Божие едино. Это существо — Любовь. А ипостаси — это три лица единой сущности. Нам открыто, что Бог Отец был всегда, Бог Сын предвечно рожден от Него, Бог Дух Святой предвечно от Него исходит.

НЕИЗВЕСТНЫЙ. Опять недоумеваю. Бог Отец был всегда. Бог Сын рождается от Отца, Бог Дух Святой от Него исходит. Но ведь понятие «рождения» и «исхождения», что бы они в отношении Бога ни обозначали, во всяком случае, показывают какое-то новое, раньше не бывшее состояние. Значит, раньше всегда был Бог Отец, потом уже Бог Сын и Бог Дух Святой. Но если они начали быть потом, то как же они могут быть едиными по существу?

ДУХОВНИК. Опять ты не можешь отрешиться от своих вещественных представлений и неизбежно связанных с ними понятий о времени и пространстве. То подобие триединства в нашей личности, о котором я говорил тебе, когда мы переходим мыслью к Божеству, должно быть перенесено в вечность. Если бы мы сказали: воля человеческая рождается от ума, а чувства человека исходят от его сознания — разве это значило бы, что во времени и ум был раньше воли, раньше чувства? Взаимоотношение лиц Пресвятой Троицы стоит вне вопроса о сложности Божества по существу во времени. Мы должны сделать внутреннее усилие, отрешиться от конечных представлений, подняться духом до созерцания вечности и там, за пределами временного вещественного бытия, откроется нам — вечно пребывающий Бог, в вечности рожденный от Отца Сын, в вечности исшедший от Отца Святой Дух. Не было момента, когда не было Духа Святого. Нет для них начала во времени. Они были всегда, как и Бог Отец, ибо Они — тот же единый по существу Бог. Всегда Бог был Пресвятой Троицей, и всегда был Бог Отец, рожденный Им Сын и исходящий от Отца Дух Святой.

Публикация М. КОЗЛОВА

Продолжение диалога в следующем номере.

Страницы воспоминаний бывшего студента Московской Духовной Академии С. А. Волкова посвящены трагическим событиям, разыгравшимся в стенах Троице-Сергиевой Лавры весной 1919 года, когда большевики предприняли кощунственное вскрытие раки с мощами Преподобного.

Сегодня, когда мы отмечаем год Преподобного Сергия, предложенное вниманию читателей повествование воспринимается, наверное, не как очередной обличительный антибольшевистский материал, а прежде всего как свидетельство верующего русского человека, осмысляющего происходящее, определяющего место события в отечественной истории.

Вероятно, на автора воспоминаний оказало большое влияние высказанное по этому поводу мнение о. Павла Флоренского, которого ему довелось знать лично. Подчеркивая историческое и мистическое значение прел. Сергия Радонежского, о. Павел говорил о том, что вскрытие мощей «уничтожит само себя», навлечет позор на его организаторов и прославит самого Преподобного, который через более чем пятьсот лет после своей кончины станет еще и мучеником.

В справедливости этой оценки, на наш взгляд, усомниться невозможно.

Преподобный великомученик

Воспоминания о кощунственном вскрытии мощей преподобного Сергия Радонежского в 1919 году

В Сергиевской газете «Трудовая неделя» с начала 1919 года стали появляться статьи о Лавре, об Академии, о монахах, о возможности вскрытия мощей. В журнале «Революция и церковь», органе Наркомюста, появлялись сообщения о вскрытии мощей в других городах. В Лавре, в Трапезной церкви, состоялось собрание верующих, заполнивших до отказа большое помещение (стояли даже на широких подоконниках!). На нем присутствовали Наместник Лавры архимандрит Кронид с братией, представители от академического духовенства и от духовенства посадских церквей. Отец Наместник сказал краткую и очень сильную речь. «Не монахов, а священное место, на котором отпечатались стопы Отца нашего преподобного Сергия, призываю вас защитить и оградить. Благодарю вас за ваш отклик, за то, что вы охотно пришли сюда, от имени братии монастыря, и нынешней, и всех прошлых времен». После этих слов о. Наместник земно поклонился народу, который ответил тем же, и потом все запели тропарь Преподобному. 〈...〉

Вскоре после этого в храмах Лавры, в академическом храме, тогда еще не выселением из своего помещения (дело было в середине или в начале Великого поста), а также во всех приходских церквах Посада начали собирать подписи под прошением не вскрывать мощей преподобного Сергия, адресованным Совету Народных Комиссаров. Члены церковных советов и активные прихожане ходили с копиями прошения и листами для подписей по домам, чтобы верующие, которые по состоянию своего здоровья не могут посещать церкви, могли бы присоединить свои подписи. Эти листы потом подклеивались к основному экземпляру прошения. Получился огромный свиток. Кажется, такие

С. А. Волков. Из воспоминаний. Московская Духовная Академия в 1917—1920 годах. Загорск, 1965 год. — Первая публикация. Из хранилища библиотеки МДА.

подписи собирались и в окрестных селах и деревнях. Свиток был передан по назначению. Дальнейшая его судьба мне не известна.

11 апреля 1919 года неожиданно было произведено вскрытие мощей. Часа в 3 дня я зашел к о. Варфоломею. У него уже был в гостях о. Евгений Воронцов. Мы мирно разговаривали о чем-то. Время шло. Вдруг Варфоломея вызвали. Он скоро вернулся и сообщил нам, что им получено из Лавры известие, что сегодня в 6 часов вечера начнется вскрытие мощей Преподобного. Уже собираются представители власти и общественных организаций. Тут к Варфоломею пришли Вассиан, Иоасаф и брат Илариона архимандрит Даниил, живший в его квартире (в то время они все еще жили в Академии, в инспекторском корпусе). Иоасаф узнал, что монахов всех беспрепятственно будут пропускать в собор, в котором к этому времени закончилась вечерня. Варфоломей сказал, что всех богомольцев, бывших в Троицком соборе, удаляют из Лавры через ворота в южной стене, которые в обычном разговоре назывались «певческими», так как они были рядом с башней, в которой помещались монастырские певчие. Святые и Успенские ворота уже закрыты и охраняются военными курсантами. Колокольня тоже окружена ими, а ключи от нее у монахов отобраны. Потом я узнал, что то же было сделано со всеми колокольнями приходских церквей в Посаде. Около каждой запертой колокольни стоял вооруженный часовой. Это было сделано, чтобы избежать тревожного колокольного звона. 〈...〉 Некоторых случайных запоздавших богомольцев выпускали через калитку в Успенских воротах, которые изнутри и снаружи охранялись вооруженными курсантами. Увидев нас, они категорически отказались нас выпускать. Отец Евгений был в рясе, а меня они все хорошо знали, я довольно намозолил им глаза в Лавре и вряд ли вызывал в них добрые чувства.

«Нет, мы вас не выпустим! Вы пойдете народ бунтовать. Сидите у себя в Академии». Пришлось воротиться. О. Евгений никак не мог успокоиться. Варфоломей говорил ему, что он может у него ночевать в кабинете, он устроит его со всеми удобствами на большом турецком диване. «Ну а без своих книг и рукописей вы как-нибудь уж проведете один вечер», — добродушно шутил он. Но Воронцов не переставал волноваться и вздыхать. «Пошли, пошли! — воскликнул Иоасаф. — Сергей Александрович, пойдемте со мной!» — Я заметил, что ведь он сам сказал, что беспрепятственно будут пропускать только монахов. — «А вы надевайте мою рясу и клобук или скуфью!» Но я не согласился на такой маскарад, да в такую еще минуту. Иоасаф ушел. Мы стали разговаривать. Если бы говорили о чем-то важном и интересном, то, наверно, запомнилось бы. Мы говорили только для того, чтобы хоть сколько-нибудь утишить то волнение, которое было вызвано совершавшимся событием, которое трудно было осмыслить сразу. Всех глубоко волновал вопрос: что представляют из себя мощи. Вассиан рассказал мне, что незадолго до революции в раке начался было пожар.

«Дело было так, — сказал он. — На ночь собор запирали. В притворе Николая Угодника оставался на ночь дежурный монах. Дверь из притвора в собор тоже запирали, так что монах не мог войти в собор, но в железной двери сделано было небольшое окошечко, через которое можно было видеть раку, так как она была прямо напротив двери и над ней горели три неугасимые лампады всю ночь. Крышка раки на ночь опускалась и закрывала раку. И вот однажды дежурный монах заметил, что в щелку из-под крышки выбивается струйка дыма. Он тотчас же разбудил Наместника (о. Кронида) и сообщил ему о виденном. Наместник тотчас же вызвал к себе Ректора Академии епископа Феодора и проживающего в Лавре на покое архиепископа Никона. Втроем, без участия кого-либо из других монахов, они освидетельствовали раку. Горела вата, которую клали по краям раки, чтобы потом раздавать ее богомольцам. По-видимому, в раку при каждении во время вечернего богослужения из кадильницы незаметно упала искра, она еле тлела в вате, и только к ночи загорелись некоторые покровы и пелены, положенные на мощах. Их было довольно много. Частью эти покровы сгорели в тлеющем огне. А под ними были совершенно целые мощи, укрытые сохранившимися тканями. Далее, вероятно, освидетельствовать не стали, убедившись, что это все огнем не тронуто. Потом епископ Феодор в Академии сообщил всем студентам, что мощи в полной сохранности и от огня не пострадали. То же сообщил Наместник монастыря монахам Лавры». Слух об этом пожаре дошел и до нашей гимназии, где я тогда учился в 8-м классе. По поручению директора, который получил, по-видимому, сведения из Лавры, нам наш законоучитель о. Смирнов сообщил то же, что Ректор Академии студентам. Потом все позабылось. А теперь все вспомнилось, и мы невольно ждали, что будет. Решили ждать прихода о. Иоасафа, который сообщил все. Иосаф пришел уже около 12 часов и сказал, что мощи целы, но сохранились в виде древних костей. Частично руки и ступни ног превратились в прах. Никаких подделок, о чем много писали в газетах и в журнале Наркомюста «Революция и церковь» по поводу вскрытия мощей в других городах и монастырях, не было. На мощах лежало много пелен и покровов, и они-то и придавали им вид как бы мумифицировавшегося тела. Все мы несказанно обрадовались такому известию. На душе стало спокойнее. Иоасаф сказал также о самом порядке вскрытия: не было никаких грубых выходок, никакого бесчинства. Все производилось тихо, спокойно, можно сказать, деловито. Все время велся протокол, который всех присутствующих заставляли подписывать. «А ты подписал?» — спросили его Варфоломей, Вассиан и подошедший к этому времени Даниил. «Нет, мне удалось увернуться от этой неприятной обязанности», — сказал Иоасаф. «Ну и слава Богу! — сказали они. — Молодец, что сумел избежать этого неприятного рукописания».

Не помню, когда и как исчез о. Евгений. Но при рассказе Иоасафа его уже не было. Вскоре и я решил вернуться домой. Было уже за 12 часов ночи. Кое-как мне удалось выбраться через калитку в Успенских воротах, и я сразу очутился среди конных и пеших военных, которые удерживали толпу, пытавшуюся прорваться в Лавру. Пробравшись между ними с трудом и оборвав при этом несколько пуговиц с пальто, я очутился в кипящей толпе. Под темным небом происходило что-то невероятное. Глухой говор, споры, иногда резкие вскрики, доносившиеся со стороны Святых ворот отрывки молитвенного пения, ржание коней, истерические женские голоса, визг, брань — все смешивалось в сплошной гул. Видя, что я вышел из ворот, ко мне бросилась кучка женщин. Они узнали меня, что я из Академии (наверно, не раз видели в академическом храме, где я уже несколько месяцев был церковным старостой). «Вы были в соборе? Что там? Что нашли? Какие мощи?» — засыпали они меня вопросами. «Я в соборе не был, но мне сказал отец Иоасаф, который был там во все время вскрытия, что мощи Преподобного целы, но они сохранились только в виде ветхих костей...» «Врет он, — резко перебил меня какой-то мужчина в солдатской шинели, — вместо мощей доску нашли!» Что тут началось! Крики, брань, вопли: «Молчи уж, окаянный! Конечно, мы не тебе поверим, а словам батюшки Иоасафа!».. Он пытался сказать еще что-то, но одна из женщин, интеллигентная особа, судя по одежде, закричала: «Что вы его слушаете? Бейте его!» — и бросилась на солдата, размахивая небольшой палочкой. Остальные, совсем простые женщины, в тулупах и кацавейках, бросились на него с кулаками... Солдат пустился наутек. Мне даже смешно немножко стало от такой сцены. 〈...〉

На другой день я узнал, что когда ворота в Лавре заперли, то на площадь тотчас побежали люди со всех концов города. Хотя власти и приняли меры к тому, чтобы не было тревоги через звон на колокольнях, известие о том, что в Лавре будут вскрывать мощи, молнией пробежало по городу, и к 6-ти часам вся площадь перед Лаврой была запружена народом. Люди, особенно женщины, старались прорваться так или иначе в Лавру. Говорили, что некоторые предлагали выломать кольями и бревнами Успенские воро-

та, которые не были чугунными, как Святые ворота, а деревянными, только обитыми листовым железом. Конные и пешие красноармейцы и курсанты охраняли ворота. Их пришлось на миг открыть, когда прибыли грузовики с электрооборудованием и киноаппаратами для кичосъемки. Этим моментом хотели воспользоваться те, кто рвался в Лавру. Они бросились на отряды в наоежде смять их, разъединить бойцов. Некоторые из военных выстрелили несколько раз, но в воздух (и холостыми патронами, как мне потом кто-то рассказывал). Слава Богу! Жертв ни одной не было. Лошади ржали, поднимались на дыбы, женщины пронзительно кричали, точно их резали на куски, но не отступали. Однако прорватьсв не удалось. Ворота опять захлопнулись. Потом рассказывали, что военный комиссар Посада Рейнвальд, которого впоследствии сергиевские жители знали как страстного любителя футбола и участника всех состязаний чуть ли не до почтенных лет, пытался уговорить народ, успокоить, но «какие-то остервенелые бабы» (мне так именно это и рассказывали уже несколько лет спустя) стащили его с лошади и порядком исколотили. Не знаю, насколько это верно. ⟨..⟩

Надо сказать, что организованные верующие, главным образом певчие церковных хоров, поспешили сообщить о происходящем посадским приходским священникам. Первым из них поспешил на площадь благочинный протоиерей Александр Петрович Константиновский, настоятель Рождественской церкви, которая была недалеко от Лавры. Возможно, что это произошло не только по случаю близости его квартиры, а потому, что он был сильно скомпрометирован браком своей дочери в глазах верующих и теперь спешил реабилитировать себя в их мнении. Откуда-то принесли аналой. Отец Александр начал служить молебен преподобному Сергню с акафистом. Певчие, среди которых больше всего было из академического хора, почти все — женщины и девушки (после отъезда студентов такой хор был организован в нашем академическом приходе иеромонахом Иоасафом, ставшим его регентом), подхватили пение, народ присоединился, и таким образом острота положения слегка сгладилась. На смену отцу Александру прибыли другие священники, и таким образом в течение всего времени вскрытия перед Святыми воротами Лавры непрерывно служились молебны с акафистами. Один священник сменял другого. Монахи, запертые в Лавре, конечно, не могли принять в этом участия. Я слышал, что на другой день Наместник Лавры сердечно благодарил священство посадское за их молитвенную помощь в трудную минуту. «Мы в соборе должны были молчать, а вас Господь вразумил и сподобил помолиться в такие часы!» — говорил он. Когда я вырвался из ворот, заканчивался последний молебен. Уже становились в очереди люди, желавшие, как только откроются ворота Лавры, войти и поклонпться мощам Преподобного, «ставшего в эту ночь Великомучеником», как тогда говорилось. Эту идею потом, на молебне в соборе в следующий день, выразил в своей проповеди отец Вассиан.

Действительно, на другой день, едва я только проснулся, как услышал громовой голос лаврских колоколов. Звонили полиелейным звоном, как в самые большие праздники. Наспех одевшись и ничего не евши (правда, в те дни и есть-то было нечего!), я поспешил в Лавру. От небольшой часовни, стоявшей на площади около красных торговых рядов (теперь в ней помещается охотничий магазин), до самого собора тянулась большая очередь стоявших по четыре в ряд людей, желавших приложиться к мощам. Очередь двигалась крайне медленно. Когда я подошел к собору, то в него войти, казалось, было невозможно. Даже около собора стояла довольно плотная толпа людей. Два лаврских монаха, кажется, отец Диомнд и еще кто-то, смогли меня провести через южный вход, возле «Серапионовской палаты»; я смог в соборе устроиться на хорошем месте, недалеко от ракн с мощами, возле места, где обычно стоял дежурный иеромонах при мощах, служивший молебны по просьбе богомольцев. Мне было почти все видно. Собор был освещен всеми паникадилами, на огромном подсвечнике перед ракой пылало неугасавшее пламя огней: сгоревшие свечи непрерывно заменялись другими. Отец Вассиан сказал краткое, но непередаваемое сильное слово, во время которого раздавались плач и даже рыдания в толпе народа. Потом начался молебен с акафистом Преподобному. На клиросах вместе с монахами пели и хоры мальчиков. «Радования» в акафисте, тропарь Преподобному, некоторые молитвы пел весь народ. ⟨...⟩

По окончании молебна прерванное во время него прикладывание к открытым мощам Преподобного Сергия возобновилось. Приложился и я. Помню свое первое впечатление. Открытая рака освещена множеством горящих свечей на подсвечнике. Все покровы и пелены убраны. К стенам раки отодвинуты ветхие ткани, частично истлевшие, которые, по-видимому, составляли одеяние Преподобного при погребении и обвивали его тело. Они напоминали грубую мешковину. Известно, что Преподобный, по великому смирению своему, завещал предать тело свое земле-матери самым скромным, самым смиренным образом. Среди этих ветхих обрывков лежат честные кости Святого. Отчетливо выделяется череп, коричневатого, шоколадного цвета, и небольшое количество волос, рыжеватых, слегка с проседью. Долго рассмвтривать было нельзя. Потом, работая в Загорском музее-заповеднике, я имел возможность разглядеть все подробно. Но результат такого внимательно рассмотрения мало что добавил к первому впечатлению. Разве только сероватый оттенок остальных костей и прах, тоже сероватый, от рассыпавшегося тела и части костей. Я приложился к черепу Преподобного. От него исходило очень слабое, но все же ощутимое благоухание розового масла. Это, наверно, от опрыскивания розовым маслом покровов, лежавших на мощах. Хочу сделать еще одно отступление, необходимое, по моему мнению, в данном случае, так как я описываю ощущения, испытанные мною почти тотчас после открытия мощей, после многовекового пребывания их укрытыми, почти «затворенными».

Мне приходилось в Музее изящных искусств в Москве видать в Голенищевском собрании мумии египетских фараонов. Они на меня произвели тяжелое впечатление. Они были для меня — только разрушением человеческого естества. «Вот они, — подумал я, — владыки, почти земные боги, как много значили они в дни своей жизни! Как жалки и беспомощны они сейчас, лежащие иа удивление и праздное посмотрение, даже просто — глазение людей, из которых мало кто знает о них все прошлое, а просто смотрят, уходят и забывают. Их тела искусственно сохранены и дошли до нас через тысячелетия. Но нам чужды эти останки, мы равнодушны к ним как к таковым, нас интересует разве только одна седая древность, гласящая этими мумиями». Мне не только не хотелось прикоснуться к ним, но было бы неприятно такое физическое прикосновение к праху, персти земной. Достаточно поглядеть — и все. Ибо это были только люди, а теперь прах этих людей. Думалось о том, что они когда-то жили, думали, чувствовали, действовали, а теперь — они только прах. Чувствовалось величие древности, тягота веков, но о них как людях почти не думалось. Я тогда, осматривая музей, погладил слегка по спине древнего сфинкса, которому было три или четыре тысячи лет. Мне захотелось физически почувствовать древность. Но если бы кто мне предложил прикоснуться к самой мумии, то я ни за что бы на это не согласился. И совершенно немысленным и сумасшедшим показалось бы мне предложение поцеловать мумию. А вот видя мощи Преподобного Сергия, я почти ни минуты не думал о его эпохе, о древности этих оствнков, а думал и глубоко чувствовал и святость, которая делала их для меня — невыразимо словами, но понятно душою — родными, близкими, милыми, какою-то частью и моего малого существа. Я с благоговением приложился к ним, поцеловал этот смиренный череп, и было это целование для меня как бы прикосновением к деснице Преподобнюго, словню я видел его живым перед собою. Сколько людей позавидовало бы мне, смиренному, что я дерзаю прнкасаться к останкам такого человека, как преподобный Сергий! Сколько людей

невесть что отдали бы, лнщь бы иметь возможность сделать то же самое! И каких людей! Благодарение Господу, даровавшему мне такое счастье!

Почему я думал так? Ведь с точки зрения науки и мумия фараона, и мощи Преподобного — только ветхие останки людей для нас. Первая сохранилась благодаря искусству мумификации, вторые естественно сохранились, благодаря милости Божией, без вмешательства усердия человеческого. И все же между ними огромная разница. Мумия вызывает удивление, интерес, размышления о бренности людской плоти и всего земного — и только. А мощи рождают в нас чувство благоговения перед тем, кто ими был содеян милостию Божией. Мощи — это не экспонат, а святыня, родная, близкая, ближе и роднее тел наших самых дорогих покойников, которые все же — только прах. Мощи — свидетельство о Боге, славном во святых Своих. Мощи — свидетельство потому, что онн — останки человека, взысканного еще при жизни милостью и благодатью Божественной, и, прикасаясь к ним, мы как бы физнчески и вместе с тем духовно приникаем к Божественному и преисполняемся Божественной силой и благодатью. Вот почему мы с благоговением целуем мощи и испытываем умиление.

Многие верующие наклонялись к раке и, прикладываясь, закрывали глаза. «Чтобы не оскорбить своим грязным взглядом наготу Преподобного». Прикладывались до позднего вечера. На другой день богомольцев в Лавре было не меньше: приехали из Москвы и Александрова, прншли из окрестных сел и деревень. Тотчас же по окончании вскрытия около раки был поставлен часовой, красноармеец с винтовкой. Власти беспокоилнсь, что монахи захотят, может быть, скрыть мощи и распространить слухи, что они сами чудесно исчезлн после «поругания». Верующие заставили часового снять буденовку н стоять с непокрытой головой. Часовые регулярно сменялись и дежурилн без перерыва н днем и ночью. Немало прншлось этим часовым выслушать злых и оскорбительных слов по своему адресу от некоторых возмущенных и несдержанных богомольцев. Красноармейцы всячески старались уклониться от этого наряда, и на дежурство в соборе, как мне потом приходилось слышать, военные власти стали посылать провинившихся красноармейцев в наказание за их проступки.

Этот пост сохранялся долгое время. Когда в 1921 г. мне пришлось, будучи преподавателем сергиевской средней школы имени М. Горького (бывшей мужской гимназии), посещать лаврский музей вместе с ученикамн-выпускниками 9-го класса, в числе которых был сын покойного профессора Академии Павел Голубцов (ныне архиепископ Новгородский Сергий), то, войдя в отпертый для нашей экскурсии собор, мы увидели стоящего около раки часового с вннтовкой. Когда было ликвидировано это дежурство, не знаю.

Вскоре после вскрытия над мощамн по распоряжению гражданских властей была сделана крышка из стекла. Ее прикрепили к краям раки сургучными печатямн Наркомюста. Эти печати сохранились до 1941 года. Когда в начале Отечественной войны ценности Музея-заповедника были эвакуированы в Сибирь, то запечатанная рака — вместе с мощами Преподобного — тоже совершила это путешествие. Печати были сняты лишь по возвращенни раки в Лавру и после передачи ее в ведение Патриархии. Самой процедуры вскрытня мощей я не описываю, так как в Троицком соборе я не был и знаю о ней по рассказу иеромонвха Иоасафа. Эта процедура описана подробно в статье присутствовавшего на ней представителя Наркомюста И. Горева-Галкина (бывшего священника), приложенной к его брошюре «Троицкая Лавра и Сергий Радонежский». Эта процедура была заснята кинематографически, но неудачно. Потом соответствующий фильм демонстрировался в сергиевском кино, но он был очень короток, заснять удалось только моменты, предшествовавшие вскрытию, а само вскрытие не было показано «из-за недоброкачественности киноленты», как было тогда сказано.

ВСПОМОЩЕСТВОВАНИЕ

На возрождение обители

В древнем Полоцке на белорусской земле возобновлен монастырь, осноаанный в XII столетии преподобной Еафросинией, из рода са. равноапостольного князя Владимира. Обитель в течение столетий была оплотом Православия на западных рубежах Русн. За годы советской власти монастырь дважды закрывалн и разоряли (в 1936 и в 1962 годах). В настоящее время многие здания нуждаются в реставрации. Желающие помочь сестрам обители могут перечислить средства на **расчетный счет № 00070193 Полоцкого отделения Жилсоцбанка, Полоцкий Спасо-Евфросиниевский монастырь. Республика Беларусь.**

В Москве, в Дегунине, восстанаапивается храм святых благоверных князей — страстотерпцев Бориса и Глеба. Верующие просят помочь а деле возрождения прихода. С благодарностью будут приняты любые формы вспомощестаований. В храме совершается поминовение асех труждающихся и благотаорителей.

Адрес храма: 127486, г. Москва, Дегунинская ул., 18-а. Расчетный счет № 700001 а МОСКВОРЕЦКОМ КОММЕРЧЕСКОМ БАНКЕ г. Москвы.

ДУХОВНОЕ ЧТЕНИЕ

Введенской Оптиной пустынью при содействии «Секретариата Татьяны Горичевой» и Баварского Красного Креста предпринято репринтное издание Житий святых на русском языке, изложенных по руководству Четьих-Миней св. Димитрия Ростовского. Жития святых св. Димитрия Ростовского — одио из любимых чтений православного народа — переиздаются впервые после почти векового перерыва. В настоящее время вышел в свет ноябрьский том.

Жития святых святителя Димитрия Ростовского. Книга третья. Месяц ноябрь. Репринтное воспроизведение второго издания. М., 1905 г.

Материалы «Благовеста» готовит
АЛЕКСЕЙ СВЕТОЗАРСКИЙ

История

Очерки
Мемуары
Документы

ВИКТОР ОСТРЕЦОВ

Ересь утопизма

Споры о масонстве, времени его возникновения, структуре, роли в мировой истории, то затихая, то вспыхивая с новой силой, ведутся уже много-много лет. Ныне практически доказано руководство масонов в грандиозных по масштабам мировых событиях — Великой французской революции и Февральской революции 1917 года в России. Едва ли не все лидеры революционных партий и члены Временного правительства, включая председателей князя Г. Е. Львова и А. Ф. Керенского, были членами различных лож (об этом пишет и Н. Берберова в своей книге «Люди и ложи», в отличие от ведущего советского историка академика И. Минца, отрицавшего роль масонов в революции потому, что в произведениях В. И. Ленина это слово не упоминается ни разу). Известно и о вековом противостоянии «вольных каменщиков» и Ватикана, о чем свидетельствуют соответствующие энциклики папы. Не так давно, в начале 80-х годов, Италию потряс скандал с масонской ложей П-2 («Пропаганда сионизма-2»), ставшей влиятельным центром теневой власти в стране, поскольку списки ложи включали значительную часть представителей финансовой, политической и культурной элиты. Членство в масонских ложах не скрывали почти все президенты США (исключая Дж. Кеннеди) и многие нынешние политические лидеры стран Европы и Америки. Во многих странах выстроены роскошные масонские храмы и музеи, а на здании в Лондоне, где находится Объединенная великая ложа Англии, помещен барельеф в форме земного шара, на который наброшена мельчайшая сеть масонства.

Мнения о масонстве крайне неоднозначны. В «Советском энциклопедическом словаре» оно характеризовалось как «религиозно-этическое движение», преследующее цель «мирного объединения человечества в религиозном братском союзе». В обширной дореволюционной и зарубежной литературе по этому вопросу пишется о том, что масонство — это «прекрасная система морали, скрытая в аллегориях и иллюстрированная символами». Ведь масонами были Гете, Бернс, Моцарт, Вольтер, Монтескье...

Вопрос этот имеет существенное значение еще и потому, что появились сообщения о восстановлении масонства в странах Восточной Европы. Как заявил журналистам в Риме великий магистр Великого Востока Италии Дж. Ди Бернардо, в ближайшие месяцы у него запланирована серия встреч с высшими руководителями некоторых республик бывшего Советского Союза» («Правда», 23.9.1991). По словам магистра, всемирное масонство в условиях развала коммунистических режимов видит свою задачу в повышении жизненного уровня населяющих этот регион народов и возвращению в их умы «надежды и доверия». Россия и масонство — тема очень сложная. Мы предлагаем читателям одну из точек зрения — современного религиозного публициста Виктора Острецова, уже выступавшего на страницах «Слова» со статьей «Великая ложь романтизма» (№ 6, 1991). Русская правда и ересь утопизма, то есть масонство, их столкновение в нашей истории — тема его очерка.

> Посвящая все свои силы бесконечной, никогда не завершаемой задаче обуздания, подавления, разрушения исконных основ мирового бытия, спасители мира становятся его заклятыми врагами и постепенно подпадают под власть своего естественного водителя на этом пути — духа зла, ненависти, презрения к человеку. Богоборческая антропократия роковым образом вырождается в демонократию, которая ведет не к спасению мира, а к его гибели.
>
> С. Л. Франк

Данный очерк посвящен вопросу формирования идей утопизма в русском обществе под влиянием гностико-каббалистических доктрин, исповедуемых в «первых объединениях» русской интеллигенции — масонских ложах, развернувших в полную меру свою деятельность в конце XVIII в. и сделавших своим центром Москву, по преимуществу — ее университет.

Занятия в ложах включали не только теоретическое усвоение тех или иных сторон каббалы, но и ее практическое усвоение, а также давали в легендах и обрядах, в которых участвовали все ее члены, постижение истин эзотеризма, характерное для мифологии древнего язычества.

Мифологизация мышления глубоко укоренялась в глубинах личности и формировала ту первичную матрицу восприятия я мышления, самую общую систему ориентиров и ценностей, которая неуловимо определяет все направление сознания и деятельности человека, а в конечном счете и самого общества, подвергавшегося такому воздействию.

Эзотеризм масонских лож не мог не сказаться самым решительным образом на всех сторонах культурной жизни русского общества: в искусстве, политике, социальной сфере, религиозной и даже на уровне семьи, личных взаимоотношений в обществе. Деятельность масонов ставила своей целью «создание среды, развитой в моральном и духовном отношении», что привело на практике к созданию общества, целиком враждебного, во-первых, Церкви и самому ее Божественному Основателю Иисусу Христу, и этот аспект есть не культурный, не умозрительный, а самый важный, сущностный, мистический и онтологический. Можно сказать смело, что тот «культурник», который мыслит лишь категориями умозрительными, мыслит, но не живет, ибо не переживает сущности; тот, кто рассуждает, но не погружается в море религиозных истин, никогда не поймет, что жизнь есть не культура, а то, что создает и культуру и саму Вселенную.

Во-вторых, деятельность масонских лож с самого начала была враждебна всему, что имеет характер личного, индивидуального, неповторимого, традиционного.

В конечном счете деятельность лож должна была привести к созданию царства князя мира сего, основанного не на высотах горних идеалов, а на началах чувственности, эгоизма и духовной прелести.

Для создания такого общества на земле требовалось внедриться в имеющуюся структуру власти, воспроизвести форму традиционных обществ, но подменить всю его сущность: поставить на место Церкви Государство, обратить любовь к Богу на привязанность к Родине, но уже без Бога, без Церкви, оттеснив ее на второй план и придав ей характер второстепенный, сделав ее «фактом культуры» или «носителем морали»; то есть из живого, непосредственно от самого Бога идущего источника благодатных сил превратить ее в деяние рук человеческих и психологический фактор утилитарного назначения. С этого шага начиналась «ересь Утопизма».

Прелести «патриотизма», «социальной справедливости», порождающей войну всех против всех, идеалов иудейских — «многочадия и многоздравия» (Гегель), как цель всей жизни человека на земле внедрились в сознание с той поры, когда деятельность московских розенкрейцеров в конце XVIII в. привела к созданию обширной литературы антихристианской направленности, к формированию будущей поросли русской либеральной интеллигенции.

Среди всех идей оккультизма, основанных на каббале, вобравшей в себя всю мудрость языческого мира, с его двумя родными братьями — Диоскурами пресного либерализма — материализмом и чувственным мистицизмом, наибольшее внимание привлекает создание в среде масонских лож Утопии — проекта будущего государства.

К идее построения будущего государства, основанного на принципах абсолютного безбожия, тесно примыкает и «мистика власти». Прародитель московских розенкрейцеров, учитель Сан-Мартена, португальский еврей Мартинец де Паскуалис «утверждал тот престиж мистической власти, выражавшийся особенно резко при магических операциях сношения с невидимыми сущностями высших планов, который его учеником (Сен-Мартеном) будет перенесен на политический аппарат власти, особенно на главу государства в его знаменитой книге „О заблуждениях и истине“» (Антошевский. «Орден Мартинистов», 1912 г. «Изида» № 9—10, с. 39).

..За все время существования нынешнего государства нашего, как кажется, ни разу не было нам сообщено историками, что есть идеал русской души в ее историческом и государственном выражении, что есть формула русской жизни, с чем, собственно, вели борьбу наши интеллигенты-либералы. Против чего боролись силой, ложью, обманом «братья» розового креста в Москве. Я думаю, что назрела самая крайняя потребность дать ясную и четкую формулу Русской Правды в ее общественном и историческом выражении.

Эта формула изначально присуща русской душе, она не имеет временного характера, и только в ней русский человек может либо обрести историческое бытие, либо погибнуть в песках космополитической пустыни.

Нелишне будет заметить для ясности понимания смысла и самого очерка и некоторых терминологических неясностей сегодняшнего дня, что именно тот, кто приобщался к идеям гностико-каббалистическим, с их культом интеллегио-ума, который судит всех и о всем самоуверенно и полагает главным смыслом своей сознательной деятельности все объяснять и, объясняя все, чувствовать себя этаким божком, который, раз все объясняет, то и все может, именно такой человек и приобретал право в XVIII в. именоваться «философом», а в следующие времена интеллигентом. В отличие от тех, кто понимает, что мыслить фетишами, тобой же созданными, впадать, по терминологии психиатров, в объяснительный бред, это скучно, интеллигент ни во что не верит, но обо всем судит, мыслит понятиями, не постигая сущности вещей и все время пребывая в мире грез и миражей. В этом-то мире и вызрели страшные зраки казарменных государств с самой беспощадной тиранией над человеком.

Творения князя Щербатова «Путешествие в страну Офирскую» (1774 г.), как и манифест угнетения и оправдания всяческого насилия над личностью — «О заблуждении и истине» Сен-Мартена (1775 г.), до сих пор остаются памятниками самой мрачной деспотии, любовно оберегаемыми нашими историками от всякой критики. Удивительный и печальный факт нашей культурной направленности. Разрушительные и разлагающие начала в русской истории оцениваются до сих пор как единственно достойные для изучения и восхваления, а основы созидательные идут под знаком «реакционности», «отсталости» и, как нас убеждают, просто недостойны для серьезного изучения. Всем понятно, что большевизм есть лишь логически последняя точка разрушения и погрома русской исторической жизни, самых основных начал русской души и созданной ею культуры на началах Православия и Самодержавия. Не октябрь, а февраль разрушил Русское национальное государство. Оно рухнуло 27 февраля 1917 года. Упала корона, и закатилась звезда святой Руси.

Истоки большевизма видны уже в идейных утопиях «просветителей» века екатерининского. Переходя к нему, нельзя не отметить еще раз весь жуткий парадокс идейной направленности ценностных ориентиров последних десятилетий. Трехцветный флаг в начале века по улицам носили толпы народа, названные их противниками «черносотенцами», а красный — цвет крови человеческой — «культурные прогрессисты». Время меняется, и то, что вчера, в отрицание очевидного, доказывалось нашими идеологами, сегодня не решится защищать даже застарелый «партиец» от журналистики. Между тем созданный в целях политической борьбы газетный образ защитника вековых устоев, культурных и религиозных, русского народа как «реакционера» и «погромщика» с топором в руке и бутылкой водки в кармане до сих пор стоит прочно именно в таком карикатурном виде в нашем сознании. Теоретики же и практики государственного погрома, то есть тотального разгрома Русского национального государства «до основания», продолжают пользоваться привилегией «неприкосновенных» божков, с которых полагается «делать жизнь». Между тем люди, сами участвовавшие в разрушении России исторической и национальной, осмысливая пережитое ими, начинали большевизм кто с Пестеля (В. И. Вернадский), кто с материалистического социализма как такового (А. С. Изгоев-Ланде: «Большевистская практика дает нам возможность судить о ценности тех идей, которые почти 60 лет провозглашает русская социалистическая интеллигенция», и перед этим: «Большевики лишь осуществили то, о чем говорили другие» — статья «О заслугах большевиков» в «Русской Мысли» за февраль 1918 г.).

Итак, к истокам разрушительных утопий..

Московские просветители из кружка Новикова, Шварца, Хераскова, Тургенева, Страхова, Поздеева и ряда других деятелей русской культуры были строителями храма Соломона, который шаг за шагом поднимался, как восходящее дневное светило, над русской землей и освещал будущее ее в мрачных красках всеобщего разрушения и гибели цветущей культуры и талантливого народа. Храм был воплощением мечты масонов построить общество-муравейник. Это государство со всеми его чертами масонской мечты мы видим на примере жизни офирян, о нем говорит нам Г. Уэллс в «Явном Заговоре» (1928 г.), о нем писали Т. Мор, маги и каббалисты Кампанелла, Ф. Бэкон и прочие гуманисты и либералы.

Теоретическую базу под эту мечту подвел иудаизм, а оформил Сен-Мартен, оракул московских масонов-просветителей XVIII в.

В заключение, предваряя вопрос, почему московские розенкрейцеры, «братья» теоретического градуса Соломоновых наук, члены всемирной организации строителей храма Соломона названы мной кружком либералов, следует обратиться к первичному значению слова «либерал». Оно по-

явилось в употреблении в русском обществе во времена Александра I и означало человека, «свободного» от религии и всего круга налагаемых ею обязанностей, включая, понятно, и таинство брака, и шестую заповедь «Не убий», и седьмую — «Не прелюбы сотвори», и восьмую — «Не укради», и десятую — «Не пожелай жены искренняго твоего...», и другие. «Свободного» от всех народных традиций, которые для него теперь, как «передового», просто «предрассудки», не признающего в царе помазанника Божия, «свободного» от всех условий общественного и культурного бытия, которые выходят за рамки его понимания и становятся в его глазах «условностями». Характерен в видах сопоставления с заповедями Божиими масонско-либеральных лозунгов и такой подход: вместо любви к ближнему — любовь к человечеству. Причем «человечество» понимается и как живущая в каждом некая неопределенная душевность, и как собрание всех живущих на земле людей. Отсюда такое стремление к «всечеловечности», «к всемирной культуре», к «общечеловеческому», «мировому», «космическому», «интернациональному» и проч., и проч. Отсюда, из этого же устремления, и воспитываемая масонством в светском обществе посредством «прекрасной литературы» — беллетристики — сентиментальность, последовательно сочетаемая с жестокостью.

Короче, определение «либерал» означало человека с «нравом и обычаем эпикурейским». Но именно на формирование такого типа личности и была направлена вся публицистическая, литературная, издательская и педагогическая деятельность братьев Розового посвящения, известных еще как братья Орла и Пеликана, алхимиков-каббалистов, расцветших на скудной северной почве Москвы под лучами благодетельного правления ученицы Локка, Гольбаха и Вольтера Екатерины II в конце XVIII века.

Фасады московских домов тех времен еще хранят все символы всемирного братства вольных каменщиков. Особенно такой символики много на дворянских особняках нашей аристократии. Всевозможные циркули, молоточки, розанчики, львы, лиры Давида, даже рыцарские доспехи, колонны Боаз и Иоаким, маски бесполого существа, или вернее двуполого — Хирама, правнука Люцифера-Сатаны обильно украшают эти бывшие гнезда дворянской жизни. Понимали ли их обитатели, о которых так ярко нам поведал в своих воспоминаниях С. Т. Аксаков в очерке «Встреча с мартинистами», куда ведут их же самих все эти молоточки, клятвы перед грудой костей, черепами и талмудической символикой, сказать трудно. Вернее всего — нет. Те, кто понимали, попадали в разряд «реакционеров», «отсталых», а потом появилось и определение еще отрицательнее: шовинист, черносотенец, на худой конец — националист.

Перед этими жупелами либерального идейного террора падали и падают лучшие силы, наиболее честные и прямые, из среды русского народа. Безверный ум, предавший себя на растерзание пустой эклектике бесконечного атеизма, избравший себе в качестве кумиров тех же божков, что и враги его народа, не может справиться с одолевающими его врагами и начинает жалко лепетать, что он «не такой», что он тоже либерал и интеллигент. Как жалкий паяц, сам избравший свою участь, сам привязавший себя ниточками к рукам своих мучителей, он дергается, кривляется и не может обрести покоя своей душе и ясности в своих мыслях.

Достаточно, однако, было бы выйти ему, сохранившему в душе своей мелодии и мотивы своей родины и своего народа, из лучей «сияющей звезды» масонских лож, и он обрел бы и покой в душе, и ясность в мыслях, и вечное спасение. Но чтобы выйти из луча «звезды» пантакля каббалы, надо войти в свет евангельской истины, озаряющей православный храм.

Третьего не дано.

Слово о Русской Правде

Осмысливая исторические события, мы не можем не прийти к выводу, что каждый народ находится под воздействием своей особой идеи, которая одна может объяснить направление его деятельности и его судьбы. Точно так же, как и отдельное лицо, народ имеет свои убеждения, свои воззрения, свой характер, который выявляет себя во все времена, при всех событиях и есть один и тот же, хотя и в разных оттенках и различных проявлениях.

Характер народа формируется в том конкретном исповедании Правды, которое он осуществляет всей своей историей во всех сферах своей жизнедеятельности. Вера и нравственность открывают ему все новые стороны в этом исповедании и составляют путеводные звезды в его убеждениях. Они питаются мистическими токами религиозных откровений.

Обрести свое лицо, найти свой правильный тон в истории — это дано не каждому народу, но когда такое обретение состоялось, народу не страшны никакие враги — ни внешние, ни внутренние.

За долгие века своей истории русский народ имел возможность найти свой смысл в жизни и обрести свой путь в истории. Вера открыла ему то высокое призвание, которое и в быту, и в труде самом тяжком, и в воинских делах и подвигах озаряло его путь от святого Владимира до благоверного царя-мученика Николая II и патриарха Тихона.

Народ, как и отдельный человек, может утратить свое лицо, отречься от Правды, которая питала его веками и вела от победы к победе, принять чужеземных идолов и потерять всякую возможность к творчеству, которое когда-то выделяло его из среды других народов. Для того, чтобы вновь обрести свое лицо, вновь найти свой смысл жизни, следует обратиться к тем периодам своей истории, когда сама борьба с внешними врагами делала его еще крепче и здоровее, когда духовные озарения освещали его землю неповторимыми явлениями его творческого гения.

В жизни русского народа такой руководящей идеей, как известно, была всегда общинность, способность держаться общинного управления, устройства, решая все сообща — землей, миром — на основе христианского миропонимания, религии любви и Правды Божией.

Каждая деревня, сельцо и село, улица в городе тянули к своему приходу, своей церкви, отсюда получая освящение каждому своему делу — семейному или общинному. Приходской священник — центральная фигура русской жизни. Он — подлинное воплощение ее духа и тела в их гармоническом единстве. Это он один стоит между престолом Царя и последним крестьянином в любой глуши нашей русской земли. Он доводит смысл манифестов Царя до народа, он объясняет правительственные акты, он стоит на страже народной нравственности, неся евангельские истины в повседневность каждого прихожанина. Он объясняет, он увещевает, он освящает от рождения до смерти жизнь каждого человека. В борьбе с пьянством, развратом, смутой анархических учений правительство опирается исключительно на приходского священника. Ему и дьякону поручается учение грамоте прихожан, учение, которое ставится в прямую зависимость от утверждения в народе благочестия и вероисповедных истин.

Итак, все решать общиной, миром, не расходясь с евангельской правдой — вот повседневная задача русского народа. Решать землей, миром... Но что есть этот мир? Посмотрим на него не глазами апатичного наукообразия чужеземных заблуждений, а глазами самого этого мира. Что сказал бы об этом мире сам русский прихожанин, общинник, поселянин или горожанин? Если мы поймем, что это за мир, то мы восстановим его и в себе, и на своей земле.

Припомним, что Спаситель мира, Сын Божий, посылая Апостолов, возвестил миру мир, принесенный Им с неба, и приблизившееся царство благодати, между прочим заповедал им те дома, в кои они будут входить, приветствовать миром: «Входяще же в дом, приветствуйте его, глаголяще: «мир дому сему» (Мф. 10, 12). Святые Апостолы,

свято исполняя заповедь своего Божественного Наставника, так и делали. Куда бы они ни приходили с радостной вестью о спасении грешников, они прежде всего изрекали мир.

Благовестники мира и примирения, чем лучше они могли бы и начать свое дело, как не словом мира?

Русский мир

Но что это за мир, ставший знамением апостольских приветствий? Не тот ли это мир, который и в мире, и во всем свете считается основным условием семейного и общественного благоденствия? Не есть ли это тот самый мир, принимаемый в смысле взаимного согласия людей, живущих вместе? Действительно, такой мир есть великое благо. «Се что добро, или что красно, но еже жити братии вкупе», — восклицает псалмопевец (Пс. 132, 1).

Такой мир согласия нельзя исключить из понятия о мире Христовом. Но еще и нельзя сказать, что именно это одно и есть мир, заповеданный Христом. Каждый из нас знает, что такой мир может утверждаться в видах своекорыстия, поддерживаться расчетами житейскими, исходить из интересов мудрости века сего и быть поэтому только кажущимся, без участия сердца. Нередко ведь под покровом такого мира таится вражда и созревают замыслы самые злобные и разрушительные. Может ли быть такой мир Христовым?

Такой мир русская совесть отвергала изначально.

В любом случае мир как согласие с другими не может быть совершенен. Он объемлет лишь одну сторону, внешнюю, человеческой жизни и не может удовлетворить всем потребностям нашего существа, не может успокоить наш дух. Мало ли есть людей, которые хранят глубокий мир со всеми, а между тем ощущают в себе самих страшную тревогу и беспокойство, страшную борьбу со своей совестью?

И это еще притом, если не замутнен сам источник совести — духовное око наше. Иначе — просто гнетущее ощущение пустоты и бессмысленности всей жизни нашей.

Отчего же это? Оттого, что этот мир, и, в лучшем случае, понимаемый, есть только внешний, земной, человеческий, тогда как мир Христов есть внутренний, духовный, Божий, навсегда приобщающий человека к Тому, у Кого «несть пременение или преложения осенение».

Мир Христов, которого искал русский человек в исполнении заповедей Божиих, есть спокойствие духа нашего, приобретаемое действием Духа благодати и не возмущаемое никакими превратностями мира. Состоя в невыразимо сладостном ощущении внутреннего покоя, этот мир утверждает и мир согласия между людьми, освещает его сообразно тем началам, на которых покоится и сам.

Источное начало мира духовного и Христова заключается, с одной стороны, в непрерывном самоотвержении и умерщвлении плотских страстей и похотей, — не тела, но именно страстей, воюющих в нас на дух наш, а с другой — в неослабном стремлении к точнейшему согласованию всех наших мыслей, желаний, намерений и дел с волею Божией. Более того, это жизнь, крепкая своею верою в Господа Иисуса Христа и побеждающая сею верою все прилоги и искушения ума кичливого и маловерного; это жизнь, сопровождаемая непрерывной борьбой с грехом и со всеми его «временными сладостями» и обольщениями, жизнь, преуспевающая в подвигах и доблестях евангельских и ищущая во всем «не своих си, а яже суть Божия» (Флп. 2, 21; Мф. 16, 23), ищущая не удовольствия и наслаждений, не почестей и отличий, а единого на потребу, т. е. «Царства Божия и правды Его» (Мф. 6, 33). Словом, это жизнь святая и непорочная, хотя бы она текла среди скорбей, лишений, озлоблений, страхов и смертей, — такая именно жизнь есть источник единственный и самый чистый мира духовного. Такой мир «сладостен паче меда и сота».

И это, в собственном смысле, мир Божий, это есть благодатный плод того вожделенного примирения нас Богови, которое составляет главную цель пришествия на землю Божественного примирителя, единородного Сына Божия.

В душе русского человека такой мир всегда жил, был путеводным маяком всех его дел и стремлений. И всегда в каждой деревне, в каждой местности, в каждом сословии находились те стократ блаженные, которые благодатию Божией стяжали этот мир и несли его внутри себя как неизгладимое свидетельство Духа о их избрании в сосуды славы. Такие люди зримо осуществляли среди русского народа его идеалы. Они свидетельствовали ему о том, что Царствие Божие достижимо и состоит, по слову Апостола, в правде, мире и радости о Духе святе (Рим. 14, 17).

Правда — это подвиг святой любви их к Богу и ближнему, сеяние дел благочестия со слезами, благодушное терпение под тяжестию креста — делание в вертограде, среди зноя и жара полуденного, хождение пред богом во святыни Духа, а мир — следствие правды — радостное собирание созревших колосьев вечной жизни — награда и венец за претерпеваемые страдания, — мзда многа за труд любви и непорочного хождения пред Богом.

И чем более в русском народе расширялся круг делания правды, тем более умножался и зримо и материально сам мир Русской Правды, те пределы земли, на которую распространялись ее законы и обычаи.

Забвение этой правды, оскудение живой веры в мир Христов всегда приводили нашу землю к состоянию катастрофы, и поиски замены философией живого источника Истины окончательно набрасывали траурный полог на все перспективы русской жизни.

Русская община*

Только при таком понимании христианского мира можно понять и смысл устройства русской общины как идеального воплощения Духа Христова на земле среди русского народа, как воплощение заповеди любви к Богу и ближнему. Русская община — это христианская община. Это община верующих, объединенных вокруг церкви своего прихода.

На плодоносной духовной ниве оцерковления всех сторон человеческой жизни, частной и общественной, и развивалась русская жизнь, крайне чувствительная к вопросам правды и совести.

Если не понять этого факта общинной цельности русской истории, то нельзя в ней ничего понять. Община, основанная на таких прочных основах, не нуждающаяся во вмешательстве власти государственной, до конца XIX века, до самой даже революции, до самого уничтожения большевиками, такая община была твердым основанием и самой власти государственной. На такую общину власть могла опереться безбоязненно и не держать громадный штат чиновников, отчужденных от общества.

Как был организован труд в общине, как обстояло дело с личной инициативой и помощью друг другу, говорит сам факт освоения громадных пространств земли русскими людьми в условиях самых неблагоприятных для земледелия. Ни климат, ни беспрерывные войны, которые вела Московская Русь, а затем и Российское государство, на всех рубежах своих открытое и с севера, и с юга, и с запада, и с востока, не могли способствовать процветанию земледелия. А между тем видим, как шаг за шагом, неуклонно русские люди, сначала служилые, по заданию царя, а затем и крестьяне идут на новые земли и осваивают их, продвигаясь в XVI—XVII веках к югу от Оки и тесня дикую степь с ее хищными племенами, а другой поток медленно и неуклонно идет за Урал и там среди тайги, болот и страшного холода основывает остроги, монастыри, и под их прикрытием начинают русские деревни свою хозяйственную деятельность. Корчуют леса, осушают болота, удобряют скудные почвы, выводят новые сорта зерновых, занимаются звероводством, огородничеством и идут все дальше и дальше на север и даже за 60-й параллелью сеют и убирают хлеб. И это в XVIII веке!

Повсюду возникают русские деревни, займища, починки, сельца и села, погосты и торги, рядки, остроги и города. И на всем пространстве русской земли слышен благовест. Православный народ призывается в церковь воздать хвалу Спасителю и Приснодеве Марии, принести покаяние и принять святые Тайны тела и крови Христовой. В надежде на вечное спасение жили и в страхе Божием творили дела ратные, трудовые и семейные.

В духе Христовом люди знают друг друга как братье и сестры

* Сами крестьяне, как известно, пользовались не словом «община», но «миром».

и потому только в этом духе пребывающие исполнены друг к другу любви и милосердия. Именно поэтому-то община исключала из своего понимания жизненных целей эгоизм, стяжательство и борьбу за существование. Конечно, все эти устремления были и в ней, как они есть изначально и в каждом человеке, но, пока община была общиной христиан, эти элементы в ней регулярно подавлялись, и на первое место выходила помощь ближним своим, нуждающимся и обремененным.

В то же время община ни в какой мере не подавляла личности человеческой, но исходила из представления о личных дарах и ответсвенности каждого перед Богом. Община поощряла личную инициативу, и чем богаче становился тот или иной общинник, тем легче жилось общине. Когда бедность была обусловлена не ленью хозяина, а случайным стечением обстоятельств — пожаром ли, или смертью, или болезнью кормильца, община перекладывала подушный оклад на более зажиточных. Подобного рода вопросы всегда решались на общем сходе общинников.

В то же время лень, пьянство и прочие пороки ложились тяжелым бременем на все общество, и борьба с ними проводилась в равной степени и священником, и «излюбленными» выборными общины.

Бывало ли когда, чтобы община раскалывалась на враждебные группировки, не могла бы прийти к общему согласию и прекращала существовать или же взывала к властям навести в ней порядок, произвести разбор? Никогда. На всем протяжении существования русского государства от запада и до востока и от севера до юга, на всем протяжении тысячи лет.

И это при условии, что каждые три года общинники в деревнях и селах производили новый раздел земли между семьями, доверенный землемер из своих же отмеривал участки земли разнородной, в разных концах, что каждый год производился новый расклад налогов и других повинностей по дворам, накладывался штраф на тех или иных виновных за какие-либо провинности, «излюбленные» выборные сами производили судебные следствия и наказывали в пределах закона своих односельчан.

Крестьяне

В Московской Руси крестьяне были таким же служебным классом, как и любой другой, и его отношения с землевладельцами, вотчинниками, государством определялись законами и обычным правом. Государству были известны по имени и отчеству не только бояре и думные дьяки, но и крестьяне. В царских грамотах мы встречаем их имена и прозвища, узнаем об их бедах и слышим голос Царя, озабоченного судьбой обиженных.

О близких отношениях с Царем говорит и старинное право каждого православного жаловаться непосредственно самому Царю, минуя все начальство. Этот обычай был отменен лишь первой интеллигенткой на престоле — Екатериной II.

Крестьяне во весь период Московской Руси, будучи лично свободными людьми, обладали правом перехода не только из одной общины в другую, но и из сословия в сословие, из крестьян в посадские и торговые люди. По личной склонности крестьяне и в боярской вотчине занимаются ремеслами, торговлей и откупами. Все большее распространение в XVI—XVII вв. получают отхожие промыслы. Крестьяне, удачно ведущие свои дела, сами становятся владельцами и вотчинниками. Тенденции свободного перемещения крестьян из сословия в сословие не прервались и в самый разгар крепостничества. Беднейшее крестьянство работает по найму, богатое и зажиточное приобретает земли и становится свободным. В XVIII в. резко усиливается поток крестьян в Сибирь при поддержке правительства. (См. А. Н. Сахаров. О диалектике исторического развития русского крестьянства. — «Вопросы истории» 1970, № 1).

В общине сельской или городской формируется русский человек, здесь он приучается к управлению своей землей, ответственности перед ближними своими, общинниками. Государство никогда не встречалось с отдельной личностью, но всегда с членом общины. Вся жизнь русской земли управлялась выборными «излюбленными» людьми — старостами, сотскими, десятниками, целовальниками, которые и отвечали перед государем за исправность выполнения общиной, городской или деревенской, повинностей в пользу общегосударственных требований. Исполнение же должностей в общине производилось по очереди всеми: чаша была слишком тяжела, за должности не платили, зато взыскать могли.

Труд человека был по преимуществу свободным, уважен законом, почтен обществом и потому мог породить необозримое число промыслов и саму промышленность, развитию которой всячески содействовало и правительство Московской Руси.

Все условия сельской жизни, природные богатства, система прав приобретения земли, вознаграждения за труд, всегда готовые прийти на помощь односельчане — все способствовало тому, чтобы человек мог стать зажиточным хозяином. Общинник и будучи помещичьим крестьянином мог стать не только состоятельным, но и очень богатым человеком. «Родился я в 1802 году — вспоминал бывший крепостной крестьянин Николай Шипов, — в свободе Выездной близ города Арзамаса, Нижегородской губернии. Отец мой был помещичий крестьянин, имел хорошее состояние, занимался торговлей скотом... Он был человек грамотный, начитанный и уважаемый». Оборотный капитал семьи Шипова составлял около 100 тысяч рублей. При этом семья Шиповых не была самой богатой в селе. Для того, чтобы представить себе ценность денег того времени: свечной завод стоил 1200 рублей, килограмм осетрины — 30 коп., баран — 3-5 рублей, общий оброк с села, в котором жил Шипов, колебался от 61 тысячи до 105 000 рублей. «Один крестьянин нашей свободы» предлагал помещику за то, чтобы тот отпустил его с семейством на волю, 160 000 рублей. Крестьянин подмосковной деревни Прохорова выкупил себе волю у того же помещика Салтыкова, выстроил в Москве большой каменный дом двухэтажный, «отделал его богато и тут же построил обширную фабрику» (см. Николай Шипов. История моей жизни. Рассказ бывшего крепостного крестьянина. 1802—1862 гг. М.—Л. Академия, 1933). Возможности приложить свои силы, ум, смекалку там, где хочется, к чему лежит душа, и породила быстрое развитие русской государственности, ее производительных сил и дали возможность выстоять в самых трудных условиях борьбы с внешними врагами, освоить необозримые пространства земли своим трудом, терпением и умом.

Нерусский взгляд на русскую историю, который видит в ней только эскалацию «несвободы», не дает возможности понять ее, ведь само развитие производительных сил, которое обеспечило становление и рост Русского государства, уже означает наличие хозяйственной инициативы, возможной только в условиях личной свободы. А что такое производительная сила? Пара рук и к ней умная голова, которая изобретает, думает, как сделать лучше, пробует, выводит новые сорта семян, улучшает породу скота, все лучше и лучше обрабатывает землю и получает все больший и больший урожай и, значит, доход. Это и дает право автору упомянутой статьи (Сахарову) сказать, что слова принятой в нашей стране формулы «До предела выжимать соки» «не находят отражения в экономических показателях и остаются лишь эмоциями».

Дело государево — дело земское

В тяжелых условиях бесконечной борьбы с внешними врагами от каждого русского человека требовалось понимание и поддержка делу земли, как делу государеву. Каждый, рожденный от русского отца и матери, был гож и пригож, каждому было дело, и дело это было общим всей русской земли. И земля была принадлежностью всего русского народа.

Уже Русская Правда Ярослава Мудрого усвоит этот взгляд на русскую землю, отличая ее от чужой.

Забота об этой земле, государственный интерес были усвоены каждым русским человеком, и этот интерес ограничивал произвол одних и давал свободу другим. Общинное право на землю, высокий престиж труда — пашенного, ратного, кузнечного и проч. — и христианский взгляд на достоинства человека, общее дело государево делало мертвой буквой любую геральдию и выдвигало на первый план личную заслугу, личный вклад в общее дело.

На всем протяжении русской истории государство страдает от недостатка людей. Их всегда было мало для дела государева. Потому и был надобен каждый русский человек. Денег было мало, средств материальных вечно не хватало, и только на самоуправлении, на доверии власти и народа друг к другу и могла стоять русская земля.

Особенно примечательно влияние земщины в делах финансового управления страны. Вплоть до конца XVII в. действует форма государственного бюджета, проникнутая участием земщины. Сметы сборов и податей с разных городов и уездов устанавливались «по Указу Царя, по приговору бояр, при содействии гостей, за их руками, и с пометою Думного Дьяка» (Лешков. История русского общественного права до XVIII в. М., 1858, с. 259 и далее). Эти сметы рассылались по городам и уездам, чтобы «в сроках были все обнадежены» и чтобы «положить тот оклад на дворы, смотря по тяглам и промыслам, и сбирать те деньги посадским и уездным людям самим, земским старостам и выборным лучшим людям, за верою и за выбором всех людей, чтобы полные люди перед бедными во льготе, а бедные перед богатыми в тягости не были, и никто б в избыли не был».

Если бы даже ничего, кроме этих строк, из Указа не осталось от Московской Руси, то и тогда можно было бы сказать, что Русь явила всему миру подлинное откровение безграничного доверия власти и народа друг другу и такого уважения и заботы о нуждах людей, до какого далеко и западным демократиям и социалистическим деспотиям. Один эпизод русской истории высвечивает нам самое характерное и типичное в этих отношениях Царя и народа. В 1585 г. погиб Ермак, но Сибирь была уже открыта для России, для ее народа. Дело было за дорогой, по которой могли бы русские крестьяне на своих подводах ехать в суровые необжитые места и здесь строить Русь — деревни, села и города, пахать и разводить скот, возводить на новом месте русскую государственность. Царь Федор Иоаннович не стал создавать коллегий и комиссий, в своим царским Указом обратился к «охочим людям», приказал просто сыскать охотников. Дорога эта была нужна русскому народу, и народ и должен был ее построить. Петр I по западным образцам угробил бы на этом деле несколько десятков тысяч крестьян, большевики несколько сотен тысяч сгноили бы запросто, и строили бы лет двадцать, плохо, на один день, а потом бы кричали о своих «успехах» денно и нощно. Тогда власть была народной, и именно поэтому поразительной верой в неисчерпаемые силы народа веет от царских указов.

Соликамский крестьянин Артемий Сафронович Бабинов был землепашцем, ловил зверя в отрогах Уральского хребта, он и стал тем «охочим человеком». Указ Царя Федора от 1595 г. был выполнен за три (!) года. Была проложена дорога в триста километров через нехоженную тайгу, болота, буераки, каменные завалы. Одних мостов, если их составить вместе, было построено девять километров (см. Николай Коняев. Рассказы о землепроходцах. Л., 1987). 11 января 1598 г. дорога была готова, и по ней пошли подводы из России в Сибирь. За один 1599 год прошло по бабиновской дороге более тысячи крестьянских семей. «Дешевизна строительства дороги изумила и современников Бабинова». За двадцать лет были возведены десятки городов в Сибири: Верхотурье (1598), Туринск (1600), Томск (1604), Туруханск (1607). Смутное лихолетье не остановило строительства городов, и в это время поднялись Кузнецк, Енисейск, Ачинск, Ишимск, Якутск, Красноярск...

Дело заселения Сибири было продумано царским правительством до мельчайших деталей. Без всякого насилия, с заботой о крестьянине. Каждая семья получала подъемных пять рублей при сборе в дорогу, а остальные 15 рублей по прибытии в Соликамск. Здесь местные воеводы расходовали часть «подможных» денег на то, чтобы обеспечить каждого переселенца тягловым и продуктовым скотом. За каждую купленную скотину отчитывались. Чтобы не было злоупотреблений, в деле этом участвовали местные посадские, пользовавшиеся уважением среди своих односельчан. Поселенцам выделялся семенной фонд — рожь, овес, ячмень, на пропитание — мука, толокно, крупа, «смотря по людям и по семьям, как кому можно до нови прокормиться». И Царь указывает: «А на себя велели им хлеб всякий пахать, чем им сытыми быть или бы как нам прибыльнее, а им бы, пашенным людям, потому ж в пашне тягости не было». Переселенцы и строители городов, стрельцы и землепашцы шли по дороге, проложенной Артемием Бабиновым, землепашцем и охотником, от Соликамска до Тобольска. Бабинов не был забыт Царем и властями. Он был освобожден от оброка, ему была дана земля, участок для охоты, и немалый. Он построил еще село, нашел удобную землю для другого села, занимался улучшением дороги. Обычное дело для Руси Московской... «Охочие люди» ее и создавали.

Влияние лучших торговых людей на финансовую политику правительства можно видеть по следующему случаю. В январе 1681 г. им был дан Указ Царя с боярским приговором выбрать по разным городам России голов к таможенным и кружечным дворам и делам. Гости, все взвесив, ответили, что это дело невозможное: «Они не знают лучших людей, которые одни могут быть выбираемы; да и потому, что посадские люди, обыкновенно, кончают свои выборы к 1 сентябрю, к Семену дню, и, выбрав, разъезжаются по России, для торговых промыслов, так что, если бы даже гости знали всех лучших людей городов, и тогда бы их выборы были несостоятельны, по возможному отсутствию избранных. Сверх того, выбранные самими посадскими уже сделали запасы, которых новые головы не примут по настоящей цене» и т. д.

Правительство вполне согласилось с доводами гостей, лучших торговых людей.

Правительство постоянно обращается за помощью к опыту торговых людей в делах финансовых и получает помощь. Скажем, Данила Строганов с гостиной и других сотен торговыми людьми предлагает заменить множество мелких поборов одной рублевою пошлиной, издать для того указ и положить его во всех таможенных избах «бескровно», то есть открыто для каждого. Государь повелел исполнить это предложение.

Акты смет и окладов, устанавливаемых правительством относились сразу к большим местностям, к уездам и городам. Любопытно, однако, как производилась раскладка податей в подробностях живого дела.

Где бы ни происходила такая раскладка — в городской слободе или в деревне, — она включала одни и те же элементы. В правительственных актах устанавливалось, чтобы мирские розрубы «совершались уездными людьми самими». В общине, получив общую смету, избирали окладчиков в равном числе от каждой статьи населения: по двое из лучших, средних, молодших людей и из казаков, то есть работников, во исполнение общего правила, чтобы «богатым во льготе, а беднейшим в тягости не быть». Вот эти восемь избранных человек — окладчиков — и должны были разверстать подати подворно по количеству засеваемой земли (обеж) или по промыслам и торговым успехам, но во всяком случае «в Божию правду, другу не дружа и посулов не принимая». В городах и посадах было принято, что те, кто не торгуют и производят продукты только для себя, освобождались полностью от податей.

Жители, обложенные таким образом, уже не могли уклониться от платежа.

Земское начало было обязательным и в судебных делах, вплоть до конца XVIII — первой половины XIX веков, даже в делах уголовных. Обязанность присутствия земщины на суде узаконивалась и Первым Судебником: «Без дворского, без старост и лучших людей, целовальников, суда наместникам и волостелям не судити». По другому указу XVI века «сельским приказчикам творить суд над крестьянами (следует) в присутствии священника и выборных от крестьян 5 или 6 человек».

Когда однажды помещик жаловался на скудость поместья и невозможность нести назначенную службу, то правительство указало произвести расследование крестьянам, которые должны были установить, действительно ли причина оскудения не зависит от помещика или она от его небрежности (Соловьев, т. VII).

Положение личности в его отношении к государству утверждалось в древнем домовом праве, освященном Уложением 1649 г. (гл. IX, ст. 138—139). По этому домовому праву ответчик, требуемый к суду, мог «почитать свой дом своим царством», куда пристав не имел права проникать и должен был для исполнения своей должности поджидать ответчика на улице. Если ответчик отбился от пристава, то к нему снаряжался пристав вместе с подъячим, и, не доходя до дома ответчика, они должны были взять с собой понятых, и только тогда уже они могли войти, но только во двор, не далее, и отсюда объявить ответчику, что он «не гораздо сделал отбившись силою» и т. д.

В. Лешков делает такой вывод: «Невероятно, чтобы произвол и случайность могли породить столько добра и выказать столько ясного понимания дела».

Продолжение в следующем номере.

ЛИТЕРАТУРА:

Бакунина Т. А. ЗНАМЕНИТЫЕ РУССКИЕ МАСОНЫ. Париж, 1935.
Бутми Н. А. КАББАЛА, ЕРЕСИ И ТАЙНЫЕ ОБЩЕСТВА. СПб., 1914.
Вернадский Г. В. РУССКОЕ МАСОНСТВО В ЦАРСТВОВАНИЕ ЕКАТЕРИНЫ II. Пг., 1916.
Гекерторн Ч. ТАЙНЫЕ ОБЩЕСТВА ВСЕХ ВЕКОВ И СТРАН. СПб., 1876.
Лешков В. Н. РУССКИЙ НАРОД И ГОСУДАРСТВО. История общественного права до XVIII века. М., 1858.
Папюс. ГЕНЕЗИС И РАЗВИТИЕ МАСОНСКИХ СИМВОЛОВ. СПб., 1911.
Папюс. КАББАЛА, ИЛИ НАУКА О БОГЕ, ВСЕЛЕННОЙ И ЧЕЛОВЕКЕ. СПб., 1910
Платонов С. Ф. ЛЕКЦИИ ПО РУССКОЙ ИСТОРИИ. СПб., 1913.
Чичерин Б. Н. ОБЛАСТНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ В РОССИИ XVII в. М., 1856.

ЛИТЕРАТУРА

Рассказ
Повесть
Роман

ВЯЧЕСЛАВ МАРЧЕНКО

Рождество твое...

Катерина уже выучилась читать и читала все подряд: «Детскую Библию», «Кощея Бессмертного», пушкинские сказки, «Евангелие». Я спокойно относился к столь широким литературным интересам Катерины, но «Похождения Незнайки» буквально доканали меня.

— Может, ты имеешь в виду «Дядю Степу»? («Дядя Степа» уже лежал в моем столе.)

— Нет, — убежденно возразила Катерина, — «Похождения Незнайки».

К сожалению, я не был Дедом Морозом и не обзавелся заранее бездонным мешком с подарками, поэтому, выбрав свободный денек, отправился по магазинам, потолкался в одном и в другом, намял себе бока, естественно, ничего не купил, а при выходе из магазина приобрел у частника за червонец свистульку из необожженной глины.

— Это для чего? — спросила жена.

— Дудеть будет, — сказал я.

— Странно, — сказала она.

— Ничего, — возразил я. — Подудим в полночь, может, до чего и додудимся.

И точно — додуделись: одна хорошая знакомая прислала в подарок Катерине новенький ранец (отстояла в очереди часа три, расстаралась для Деда Мороза), жена в старых коробках нашла Катерине калейдоскоп, о котором она совершенно забыла, и, наконец, другая знакомая в самый последний день уходящего года привезла «Похождения Незнайки». Таким образом, у деда Мороза нашлось все, о чем мечтала дочка.

Новый год Катерина встретила с нами, даже произнесла тост в таком роде, что «за окном метель, а у нас тут тепло, и, значит, она желает всем здоровья», хотела произнести еще один, но взрослые уже маленько подпили, хотели сами поговорить и Катерине больше слова не дали. Она заскучала, посидела еще недолго с нами и пошла к елке, под которую жена уже успела положить ранец с книжками, калейдоскопом и прочими дарами Деда Мороза.

Катерина, видимо, тотчас увидела ранец (он был яркий, нарядный, шили его, кажется, в Германии), издала радостный вопль, тут же вернулась, запыхавшаяся, щеки разрумянились. Мы помогли открыть ранец — замки были тугими, — Катернна извлекла из него калейдоскоп с «Похождениями Незнайки», что-то еще, постоянно приговаривая:

— Я знала, что Дедушка Мороз добрый. Я все знала... — Она поклонилась темному заиндевевшему окну. — Спасибо тебе, Дедушка Мороз... Спасибо.

Утром я поднялся раньше других, собрался на улицу и увидел под елкой запечатанный конверт. Писала Катерина цветными карандашами, и адрес был такой: «С. Полюс. Лд. 1» (видимо, первая льдина). Я спрятал конверт и отправился на улицу, а когда вернулся в тепло, сияющая Катерина сообщила:

— А мое письмо Дед Мороз забрал.

— Какое письмо? — деланно удНвился я.

— А которое я писала Деду Морозу на Северный Полюс...

— Скажите-ка, — пробормотал я.

— Он мне и под Рождество чего-нибудь подарит.

— И чего же он подарит?

— Красную Шапочку.

— У тебя же есть Красная Шапочка.

— А та порвалась.

Я подумал-подумал («беречь бы надо») и сказал с безжалостным убеждением (в конце концов, Красной Шапочки могло в магазине и не быть):

— Обманет.

Катерина даже рассмеялась.

— Не-е, Дедушка Мороз детей не обманывает.

«Дед Мороз, понятное дело, не обманывает, — подумал я, — только мне-то что прикажете делать?»

Я никогда не любил заннматься покупками и магазины старался обходить стороной, в наше же время, когда полки опустели, а очереди озверели — меня туда и калачом не заманишь, но ведь то был я, а тут, как говорится, вступил в роль Деда Мороза, великого добряка, у которого последняя копейка и та — пополам.

Мне повезло в первом же магазине: я еще от двери увидел на верхней полке прелестную цветочницу с корзинкой роз и в красной широкополой шляпке, конечно же, не Красная Шапочка, но весьма похожая на нее. Я думал, что она отштампована из пластмассы, но она оказалась из мраморной крошки, правда, тоже не ахти что, но все-таки уже не ширпотребовская дешевка, и стоила она прилично, так что Дед Мороз и на Рождество Христово не подкачал.

Катерина вместе с нами прослушала заутреню, которую передавали по телевидению из Богоявленского Елоховского собора, на литургию ее уже не хватило, и она пошла спать, но тут же вернулась.

— Я же говорила... Я же говорила. Значит, дошло мое письмо.

— Понятное дело...

Через полчаса я пошел проведать Катерину. Она сидела на постели, печально подперев щеку розовым кулачком.

— Знаешь, папа, — сказала она, — на нее можно только смотреть, а играть с нею нельзя.

— Ты только посмотри, какая она красивая.

— Красивая, — согласилась Катерина, — а играть нельзя.

— Но ты же сама просила Деда Мороза, чтобы он подарил тебе Красную Шапочку.

— Просила... Только я думала, что он не такую принесет.

— Ты, наверное, неясно написала, вот он и не понял.

Катерина задумалась.

— Нет, я, по-моему, написала хорошо. Печатными буквами.

«Однако, — подумал я, — не такая это простая штука быть Дедом Морозом».

— Наверное, ты все-таки плохо объяснила, какую тебе нужно Красную Шапочку.

Катерина вздохнула.

— Но я же не знала, что их много.

— Ничего, — сказал я бодрым голосом, — на будущий год он принесет тебе такую, какую ты захочешь. А теперь полюбуйся на эту. Красивая же, верно?

— Красивая, — согласилась тусклым голосом Катерина.

Утром Катерина поднялась раньше всех — случай исключительный, — баюкала свою Красную Шапочку и тоненьким голоском напевала ей: «Рождество твое, Христе Боже наш...» Никто ее этому не учил, мы сами — жена и я — впервые прослушали заутреню и литургию, божественного читали мало, да и с книгами было скудновато, но Катернна где-то умудрилась вычитать.

Впереди еще был старый Новый год (очевидная нелепость — старый Новый год, но русский язык за семьдесят с лишним лет так изгадили, что эта нелепость уже вроде бы и не считалась нелепостью, привыкли), но Катерина больше ничего не загадывала и не говорила нам, каких очередных даров ждет она от Деда Мороза, но судя по всему — ждала, и я все думал, что надо бы не пропустить этот день и купить что-нибудь Катерине, но праздников оказалось многовато, а дел невпроворот, и я, замотанный, естественно, ничего не присмотрел: в одни магазины было не войти, в других ничего не было.

Катерина рано утречком побежала к елке, вернулась обиженная, даже не обиженная, а словно бы по-взрослому огорченная, гулять с нами отказалась и осталась дома, а когда вечером на огонек заглянула соседка, жена, собрав на стол чай, вышла за конфетами и тоже вернулась огорченная: пакет был почти пустой.

— Катенок, ты не знаешь, куда делись конфеты?

Катерина не стала запираться.

— Мне было так горько, — бесхитростно сказала она. — И так захотелось подсластить горькую жизнь.

— Но там же их было много...

— Я много и сластила.

— А фантики куда дела?

— Я их за диван бросала, чтобы вы не заметили.

Отодвинули диван, собрали фантики.

— У тебя же будут зубки болеть, Катенок.

— Я знаю, мамочка, но мне так было горько.

Елку решили разбирать после Крещения, а незадолго до этого дня я вошел в Катеринину комнату: свечи были зажжены, большой, важный Дед Мороз, обсыпанный блестками, тихо сиял в колеблющемся свете, а перед ним стояла на коленях Катернна, истово крестилась, приговаривая:

— Отче наш, иже еси на небесех...

Я вернулся, тихо притворив за собою дверь и начал переодеваться. Жена насторожилась.

— Ты куда?

— В город... Там Катеришка молится. Дело, по всему похоже, серьезное.

Жена помолчала.

— Знаешь, я иногда завидую Катенку. У нее есть вера.

Я тоже помолчал. «Господи, — подумал я, — а где наша-то вера? О Господи...»

ПЕТР КИРИЧЕНКО

Буду жить?

И тут Марьяна Петровича настигла мысль, что это был вовсе не сон в его обычном понимании и что он самым удивительным образом заглянул в будущее, когда люди действительно не захотят жить по-старому; и, возможно, теперь, когда он сидит за столом, видит фотографию, вспоминает, уже началась новая эпоха, началась незаметно и буднично, а поэтому ее приход заметили немногие.

Автор

В тридцать семь лет жизнь Марьяна Петровича крепко надломилась, и так бежала не гладко, а тут сделала внезапный соскок, как пугливый зайчишка, заметая следы, сигает в сторону и попадает в силки. Год назад Марьян Петрович похоронил жену, отправил к родителям в Тамбов пятилетнего сына и несколько месяцев жил как во сне, пусто и бесцельно: сидел в редакции, каждый день что-то делал, с кем-то говорил, подписывал какие-то бумаги, не очень-то вникая в то, что происходило вокруг, вовремя уходил домой, и ничто его не трогало. В голове крутились одни и те же мысли: больница, лекарства, вспоминались пустые, безликие и оттого пугающие коридоры, пропахшие карболкой и нашатырем, похороны в дождливый день, заплаканное лицо матери. Все это вцепилось в него крепко, но через время, сжалившись, немного отпустило. Он наведался к старикам, взглянул на сына, вернулся в Москву и жил работой, воспоминаниями, прошлым, тем прошлым, в котором была семья, когда ждала дома жена и когда думалось веселее. Жена и в первый раз рожала тяжело, но никто не мог предположить, что все так обернется: заражение крови и смерть.

Наконец-то принесли полосу. Марьян Петрович вычитал и подписал. Теперь можно было отправляться домой, но вспомнил, что надо занести кошелек одной старушке. Та пробилась в редакцию, — как только и прошмыгнула мимо постового? — просила напечатать письмо и тем самым вернуть сына, который, как она сказала, десять лет и носа не кажет, колесит где-то по стране.

Выходя из редакции, Марьян Петрович почувствовал слабость в ногах, озноб и понял, что заболевает. Болезни, однако, решил не поддаваться, зная из опыта, что она только и ждет, когда ей подмигнешь. И смело направился на остановку. Старушка жила в Николощеповском переулке, выпадал изрядный крюк и оказывалось не очень-то по дороге. Автобусом добрался до Садового кольца, пересел в троллейбус, где удушливо тянуло из-под пола жженой резиной, смотрел на вечерние огни Садового, на редкие снежинки, на прохожих и думал свое старое и надоевшее. Впрочем, не только старое. На прошлой неделе он снова получил письмо от сестры жены — Ольги, и в нем, кроме сожаления по покойной, проглядывала грусть иного рода. Ольгу он видел всего лишь дважды, а последний раз — лет пять назад, когда они всей семьей гостили в Москве. После со слов жены узнал, что Ольга с мужем развелась, вроде бы тот запил, не то всегда был с дуринкой, точно и недобрал, выслушал сетования жены на то, что мужчины стали мягкотелые, блажные, невдолге, пойдут по миру с протянутой рукой; взглянул на жену удивленно, не совсем понимая сказанное, и кивнул, когда она заговорила, что неплохо бы полететь в гости; загорелась, принялась уговаривать, доказывая, что не помешает развеяться от столичного житья, от спешки, нервотрепки, и добилась от него твердого слова. Марьян Петрович согласился, но сделал все, чтобы поездка не состоялась: лететь самолетом в Читу он попросту боялся, а тащиться поездом казалось утомительным. И вот теперь, получив два письма, он прикидывал, как бы деликатнее пригласить

Ольгу в Москву, поговорить с нею, повидаться, а там — как бог даст: согласится она, то они могли бы сойтись и жить, пожалуй, вместе.

На Арбате, несмотря на поздний час, было многолюдно. Снег падал все гуще, и желтые фонари, несуразные, как всякая подделка под старину, увиделись наряднее и теплее. Дом он нашел без труда, поднялся на этаж, позвонил. На счастье, вышла сама старушка, так что не пришлось ничего объяснять. Правда, она долго смотрела то на кошелек, то на гостя, затем вспомнила, признала утерянное и заохала:

— А я-то, милый, и не кинулась! Ай-ай, глупая!.. Столько людям беспокойства. Спасибо! Проходите, я вас чаем напою. Надо же!

От угощения Марьян Петрович отказался, поехал домой, надеясь поскорее лечь в постель, согреться и забыться сном. Дома заварил чай, густо намешал с малиной, прогоняя болезнь. Уснул, но отчего-то вскоре пробудился, лежал в темноте и с болезненной лихорадочностью думал сразу обо всем: о работе, об Ольге, об одиночестве в жизни. Болезнь вцепилась, видать, крепко: морозило и было тяжело на сердце. Попробовал отмахнуться от мыслей, потому что все было давно думано и передумано и ничего утешительного не отыщешь даже при великом старании, а Ольга жила так далеко, что и не представить. Стало жаль себя до невозможности, одинокого, больного, и подумалось: жизнь такая суждена до скончания века. Мысль эта, приходившая не впервые, теперь ужаснула настолько, что он сказал в темноту: «А за что?» — перевернулся, будто бы отворачиваясь от грустного и стараясь вспомнить что-нибудь хорошее. Ведь было же в его жизни хорошее? Было, но в эти минуты не вспоминалось. И бессвязно пришло, что не надо вовсе писать Ольге, что все это бесполезно, глупо, и тем более думать об этом глупо, когда такая тяжесть на сердце. И внезапно, как это бывает только в снах, увидел, что плывет на теплоходе, скучает от однообразия корабельной жизни, но чувствует себя легко, здорово и в силе. Показалась пристань с торчащими журавлями — башенными кранами. Вместе со всеми он сошел на берег, ехал в машине по незнакомому городу в аэропорт. И как-то чудно во сне недели уложились в минуты, а главное — пришло ощущение иной жизни, крепости и силы, когда живешь и не задумываешься, здоров ты или нет. Ясно, что здоров. Оттого и настроение было иным: ему было спокойно, весело, и казалось, только начал жить.

В самолет Марьян Петрович взбежал легко, кивнул девушке у входа, отметив, что она очень даже симпатичная, а после сидел у иллюминатора, смотрел на землю, на облака, уплывавшие медленно назад, и хотел только одного: поскорее увидеть долгожданный городок — какой он? Пока самолет снижался, Марьян Петрович успел разглядеть десяток улиц с приземистыми домиками, крытыми то черепицей, то жестью; просторную площадь в центре, к которой подступал щедро нарезанный ломоть зелени — наверное, парк. Зеленели сады, а у крайних домов начинались прямоугольники полей, кое-где пожелтевшие, и от этой увиденной сверху желтизны вспомнилась ему стерня после покоса, осенняя земля, и почудилось, потянуло дымком с огородов, картофельной ботвой и пересохшей пылью. Краснели крышами одиночные постройки — дома, фермы, сараи, белели, извиваясь, проселочные дороги. Когда самолет накренился и заскользил влево, блеснула водой узенькая речка, охватывавшая центр городка излучиной; с высоты она казалась ужиком в зелени травы.

Лететь было приятно, легко. Марьян Петрович снова любовался крышами, на одной рассмотрел что-то похожее на задиристого петушка, но самолет вдруг резко нырнул и оказался на зеленом поле. Пробежал немного и остановился. Пассажиры засобирались, потянулись к выходу. Марьян Петрович прихватил свой чемоданчик и вышел в числе последних. На трапе на него повеяло теплом погожего дня, свежестью зелени, и ветерок налетал приятный, бодрящий. И тут, словно бы кто нашептал на ухо, он понял, что его встречают. Оглядел летное поле, и точно: чуть поодаль стояли трое: мужчина и две женщины. Мужчина вглядывался в лица пассажиров, а женщины оживленно разговаривали. Марьян Петрович, отбросив всякие сомнения, смело направился к тем троим, и они, помедлив, двинулись ему навстречу.

— Добро пожаловать! — сказал мужчина, крепко пожимая руку. — Признаться, заждались. Сердечно рады видеть вас на нашей земле.

Он представил женщин, и те защебетали, посыпались вопросы — как долетел, не измучил ли океан, как теплоход? Марьян Петрович заверил, что чувствует себя вполне бодрым, признался, что немного скучал на теплоходе, томился, потому что хотелось поскорее добраться, а вот полет оказался просто удовольствием; и женщины, судя по улыбкам и дружественным кивкам, остались довольны.

— Билл! — представился мужчина, взглянув на спутниц так, словно бы просил их поумерить свой пыл. — Прошу!

Билл повел рукой, и Марьян Петрович увидел метрах в двадцати чудесный двухдверный фаэтон с опущенным верхом, запряженный парой вороных, крепких, ухоженных, с блестящими боками. Он приятно удивился, подумав, как причудливо сошлись на летном поле самолеты и лошади и как это в наше время всесильной нефти умудряются встречать гостей по старинке. Весело взглянул на Билла, на женщин, как бы мысленно говоря, что он согласен и на такое приключение. Билл радушно кивнул, и они пошли к фаэтону.

Билл был невысоким, крепким и ладным мужчиной лет сорока; в его жестах, в голосе чувствовались уверенность и спокойствие человека, который ничего дурного в жизни не совершал и точно знает — и не совершит. Взгляд имел ясный, а лицо — свежее, загорелое, обветренное. Такие лица могут сохраняться только в деревне, на открытом чистом воздухе. Спутницы Билла тоже понравились. Все это Марьян Петрович отметил как бы вскользь, потому что его занимало совсем другое: наконец-то он встретился с теми людьми, к которым давно стремился, больше того, он понял, что эти люди близки ему по-братски и что с этой минуты ему незачем тревожиться — никогда он не будет одиноким. В его голове образовался рой мыслей, он едва удерживал их, чтобы не разлетелись. Как-то по-новому увиделось, что добро рождает только добро, что если человек злой, то это как бы и не совсем человек... что надо заботиться не только о родных и близких, но обо всех без исключения, потому что все — люди, и в этом и являлась высшая правда... мелькнула мысль, что без любви все погибнут.

— Вы совершенно правы, — сказал Билл, когда рассаживались в фаэтоне. — Перелом и наступил, когда мы поняли, что жизнь возможна только во имя другого. В этом и есть спасение. Но еще — чтобы и чистота мира, удивление перед каким-нибудь цветком, былинкой на обочине дороги, перед болотом. В вашей книге такая жизнь подана художественно, а поэтому влияние ее необычайно велико. Наверное, нет такого, кто не читал бы. В этом вам придется не раз убедиться, — закончил он, помолчал и взял в руки вожжи. — Теперь — в гостиницу. Пошли, милые! Но! Вы написали, что увидевший однажды, как пробивается росток, будет другим человеком, — продолжал он, когда тронулись, и повернулся к растерявшемуся Марьяну Петровичу. — Это точно, и для этого надо жить на земле. Меня лично удивило, когда дошел до того места, где вы говорите, что литература и не нужна, но подумал... Кажется, мы вас поняли.

Билл засмеялся, женщины кивнули, подтверждая мысли своего спутника, одна из них уверила Марьяна Петровича, что его книга есть в каждой семье и что ее лично привлекла линия безответной любви. А Марьян Петрович никак не мог сообразить, откуда Билл узнал его мысли. Разве что он подумал вслух? Наверное, так оно и произошло. Что же до книги, то он в жизни не сочинял никаких книг, читать читал, но до писания, извините, не дошел. Он собрался высказать это шуткой, дескать, извините,

не дошел, но засомневался: а вдруг писал? Ведь живет он на свете почти сорок лет, видел жизнь, и ему есть что сказать людям. И тут же уверился, что книга была им написана, более того, он знал, что в ней.

Билл правил с достоинством и по-хозяйски уверенно, так что катили они с ветерком. Пересекли поле и выехали на асфальтированную дорогу. Копыта зацокали веселее, и под этот позабытый перестук Марьян Петрович рассматривал окрестности — закрайки полей, зеленую обочину, столбы с проводами, водоразборную колонку, красную и фундаментально-чугунную, стоявшую при дороге, казалось, совсем даже не на своем месте. Как говорят, ни к селу ни к городу.

Приближались первые дома городка, и вскоре они въехали в прямую тесную улочку, доцокали до площади, где стояла двухэтажная гостиница с венецианскими узкими окнами, нежно-синяя, будто бы сегодня покрашенная. Двери ее были распахнуты настежь, а ведущие к ним несколько ступенек влажно блестели на солнце. Вестибюль оказался тесноватым, но уютным: между окнами и конторкой портье стояли на ковре три кресла и низенький столик; а чуть поодаль — разросшийся фикус в ведре на табуретке. Билл сказал, что подождет внизу, женщины незаметно исчезли.

Одноместный номер понравился — чисто, уютно, нет ничего лишнего: стол, кровать, два кресла, шкаф. На стене висели два пейзажа в строгих узких рамках. Весна, талая вода, остатки снега и черные еще кусты. Словом, Марьяну Петровичу все очень даже показалось, но мешкать он не стал: выложил пожитки из чемодана, ополоснул лицо под краном и причесался перед зеркалом. Выходя из номера, споткнулся на пороге — недобрая примета, — но тут же подумал, что в городке такие приметы ничего не значат.

— Прогуляемся немного, познакомитесь с городом, — сказал Билл, когда Марьян Петрович спустился к нему. — Увидите наши достопримечательности, а потом нас ждет обед.

Они вышли на площадь и неторопливо пошли по какой-то просторной улочке с одноэтажными домами, разномастными заборами, уютными садиками. Марьян Петрович присматривался к домам и дворикам, понимая, что наблюдает чужую жизнь впервые. Но странно, чем дальше они шагали с Биллом, тем больше ему чудилось, что все это он видел и знал раньше, и не как-то там вообще знал и видел, а конкретно. Он загадал, что за двумя домами слева появится кирпичный — с узкими ставнями и крашеными зелеными углами. Так оно и было: ставни, зеленые углы, выведенные строго по отвесу, а в самом верху — зубчиками из кирпичей. Красиво. Марьян Петрович поглядел на дом, как на давнего знакомого. Потому ли, что сбылось загаданное, или по другой причине, но настроение держалось хорошее, ровное, и идти было легко. Солнце подкрадывалось к зениту, пригревало все чувствительнее, и Билл вести старался гостя в тени. Встречные люди сдержанно, но приветливо им кивали, а одна женщина в широкой накидке и светлой шляпе спросила, где находится аптека. Билл показал ей дорогу.

— Приезжая, — догадался Марьян Петрович, когда женщина поблагодарила, поклонившись едва заметно, с достоинством, и пошла себе. — Гостит у родных?

— Или приехала поглядеть...

— Мне у вас нравится, — продолжал Марьян Петрович. — Дышится легко, спокойно, даже не пойму, в чем тут дело. Вроде бы обычный городок.

— А легко, — согласился Билл, улыбнувшись. — Это все замечают, но странного в том ничего нет. Машины не бегают, людей не пугают, нет спешки: это настраивает на спокойствие, раздумья. У нас много чего нет: нет ни околотка, ни тюрьмы... Вот вы спросили о женщине. Возможно, у себя дома она бегает за автобусом с двумя сумками, ругается с соседкой, а приехала к нам и переменилась. Конечно, не стала другой, нет, но городок наш и люди настроили на спокойный лад. С первых минут ей ясно, что здесь не надо бегать, толкать локтями, доставая что-нибудь. Мы не так богаты, но все, что имеем, достанется и ей. Главное, что она не будет забыта. Поживет у нас и поймет, что между двумя автобусными остановками в будущее не вскочить, а ведь именно этим сейчас люди и занимаются. Сложный вопрос, но ясно, что без спокойствия нечего и пытаться.

— Понятно, — протянул неуверенно Марьян Петрович, потому что до понимания было далековато. — Бог с ним, с будущим, а как же без тюрьмы? Это настолько сжилось с нами, что и помыслить дико. Да и нарушители, наверное, бывают, хотя бы хулиганы. Неужто нет? Человек сложная натура, бывает, сам себе не угодит, не то что другому.

— Натура не простая, — кивнул Билл и взглянул на Марьяна Петровича хитровато. — А вы не думали, что если есть тюрьма, то это само по себе предполагает, чтобы там и заключенные были? И выходит, если взглянуть с другого боку: нет ее, то не должно быть и... Вопрос, кстати, интереснейший: если вспомнить, то многие начинали со свободы, а заканчивали тюрьмой...

— У некоторых и государство свелось к тюрьме, — поддержал Марьян Петрович, намекая на одного философа. — Тем более интересно, как же вы умудрились.

— Особой мудрости нет, хотя и у нас бывает по-всякому. Но когда начинали, то сказали: «Тюрьмы не будет!» Наверное, это подействовало, а главное, равенство. Не то, конечно, о котором столько кричат. Настоящее. Больше ничего и не требуется. Были, правда, такие, кого занесло случайно к нам, но серьезных проступков не припомню. В этом-то вопросе мы кое-что поняли.

Билл неожиданно замолчал, посчитав, наверное, что объяснил достаточно полно; Марьян Петрович ждал, очень уж его заинтересовал вопрос этот: не вязалось как-то, чистейшая утопия. Они проходили как раз мимо двора, возле ворот которого хозяин снимал лопатой коровьи лепехи.

— Вы не торопитесь все охватить, — вдруг сказал Билл, — поживете, пообвыкнете, и многое покажется обычным. И не забывайте, что здесь собрались люди, которые решили так жить. — Билл нажал на слове «так», давая понять, что именно это и важно. — А другие пусть живут по-своему. Не приглянулось у нас, поезжай куда хочешь, как говорят — куда глаза глядят. Воля твоя... Видели, вышел хозяин, ковырнул корж, кинул в огород. И снова чисто, а от машин не отмыться. Потому мы и решили: в городе ни одной. На работах, там бегают несколько, а здесь...

— Подождите, подождите, — произнес раздумчиво Марьян Петрович, потому что в этот момент ухватил, казалось, самую суть, — а если кто набедокурит, не по совести пойдет, что вы делаете? Осуждаете его, стыдите?

И он взглянул на Билла так, словно бы хотел сказать: «Мы, братец, тоже не лыком шиты!»

— Ничего.

— Как, ничего? А наказание?

— Ничего, — повторил Билл весело, — а уж наказание это или прощение, пусть каждый решает. Кстати, дня через два будет готов ваш дом, так что можете приступать к работе. И дом, и сад, и огород. У нас без этого никто не живет. И даем не по шесть соток, как некоторые, лишь бы отбояриться. Нет, человеку простор требуется, вольготности хочется. А на вас, признаюсь, у нас надежда большая. Люди верят вам, верят написанному, а самое важное — жизни вашей. Не то ведь бывает так, что и пишет вроде бы правильно, и говорит справедливо, но живет иначе. А народ обмануть никакими словесами невозможно.

Марьян Петрович подумал, что написанная им книга — особенная, и вспомнил, что в свое время, работая над нею, многое передумал: о жизни людей, о справедливости, о свободе и о том, что простых людей дурачили во все века. Он пришел к мысли, что будущее возможно только без насилия, при равенстве людей, народов, государств. Вспомнить страшно, сколько он бился над вопро-

сом — как создать такую общину, где решали бы сами люди: ведь если человек хозяин, то никто лучше него не знает, как делать и что делать. Марьян Петрович твердо уяснил, что рано или поздно человек должен стать свободным, нельзя же, в самом деле, говорить о будущем и пребывать в рабстве. Ему чудилось, что как раз эту мысль от людей скрывали, потому что всегда были любители подчинить, накинуть ярмо, приговаривая при этом что-то о равенстве, о милосердии...

— А то как же, — подтвердил Билл так, словно бы услышал мысли спутника. — Из-за этого и идет в мире свистопляска. А уж как распишут-расхвалят, так преподнесут, что сам шею склонишь. Хитрованы, что и говорить. Но все же в нашем городе осуществились ваши замыслы, впервые осуществились. Правда, вы предрекали, что люди придут к этому через многие беды, через хаос и смертоубийство, надеялся вволю человечины и лишь после выйдут на мысль о новой жизни, но у нас сладилось не так: шуму было много, но обошлось без резни и смертей. Возможно, мы поняли что-то более важное? Да и будет ли настоящая жизнь после резни? — Билл не то спросил, не то сказал и взглянул на Марьяна Петровича так, словно бы давал понять, что с этим-то выводом он не согласен. — Вряд ли: настоящей жизни не получится. Да и подход, надо сказать, не тот. Кто хочет жить среди железа, пусть живет, пока глаза не прояснятся, мы к себе за рукав не тянем, но и просим не мешать. Мир огромен, всегда найдутся такие, кому ближе бетонные города, нежели поля. Но и начинать-то надо было, а начинать, скажу вам, тяжело: мало кто верил, что можно жить по-другому, потому что крепко людям задурили голову чепухой. И агрессивен человек, и ленив, и что только не несли, но никто не хотел признать, что никогда прежде не говорили люди между собой языком человеческим.

— Этого-то боялись больше всего, — заметил Марьян Петрович, чувствуя, как ему по душе такие мысли. — Боялись и знали, что если люди заговорят, то непременно придут к согласию, тем более — подступили к гибели. Потому мы и говорили в самом начале: хотите жить — думайте, а задумаетесь, то постигнете, что нет в мире избранных, кроме самозванца, и жизни ваши в ваших руках. И — город перед вами.

— Один город, один, как остров.

— Ничего, будет и другой, и третий. Данте время. Не помню, кто писал, что люди хотели бы отыскать остров какой-нибудь, поселиться там и жить по совести. Островов свободных теперь нет, да и не уйти никуда, не спрятаться, а жить по совести можно. Дайте человеку землю и свободу, а там поглядим, ленив он, агрессивен? Чепуха! Давно сказано: последние станут первыми, а первые последними, ибо много званых, но мало избранных. Нас все пугали утопией, как только люди тянутся к лучшему, сразу: «Утопия!» И никаких гвоздей. А вот теперь эта самая утопия стала реальностью. Так что появятся города, появятся, и никто не сможет помешать. Люди уяснили, что их дурили, провозглашали всякие там цели, создавали какие-то выморочные трудности. Пустое все это, пустое, как поиск смысла жизни.

— А ведь столько бились над этим.

— А это — чтобы о другом не думали. Мы идем, вот и смысл...

Они прошли улочку до конца и попали через невысокую деревянную арку в парк, где в тени дубов и кленов держалась живительная прохлада и где дорожки желтели промытым песком. Шли неторопливо, разговаривали, и вскоре впереди показался фонтан с потрескавшейся штукатуркой; вода взлетала метра на три и рассыпалась мелкими брызгами. Едва приметный ветерок нагонял морось в одну сторону, и песок там потемнел, а трава виделась изумрудно-зеленой. Откуда-то доносило запах свежеразрезанного арбуза. Воздух был чистым, приятным, и дышалось так, как дышится при грозе — озоном. Они обошли фонтан, постояли, любуясь игрой солнца в воде.

— Солнце и вода, — сказал задумчиво Марьян Петрович, стараясь не упустить пришедшую мысль. — Что еще людям надо. Билл, — он повернулся к спутнику и проговорил горячо, с восторгом: — Неужели началось? Сколько же надо было пройти, чтобы вернуться к старому, как говорится, на круги своя. Умом я все понимаю, вижу, а не верится. Сколько вбивали в головы: «Утопия, утопия!» А ведь об этом мечтали лучшие умы.

— Вернулись к себе, — улыбнулся Билл так, что было понятно: он принимает и восторг Марьяна Петровича, и неверие. — К себе, к земле, к тому, от чего тысячелетия уходили. Ведь это первый горожанин, как только появился, так и повел людей не туда. Отсюда и беды начались, разлад, сознание искривилось, и как-то само собой стало ясно, что город выше деревни. С каких это пор? Это только в дырявом анекдоте...

— В каком?

— В дырявом.

— Ага, — кивнул Марьян Петрович, хотя и не понял, отчего это анекдот дырявый.

— Прежде чем судить человека, — продолжал Билл, — дайте ему землю, дайте возможность вырастить на ней пусть не сад, не злаки, но — былинку, куст сирени, дайте те минуты, когда он вглядится в зарождение жизни, и вы его не узнаете. Тайна рождения жизни из солнечного света покорит его, потому что это единственная тайна, которая удивляет разумного. Все остальное пыль и тлен, куда бы мы ни забрались, в какие бы дебри ни завлекло нас. Набухшая почка — вот это и есть красота. Об этом мы и говорили, когда начинали, а нам не верили, завидовали, угрожали, пытались помешать.

— Нападали?

— Было, да ничего не вышло.

— Ваша армия сильнее?

— У нас нет армии, — ответил Билл, словно бы думал о другом. — Знаете, отчего люди раньше пребывали в рабстве? Думаете, покоряли их, неволили? И это было, но причина в ином: слишком много желающих жить без хребта. Одно время я опасался за некоторых — как бы не стали ползать. Удобнее, что ли? Не представляю, но глядишь, бывало, на коего, человек человеком, стоит на земле на своих двоих, разговаривает. Глазом моргнешь — пополз. Вот тебе и номер! А армии у нас нет и никогда не будет — не нужна. Впрочем, скоро она никому не будет нужна: время властителей закончилось.

Марьян Петрович в последнем засомневался, ибо за жизнь свою твердо усвоил, что мир если и славится чем, то как раз насилием, но согласился, что не в военных вопрос, не в пушках, и если люди задумались, поняли, в чем спасение, то эту веру победить никто не сможет. Не стоит воевать: сколько раз ввязывались и, даже побеждая, проигрывали.

Билл хотел что-то добавить, повернулся к Марьяну Петровичу, но заметил, что к ним направился щуплый мужчина лет сорока, одетый на манер американских индейцев; кожаная куртка была оторочена кисточками; лицо мужчины было загорелое до черноты, но казалось мягким и добрым, наверное, потому, что темные глаза смотрели спокойно, внимательно и печально.

— Брат Сенатора, — представил Билл подошедшего. — Так его у нас прозвали. Заведует деревьями городка, большой специалист.

— Рад познакомиться! — Марьян Петрович назвал себя и пожал руку — ладонь оказалась сухой и крепкой.

— А брат у него действительно есть, и действительно Сенатор, — пояснил Билл и жестом пригласил идти дальше. — Но так вот в жизни бывает: бросил все, приехал к нам и доказал, что должен жить только здесь. Некоторые сомневались: все же оставляет человек обеспеченную жизнь, родственников. Покажи нам что-нибудь интересное, — попросил он Брата Сенатора. — Парк у нас замечательный.

— Хорошо, — откликнулся тот спокойным голосом. — На этой аллее три примечательных дерева, а дальше...

Брат Сенатора не успел договорить, что же диковинного росло там дальше, как их остановил решительным жестом старик, судя по одежде крестьянин. Он заговорил с Биллом на незнакомом Марьяну Петровичу языке, поглядывал то на него, то на Брата... Билл внимательно выслушал, один раз кивнул. Одет крестьянин был несколько странно: клетчатая рубашка была заправлена в серые полосатые штаны, поверх рубашки — безрукавка из овчины, а на ногах сапоги с галошами. Марьян Петрович отчего-то решил, что старик туркмен, отметил, что шея у него загорела клином, как раз по вырезу рубахи, и подумал, что эта деталь пригодится, когда он примется за новую книгу.

— Приехал человек к нам погостить, — сказал Билл, отрывая Марьяна Петровича от его мыслей, — услышал о вашем появлении и просит сфотографироваться на память. Прошу вас, не откажите.

Брат Сенатора повернул голову к Марьяну Петровичу.

— Отчего же, — смутился тот. — С удовольствием.

— Вот спасибо! — поблагодарил Билл так, словно бы Марьян Петрович совершил подвиг.

— Доброе дело никогда не пропадает, — заметил Брат Сенатора, чем вконец смутил Марьяна Петровича.

А крестьянин, уловив согласие, радостно заулыбался, отчего лицо его покрылось морщинами, а глаза превратились в узенькие щелочки, и что-то сказал Биллу, затем взглянул на Марьяна Петровича. Билл перевел. Оказалось, старик не надеялся дожить до того времени, когда в его родных краях создадут свободное поселение, и фотография останется на память внучке — чтобы жила праведно. Марьян Петрович уважительно кивнул: ему было понятно такое желание. Тут же возникла худенькая девочка лет десяти в розовом застиранном платье, босая и с оцарапанными коленками. Глаза ее так и зыркали на незнакомых. Билл спросил ее о чем-то, и она скривила губы в стеснительной улыбке.

Девочку поставили впереди рядом с дедушкой, и появившийся неизвестно откуда высокий фотограф с роскошной шевелюрой быстро оформил все, как он сказал, «на фоне дуба и фонтана», записал адрес старика в маленький блокнот и успокоил:

— Не волнуйтесь, пришлю.

Старик поговорил с Биллом, и они все вместе отправились на лужайку выпить вина. У старика был с собою не тощий еще бурдюк, он налил каждому в стакан, а себе, ловко надавив бурдюк, плеснул струю прямо в рот. Вино показалось Марьяну Петровичу кисловатым, но приятным; правда, от второго стакана он отказался. Марьян Петрович прижал руку к сердцу, благодаря за вино.

Расставшись со стариком, девочкой и фотографом, они втроем пошли по аллеям парка; и разговор зашел о том, что люди приезжают в городок, живут, высматривают все, а после разносят новости о его жизни по миру. Билл сказал, что так и быть должно, тем более что они ничего не скрывают, и добавил, что уже давно не принимают желающих поселиться здесь. Так они решили в самом начале: городок должен быть небольшим, чтобы все и вся было на виду и независимым.

— Пока небольшой, — уточнил он, — а дальше видно будет.

— И все же жаль, что не принимаете людей, — откликнулся Марьян Петрович будто бы с укоризной в голосе. — Обидно, многие хотели бы жить у вас, сбежав от несправедливости и суеты.

— Не принимаем, — подтвердил Билл, — но обидного в том ничего нет. Если исповедуют наши взгляды, говорят языком человеческим, пусть строят свои города. Похоже на наш или другие, пусть живут как хотят, лишь бы по совести. Без нее мы уже нажились, дошли, как говорится, до ручки.

— Одним подкинули идею мирового господства, — сказал Брат Сенатора, улыбнувшись, — другим — районного. И все довольны.

— На этом и вертелось, — согласился Билл, — всех перехитрили, а главное — себя. Слабоумие, а подается этакой философией. Ну что, пора обедать?

— Люди уже заждались, — поддержал Брат Сенатора.

Обедали они на небольшой ферме, сидели в тени легкой деревянной пристройки, за длинным дощатым столом, выскобленным до янтарного блеска. Окна были распахнуты настежь, и тщательно проструганные и ловко связанные рамы казались невесомыми.

За столом сидело человек двадцать: Билл всех представил, но Марьян Петрович не запомнил, ясно было только то, что все эти люди сообща обрабатывают землю. Смотрели они на гостя дружелюбно и с нескрываемым любопытством. Как раз напротив Марьяна Петровича сидел могучий старик с окладистой белой бородой и сильными натруженными руками. Одет он был в просторную белую сорочку с вышитой крестиком манишкой, с широкими свободными рукавами.

Когда немного закусили, старик сказал приветственную речь; говорил он неторопливо, с достоинством, смотрел на гостя. Билл переводил. Старик поблагодарил за приезд, сказал, что этот обед — честь для всей семьи, а затем, оглядев каждого, заговорил о том, что ничто в мире не бывает построенным до конца и кто так думает, тот ошибается. Строить надо всю жизнь, передать другому, тот продолжит, и никто никогда не закончит, но все будут жить. В этом и есть великий смысл бытия. Марьян Петрович оценил мудрость и сказал в ответ, что он не знает ничего прекраснее в жизни, чем видеть солнце над головой, а человек и становится человеком, когда начинает жить для другого. Кажется, его поняли.

Когда отобедали, наговорились, гостей усадили на конку, тепло проводили: трое верховых скакали за ними почти до границы городка.

Марьян Петрович предложил своим спутникам оставить подводу и пройтись пешком. Те легко согласились, и возница повернул назад. Вскоре Брат Сенатора распрощался, сказав, что у него есть дела, и пропал в какой-то улочке. Билл и Марьян Петрович пошли дальше.

— Надо вам отдохнуть, — сказал Билл, — день выдался долгим.

— День чувствительный, — кивнул Марьян Петрович и вдруг спросил: — А где у вас продают газеты?

— Газеты? Да ведь у нас их нет.

— Нет?

— Нет, мы и так знаем все новости.

— Понятно, городок небольшой, — согласился Марьян Петрович, — новости облетают быстрее телеграфа. А из центра?

Билл уставился на него непонимающим взглядом.

— Из центра? — переспросил он задумчиво. — Да ведь у нас центр не в городке, а в поле. В этом году там как раз капуста посажена. Увидите, как мы шинкуем и квасим. Любо поглядеть...

Марьян Петрович легко принял, что центр может быть и в капустных грядках, — возможно, это лучшее место, готов был полюбопытствовать, как шинкуют, но ему-то хотелось знать — неужели газет нет в городке вообще. Невероятно: весь мир живет газетами, газетами и только газетами. Он так прямо и спросил.

— Газет нет, — ответил Билл. — Но отчего же невероятно? Очень даже естественно, у нас никто и не страдает. Вас интересует, получаем ли мы газеты из других городов? Нет, нет и нет! Вы же знаете, кто правит этот бал, потому и освободили себя от жвачки. Сами издают, пусть сами и читают. Все они... — Он замолчал, подыскивая точное слово, и вдруг определил на чистейшем украинском: — Брэшуть!

— Все?

— Все! Все без исключения, для того и придуманы. Докажут, что черное — белое, и наоборот. И каждая вшивая газетенка клянется, что стоит грудью за народ и что именно она свободна, а сама косит на хозяина, дескать, как я, правильно ли тявкаю. Да вы возьмите одни названия: «Свобода», «Верный путь», «Правда», «Трибуна народа». За народ могут стоять только личности и — беско-

рыстно. А назовите мне бескорыстную газету? То-то же! Нет, такого добра нам не надо, они выбивают мозги исподтишка, но крепко. Да, чуть не забыл, — прервал Билл сам себя, — вы приглашены вечером в гости. Одна из ваших почитательниц — умна, сердечна.

Билл смотрел на Марьяна Петровича с улыбкой, определяя, какое впечатление произвели его слова, а тот не знал, что и думать, ибо все еще переваривал — неужели возможна жизнь без газет. Да и неожиданным вышло приглашение.

— Книгу вашу она читала, — продолжал Билл, — приняла близко к сердцу, так что будет о чем поговорить.

— Поведете знакомить? — наконец-то нашелся Марьян Петрович. — Не думаете, что неудобно в первый же день?

— У нас, собственно, не представляют, да и в гости ходят без приглашения. А уж если пригласили, то и сомневаться излишне. Идите смело, она будет ждать. Если что и не покажется, то приятно проведете время, познакомитесь и с нашим бытом и приобретете друга. Если понравитесь друг другу, то там уж дело ваше.

Марьяну Петровичу пришло а голову, что в таком подходе, пожалуй, нет ничего удивительного — так просто и а то же время по-человечески тепло и должно быть: нечего распускать перья при первой встрече, а при второй убеждаться, что хвост общипанный.

— Зоаут ее как?

— Ольга.

— Ольга? — переспросил Марьян Петрович, вздрогнув от неожиданности. — Разве...

— Хорошее имя, а что?

— Ничего, — поспешно заверил Марьян Петрович и повторил: — Ольга... Все равно ничего.

— Прекрасная женщина, — сказал Билл так, словно бы рассуждал вслух. — Сбежала от мужа, так что теперь вроде как бы вдова. Кстати, на девять лет моложе. Не смущает? Вот и хорошо, а газеты вы забудьте. Пустое все это.

Марьян Петрович не спросил, все же вдова Ольга или сбежала от мужа — да и откуда сбежала. Его захватила мысль, что он ведь и раньше знал, что все именно так и произойдет: встретится с Ольгой в этом городке, найдет друзей, спокойствие. «Но откуда я мог знать? — спросил сам себя. — Удивительно...» И почувствовал вдруг такую легкость, такое ощущение свободы, жизни, что взглянул на Билла с благодарностью. Билл все понял и смутился, а улыбка его говорила: «Не стоит благодарности, чего там...»

Он проводил до площади и там распрощался с Марьяном Петровичем, пообещав заглянуть завтра утром. Марьян Петрович пожал ему руку и неторопливо побрел в гостиницу, думая теперь о встрече с Ольгой, которую еще не видел, но уже по-своему любил; от одной мысли, что его кто-то ждет, становилось легко. Вспомнилось, как еще в самолете думал, что в городке никогда не будет одинок. Мысли текли неторопливо, в такт шагам, и подумалось, что за весь день не видел он бегущего человека. Странно все это было, непривычно и хорошо.

Перед гостиницей была клумба, которую Марьян Петрович раньше не заметил. Он постоял, полюбовался на тяжелые, похожие на флоксы цветы, воровато отщипнул от одного шара соцветие и смотрел на него; цветок был совершенен в своей белизне и форме: пять лепестков были уложены природой друг за другом. Казалось, в них был зашифрован смысл человеческой жизни, и Марьяну Петровичу подумалось, что без постижения этой тайны невозможно ничему научиться и невозможно жить дальше.

В третьем часу он проснулся, удивляясь чудному сну, аключил свет, взглянул на будильник и вдруг с немым испугом увидел на полу возле кровати фотографию. Нерешительно потянулся к ней, боялся, что она исчезнет, взял осторожно и приблизил к глазам. И точно: на фоне дуба и фонтана стояли Билл, старик, похожий на туркмена, девочка со стеснительной улыбкой — она неловко подвернула ступню, и это осталось навечно, — Брат Сенатора смотрел в объектив спокойно и уверенно, сам он — с улыбкой. Но самое странное, что рядом с Биллом притулился фотограф с пышной шевелюрой: было заметно, он едва успел вскочить в кадр, в нем даже угадывалось движение. Небо на фото было синим, чистым, а в правом углу отпечаталась царапина.

Марьян Петрович долго смотрел на снимок, на это вещественное доказательство, что это был не сон вовсе и что есть на земле свободный город; думал, как там Билл, где сейчас старик, возможно, он тоже не спит — а старости ведь достаточно забыться на час-другой, — вспоминает их встречу и то, как пили вино из бурдюка. Мысли были приятными, и Марьян Петрович, положив фотографию на пол и задумавшись, незаметно уснул.

В семь тренькнул будильник. Марьян Петрович открыл глаза, сразу же вспомнив и городок и фотографию на память, взглянул на пол и даже рукой двинул, собираясь взять ее, но на полу ничего не оказалось. Ничего, кроме обгоревшей спички. Он поднял ее и рассматривал так, как недавно рассматривал флоксы, а затем до него дошел весь этот обман. Он встал и отправился умываться. От болезни осталась слабость, но не больше: начинался новый день жизни, вполне обычный. Мврьян Петрович жарил традиционную глазунью, думал о работе и вдруг ему вспомнились слова Билла о газетах. Вспомнилось, как тот говорил, что каждый должен строить свой город... Марьян Петрович отмахнулся от воспоминаний, подумаа, что Биллу легко было говорить, живя а свободном городке, и тут же усмехнулся: он вспоминал Билла как живого человека. Но все же эти мысли привели к тому, что Марьян Петрович решил записать сон, не каждый день, точнее ночь, приходит подобное.

После завтрака он пошел в кабинет, включил настольную лампу, сел за стол, отвинтил ручку и... И тут его настигла мысль, что это был вовсе не сон в его обычном понимании и что он самым удивительным образом заглянул в будущее, когда люди действительно не захотят жить по-старому; и, возможно, теперь, когда он сидит за столом, вспоминает, уже началась новая эпоха, началась незаметно и буднично, а поэтому ее приход заметили немногие. Чудно все это было и отчего-то тревожно; Марьян Петрович почувствовал, как сердце, позабывшись, притихло, а затем отстучало три резких удара, словно бы подавало о чем-то весть. Он сидел все так же неподвижно, держал ручку над листом бумаги, думал спокойнее, не пугаясь уже ни сна, ни действительности, и знал, что сегодня же переговорит с главным, купит билет и полетит к Ольге в Читу. Что там будет, один Бог ведает, но после заберет сына от родителей и будет жить. Он так и подумал «буду жить», и теперь эти простые слова значили очень много, и еще подумал, что теперь никогда не будет одиноким.

Петр Кириченко родился в 1945 году на Полтавщине, украинец, но большую часть жизни живет в России. После окончания десятилетки поступил в Кировоградскую школу высшей летной подготовки, которую окончил в 1966 году. Летал на реактивных самолетах. Начал печататься в 1978 году как рассказчик. В 1981 году в издательстве «Молодая гвардия» вышла первая книга «Видимость 300». Затем книги «Край неба» (1985 г.), «Четвертый разворот» (1987 г.), «Дом на высоком месте» (1988 г.). Член Союза писателей. Живет в Москве.

ГРИГОРИЙ КЛИМОВ

Князь мира сего

Странно, охотясь за нечистой силой, инквизиция НКВД подкапывалась под всех коммунистических святых. Рядом толстенькое досье на Долорес Ибаррури — Пасионарию, пламенного трибуна гражданской войны а Испании. Жена республиканского премьера Негрина, она была лидером испанской компартии и участвовала в гражданской войне активнее, чем ее муж. И она тоже развлекалась тем, что собственноручно расстреливала пленных.

Когда же дела стали плохи, она оставила своего республиканского мужа расплачиваться за ее коммунистические грехи, а сама сбежала в Москву. В примечаниях 13-го Отдела НКВД проскальзывало сожаление, что в современной Испании нет Торквемады, который познакомил бы этого трибуна революции с трибуналом инквизиции.

Следующее дело начиналось ссылкой на энтомологию и какую-то разновидность пауков, у которых принято, что после брачной ночи самка пожирает своего супруга. Рядом же паукообразная физиономия Анны Паукер с вытянутыми в трубочку губами, словно она нацелилась в кого-то плюнуть. Во время чистки московского Коминтерна паучиха Паукер донесла на своего мужа в НКВД, обвинив его в троцкизме. Перед смертью и Марсель Паукер прошел через 13-й Отдел, где с него сняли подробнейшие показания про его паучиху, которые, как это ни странно, касались не ее политических убеждений, а техники ее любви.

Следом шел алфавитный список всех любовников Анны Паукер, очень похожий на перечень всех членов Коминтерна. И за ним второй список — кого из них эта любвеобильная дама подвела под расстрел в подвалах НКВД.

— Видите, — сказал доктор Быков, — она делала то же самое, что и царица атлантов. Потому-то мы и интересуемся Атлантидой.

Тем временем комиссар госбезопасности Максим Руднев отдыхал от охоты за нечистой силой и запросто возился со своим аквариумом. Одна из его золотых рыбок захворала расстройством желудка, и Максим, засучив рукава, пересаживал больную рыбешку в отдельный тазик, наполненный слабительным раствором глауберовой соли.

— Макс, — сказал Борис, — вы тут сводите все к вопросам пола. И это иемножко попахивает фрейдовским психоанализом. А ведь фрейдизм у нас официально запрещен.

— Да, фрейдизм запрещен не только коммунистами, но и католической церковью. Потому что в фрейдизме правда перепутана с ложью. И иепосвященному человеку трудно разобраться, где правда и где ложь.

— Хорошо, — сказал Борис. — Но что все это такое?

Максим сидел на корточках, мешал воду пальцем и бормотал себе под нос, как шаман во время камлания:

— Хм, хм, что это такое? Это. . это дело о семи печатях. И на это тебе не ответят ни Фрейд, ни сам папа римский.

— Ну а вы тут это знаете?

— Конечно, — усмехнулся комиссар госбезопасности СССР. — Мы все знаем. Больше нас знает только сам Господь Бог. ⟨...⟩

В случае особо важных заключенных, чтобы они не покончили с собой преждевременно, у них отбирали пояс, подтяжки, шнурки, вставные челюсти, очки и даже обрезали все пуговицы на брюках. В санпропускнике их остригали под машинку, пропускали под душем, посыпали порошком против вшей и запирали в камеру с резиновыми стенками а одном из подземных этажей Главного управления МВД.

В подземной камере постоянно горел электрический свет, и здесь не было разницы между ночью и днем. Поэтому когда маршал госбезопасности СССР, сам организовавший этот порядок, попал в эту камеру в качестве заключенного, даже он сам не знал точно, сколько времени он здесь провел.

Сначала его выводили на врачебные комиссии, где его физическое здоровье проверяли так тщательно, словно его готовят к полету на Луну. Потом его заставили пройти серию психологических испытаний. Да настолько сложных и запутанных, что ординарный человек в них определенно бы запутался.

Но бывший маршал знал, что ищут врачн. И знал, как их обмануть. Врачи это тоже знали и просили его быть честным во имя науки, поскольку, так или иначе, терять ему нечего. И заключенный тоже знал, что терять ему больше нечего. Судя по этим чрезвычайным заботам об его здоровье, он знал, что его ожидает.

И он даже знал, когда это будет. Не раньше, чем он закончит писать свою автобиографию. Не просто анкету, как в случае простых смертных, а писанину неограниченного размера, поскольку отныне его жизнь принадлежит не ему, а истории. Те, кто сидели наверху, знали, что а таких условиях эта биография будет очень подробная и длинная.

Когда и эта бюрократическая процедура была закончена, заключенного вызвали на последний допрос, где обычно объявляют приговор. Шагая по подземному коридору и поддерживая спадающие без пуговиц брюки, бывший маршал не выдержал и спросил у конвоиров:

— А какое сегодня число?

Но конвоиры только хмурились и молчали. Заключенный с досадой вспомнил, что на этом подземном этаже все конвоиры — глухонемые. Ботинки без шнурков спадали с ног, и он волочил их по полу. Его подняли на лифте на самый верхний этаж и провели в кабинет, который он хорошо знал по прошлым временам. За большим письменным столом там сидел человек в знакомой форме маршала госбезопасности СССР.

Два маршала, бывший и настоящий, молча посмотрели друг на друга.

— Присаживайтесь, — сказал один.

— Спасибо за любезность, — сказал другой, осторожно садясь в знакомое кресло.

— Хотите закурить?

Заключенный потянулся за папиросой.

— Вот спички. Хотите рюмку коньяку?

— Да, не откажусь.

— У вас есть какие-нибудь процессуальные жалобы?

— Нет. Хочу даже поблагодарить вас, что вы не приволокли меня на допрос в голом виде, как у вас это раньше делалось.

Окончание. Начало в №№ 5—12/1991.

— Ну, тогда остаются только формальности. Прочтите это.

Бывший маршал взял исписанный на машинке лист бумаги с гербом СССР и прищурился:

«Специальная Коллегия Верховного Суда Союза Советских Социалистических Республик в чрезвычайном заседании...»

— Вот же балаган! — фыркнул заключенный. — Ведь никакого заседания не было!

«...рассмотрев дело бывшего Министра внутренних дел и бывшего члена Президиума ЦК КПСС Берия Л. П...»

Лишенные очков близорукие глаза торопливо блуждали по строчкам, разыскивая последние слова:

«...приговорила подсудимого к высшей мере наказания — расстрелу. Приговор окончательный и обжалованию не подлежит. Приговор привести в исполнение немедленно».

— Я что-то плоховато вижу без очков, — прошамкал приговоренный беззубым ртом, из которого вынули протезы. — Какая здесь дата?

— Не обращайте внимания на дату. По газетам вас расстреляли уже полгода тому назад.

— Обычные фокусы профессора Руднева, — криво усмехнулся живой труп и посмотрел на подписи внизу. — А где же ваша подпись?

— В данном случае я только промежуточная инстанция.

— Да, ведь вы всегда предпочитаете оставаться а тени,— приговоренный бросил приговор на стол. — Или после того, как вы ликвидировали самого Сталина, вы уже не интересуетесь такими мелочами, как всякне там министры?

— Лаврентий Палыч, помните, когда Сталин готовил вторую чистку? И как вы были первым в списке?

— Как же, ведь тогда вы спасли мне жизнь. А я — в шутку — даже наградил вас медалью за спасение утопающих. Которая вам, кажется, очень даже нравится... Эх, если бы я ие ввязался в эту проклятую борьбу зв престолонаследие. .

— Потому и говорят, что гордыня — это первый смертный грех. И а результате вы опять оказались первым в списке. Но на этот раз. .

— Понимаю, на этот раз спасение утопающих — дело самих утопающих. В ваших глазах я неизлечимая жертва собственных страстей и исторического процесса. Потому вы к расстреляли меня а газетах уже полгода назад. Потом вы не торопясь выкачали из меня все, что необходимо для ваших специальных архивов. Потом вы вырежете из моего трупа все интересующие вас железки и заспиртуете по баночкам для вашей коллекции. Из боязни повредить мои драгоценные железки, вы даже не расстреляете меня. Знаю, вы задушите меня газом

Некоторые противники смертной казни аргументируют тем, что для приговоренного к смерти не так страшна сама казнь, как ее ожидание. Потому ожидающий казни убийца страдает, дескать, больше, чем тот, кого он убил и который этого не ожидал. И это, дескать, несправедливо. Чтобы исправить эту несправедливость, в 13-м Отделе МВД некоторым категориям приговоренных к смерти приговора не объявляли. Их просто переводили в специальную камеру и примешивали к пище снотворное. Когда они засыпали, в эту герметическую камеру пускали ядовитый газ.

— Хорошо, когда этого не знают, — сказал смертник.— Но я-то это прекрасно знаю.

Маршал Руднев молча пододвинул министру бутылку с коньяком. Тот налил себе, но уже не в рюмку, а в стакаи для воды, и выпил его, как воду. Потом он хитро усмехнулся:

— Вы, конечно, надеетесь, что на прощание я расскажу вам что-нибудь интересное. Передам вам, так сказать, все мои секреты. Вся беда в том, что о теории вы знаете все. Но не знаете это на практике. Вы не знаете, что такое смертельная любовь смерти, за которую расплачиваются смертельным страхом смерти. Когда всю жизнь живут любовью к чужому страху, к чужой смерти. И за это всю жизнь мучаются страхом собственной смерти. Когда во сне и наяву начинает преследовать всякая гадость и пакость. И когда вы знаете, что это такое — прогрессирующий мозговой разжиж.

— А как насчет комплекса власти?

— Очень просто, — бывший министр внутренних дел СССР потер себе лоб. — В детстве я любил бегать босиком. Особенно после дождика. И я любил давить босыми ногами лягушек. Мне было приятно наблюдать, как у них через рот выползают кишки — такие белые пузыри — и трогать их руками. Как другие щупают шелк или бархат.

— В вашей биографии вы написали, что когда вы выросли, то почувствовали такую же потребность давить людей?

— Да, чувствовать, что тебя боятся, командовать людьми, быть наверху. Но для этого нужно было иметь над людьми такую же власть, какую в детстве я имел над лягушками. Потому я и боролся за власть, безразлично какую — советскую, кадетскую или турецкую — абы власть, власть и власть! Ведь вы сами знаете, что все настоящие революционеры такие. Но вы только не знаете, с каким глубочайшим наслаждением я их всех расстреливал, зная, что они такие же черные жабы, как я сам.

— Это основной закон марксизма — единство и борьба противоположностей, — с ленивым безразличием сказал маршал Руднев. — Ну а как насчет проблемы несовершеннолетних?

Бывший министр внутренних дел СССР старчески пожал плечами:

— Эта та цена, которую товарищ сатана берет за власть, за славу и величие. Власть — в обмен на бессилие. Половое бессилие. Импотенция.

— Кстати, ведь одна из ваших жен была, кажется, царских кровей?

— О, да, что-то вроде наследницы грузинского престола. Вы скажете, что это еще одно доказательство моей мании величия. Залезть не куда-нибудь, а на царицу... Но мою царственную женушку моя импотенция нисколько не беспокоила. Наоборот, это ее вполне устраивало.

— Ворон к ворону летит?

— Да. Ведь среди женщин импотенток столько же, как среди мужчин импотентов. Только у женщин это называется не импотенция, а холодность. А потом, чтобы замаскироваться, эти холодные импотентки выходят замуж за импотентов. Ну а потом каждый фокусничает по-своему. Как говорят, 69 способов быть несчастным.

— Хорошо, а как все-таки насчет несовершеннолетних?

— Да вот так. . Ты, казалось бы, достиг высшей власти, а сам ты не можешь взять ничего. Ты являешься высшим хранителем закона, а тебя неудержимо тянет к тому, что законом строжайше запрещается — к несовершеннолетним.. Ха, ведь большинство людей даже и не подозревает, что мы с этими детьми делаем... Как говорит ваш товарищ Фрейд, у нас ротовой эротизм... А по-русски это будут непечатные ругательства... Товарищ сатана умеет прятать свои секретики так, что даже и сказать неудобно...

Еще недавно министр МВД был властелином над жизнью и смертью миллионов людей. Теперь это был жалкий и беспомощный старик. Когда он волновался, иэ его беззубого рта текли слюни и капали на рубашку. Он утер рот рукавом и подвел итог:

— Болезненная жажда власти, то есть комплекс власти — обычно это связано с садизмом... А садизм обычно связан с гомосексуальностью — открытой, латентной или подавленной, из чего проистекают все эти 69 способоа быть несчастным... А параллельно с этим идет мозговой разжиж. . И комбинаций здесь больше, чем а калейдоскопе.. Вот вам и вся формула власти. Разве это не дьявольская насмешка? Но такими были все великие властелины — Александр Македонский, Цезарь, Наполеон, Ленин, Гитлер и даже товарищ Сталин. И ничего вы здесь, душа любезный, не поделаете. Впрочем, аы все это и сами прекрасно знаете. Просто аы нажали кнопочку и записываете все мои слова на ленту. Для верности. Для точности. Так на смену революционерам приходят бюрократы.

Заросшее седой щетиной лицо старика осунулось, беззубый рот провалился, подбородок поднялся к носу, как у старухи. Он сидел, согнувшись а кресле, и жадно затягивался папиросой, словно стараясь накуриться про запас. Дрожащие пальцы не слушались, и пепел сыпался ему на колени.

— На вашем месте, маршал Руднев, я бы очень гордился этим историческим моментом, — сказал старик с лицом старухи. — Великий инквизитор новой России отправляет на тот свет последнего великого шамана коммунизма. Но большого энтузиазма я на вашем лице что-то не вижу.

— Роды нового общества, — сказал маршал, — это такая же грязь и кровь, как и роды нового человека.

Смертник завозился в кресле и, потирая спину, вздохнул:

— Ох, опять мой ишиас расходился.

Он облокотился на батарею центрального отопления. Хотя батарея была холодная, но вспомнил что-то и отдернул руку, словно обжегся.

Когда-то давно начальник 13-го Отдела рассказал ему, как в средние века некоторые отцы церкви приказывали погребать их тела под ступенями храмов, чтобы верующие шагали к вере по их праху. Тогда эта идея так понравилась министру внутренних дел, что он приказал кремировать трупы провинившихся и казненных сотрудников МВД в топке центрального отопления МВД. Чтобы не выносить сор из избы и решать семейные дела по-семейному.

Теперь же бывшему министру представилось, как его собственный труп, изрезанный специалистами 13-го Отдела, повезут на тележке в котельную и устроят домашние похороны. Там его труп бросят на лоток из перфорированного железа и засунут под нефтяные форсунки центрального отопления.

Ему даже показалось, что по лицу маршала Руднева скользит выражение легкой брезгливости, как у человека, смотрящего на труп. Чтобы растянуть время, живой труп потянулся за бутылкой с коньяком. Вместе с алкоголем по телу растекались усталость и безразличие ко всему.

Ему вдруг вспомнился берег Черного моря, где мальчишкой он бегал босиком по горячему песку. Над головой полыхающее кавказское солнце, а по голым ногам ласково плещет холодная морская вода. Он посмотрел на свои спадающие полуботинки с голыми пятками и подумал, что скоро эти желтые пятки будет ласкать огонь нефтяных форсунок. Как бы еще растянуть это проклятое время?

Он посмотрел на маршала Руднева. Тот сидел с полуопущенными веками, словно он устал и ему хочется спать. Песчаные волосы какого-то неопределенного цвета, не то седые, не то выцветшие. Глаза с белесыми ресницами не то серые, не то зеленоватые, как у ящерицы. И на высохшем лице спокойное безразличие.

— Максим Алексаныч, — тихо сказал смертник, — Сталин называл вас, и думаю... Вы пристрелили моего предшественника Ежова, потом притравили вашего патрона Сталина, теперь вы пустите меня в трубу центрального отопления... Ведь вы сидите и хозяйничаете за советским троном уже не как красный кардинал, а как красный папа... В Риме сидит папа римский, где-то сидит анти-папа, а в Москве сидит красный папа... Вы достигли высшей власти. . Но никто даже и вашего имени не знает... Какое вам от этого удовольствие?

— Никакого, — безразлично сказал красный папа. — Одни неприятности.

— Перед тем как вы пристрелили Ежова, я его тоже допрашивал. Кстати, совершенно бесполое существо, хромоножка и даже ростом карлик, типичный выродок. Так вот, перед смертью он вдруг забормотал о Боге. Я, говорит, нарушал все Божьи заповеди и не заслужил от Бога ничего, кроме наказания. Я служил Сталину, как Богу, и не заслужил от него ничего, кроме благодарности. А теперь, вместо благодарности, меня расстреляют. Так что же получается в конце концов? Значит, Бог все-таки есть... Иначе кто же это меня наказывает? И я знаю, что меня, как и Ягоду, пристрелит этот левша Руднев — левая рука Господа Богв...

Смертник покосился на левую руку Господа Бога, ожидая, когда она нажмет кнопку звонка, чтобы отправить его в подвал. Но она не шевелилась.

Бывший министр глубоко затянулся папиросой и перевел глаза на стрелку часов. Он подлил себе еще коньяку, пожевал пустыми челюстями и жадно выпил, чтобы забыться до одурения. Из углов комнаты ползли вечерние тени. Скоро его повезут в подвал и пустят на конвейер смерти. Да, из этого дома он выйдет уже в форме дымка из трубы центрального отопления.

— Максим Алексаныч, у меня к вам маленькая последняя просьба, — сказал смертник. — Знаете, в доброе старое время, когда таких, как я, жгли на кострах...

Ему вспомнилось, как тогда некоторые из осужденных ведьм и колдунов шли на казнь в невменяемом состоянии, танцуя и распевая свои еретические песни, как будто радуясь приближению смерти. Даже на костре они не чувствовали ничего и вели себя так, как на шабаше, когда они плясали вокруг таких же костров. Даже в подземной темнице их сообщники сумели передать им тайное варево, дающее полное забвение. Иногда сердобольный инквизитор, знавший тайну этого варева, чтобы облегчить смерть грешников, перед казнью сам давал им это зелье.

Бывший министр внутренних дел СССР кивнул на большой портрет Ленина на стене. Этот портрет откидывался в сторону на петлях, а за ним был замаскированный стенной шкаф. Там хранилась обширная коллекция всяких экзотических ядов, когда-то собранная Гершелем Ягодой, который в молодости был фармацевтом, потом сидел в этом же кабинете в должности начальника НКВД и затем был расстрелян в связи с процессом кремлевских врачей-отравителей, где он играл главную роль.

— Максим Алексаныч, ведь там есть и эти наркотики, — вздохнул смертник. — Поскольку вы левая рука Господа Бога, дайте немножко. .

— А куда вы так торопитесь? — как любезный хозяин, сказал маршал Руднев. — Итак, вас привели к власти всякие болезненные комплексы, которые мы для простоты называем дьяволом. А знаете, как попал в это кресло я?

Смертник продолжал рассматривать портрет Ленина.

— Когда-то в детстве, когда меня били соседские мальчишки, я обращался к Богу со всякими глупыми молитвами и просил Бога, чтобы он сделал меня большим и сильным.

— Хоти эта просьба и исполнилась, но... — смертник криво усмехнулся. — Похоже на то, что эту просьбу подслушал дьявол.

— Однако дело а том, — маршал устало откинулся в кресле, — что в обмен на это и предлагал Богу немножко укоротить мне жизнь... И вот странно — теперь у меня вдруг обнаружился порок сердца. Причем врачи удивляются, что это порок немножко необычный.

— Ох, на вашем месте не доверял бы я этим кремлевским врачам.

— Врачи говорят, что я сжег свое сердце на работе. Это как бы отравление сердца автотоксинами. Знаете, что это за яд?

— Нет, если кто вас и травил, то не я. Я предпочитаю расстрел. В этом я практиковался уже с детства — расстреливал лягушек из рогатки.

— Так вот, это яд немножко философский. Дурные мысли и чувства способствуют выделению в организме определенных автотоксинов. В моем случае, я слишком ненавидел то зло, которое называют дьяволом. И эта ненависть отравила мне сердце. Как видите, любая ненависть — это отрава, даже ненависть ко злу.

— Ну, это как сказать, — скептически заметил смертник. — Что вредно одному — полезно другому. Просто вы не подходите для этой работы.

— Врачи говорят, — продолжал маршал, — что мой странный порок сердца может ухудшиться или улучшиться. То есть меня может хватить удар сегодня — или через тридцать лет. И это будет зависеть от меня самого, так как единственное лекарство — это переменить образ жизни.

— Может быть, хотите теперь перепродать свою душу дьяволу? В обмен на жизнь? — смертник опять покосился на портрет Ленина. — Дайте мне хорошую порцию наркотиков из того миленького шкафчика. А я на том свете замолвлю за вас словечко перед товарищем сатаной.

— Теперь вернемся от философии к вашему приговору, — сказал маршал.

Не поднимая глаз, смертник ожидал, когда левая рука Господа Бога нажмет кнопку звонкв и вызовет глухонемую стражу, которая поведет его в камеру смерти.

— По газетам вы уже мертвы, — услышал он голос издалека. — И в глазах народа правосудие восстановлено. А мне нужно лечиться. И я не хочу портить себе кровь еще одной каплей автотоксинов. В общем, ваш смертный приговор объявляется условным.

Смертник недоверчиво поднял брови:

— Что это за новые фокусы профессора Руднева?

— Просто после смерти Сталина политика принципиально меняется. Теперь опальных членов правительства будут не расстреливать, как раньше, а посылать на низовую работу. Вплоть до работы простым колхозником.

Бывший смертник вдруг истерически расхохотался:

— Ха-ха-ха... Великий инквизитор выдумал для нас самую ужасную пытку! Ведь для таких людей лучше умереть, чем такая дьявольская насмешка, — самим копать навоз в колхозе! Ха-ха-ха...

Пока он трясся в припадке истерического смеха, левая рука Господа Бога вынула из стола серую книжку:

— Итак, смертный приговор заменяется вам изгнанием. Вот ваш новый паспорт.

Бывший министр внутренних дел СССР неуверенно открыл серый коленкоровый переплет.

— Имя мы вам дали, конечно, другое, — сказал маршал. — Если вы назовете свое настоящее имя, вам не поверят. А если поверят, то убьют как собаку. Это вы, надеюсь, сами понимаете. Ваши официальные фотографии были настолько ретушированы, что в действительности вас никто не узнает. Сейчас мы частично распускаем лагеря. По паспорту вы один из таких выпущенных лагерников. Для органов госбезопасности там помечено шифром, что вы сидели за растление малолетних. Я думаю, что а вашем возрасте рецидивы маловероятны. И помните, что по советским законам условный приговор означает только отсрочку приведения приговора в исполнение, но принципиально сам приговор остается в силе. Запомните это, гражданин Берман.

— Иначе говоря, я буду живым трупом, — сказал бывший первый заместитель председателя Совета Министров СССР. Вертя в руках свой новый паспорт, он осторожно посмотрел на дверь: — А куда ж мне, то есть гражданину Берману, собственно, идти?

— Местом жительства вам определяется ваша родина — Кавказ. Вас отвезут за сто километров от Москвы. Дальше добирайтесь самостоятельно. Знаете, как добираются люди, выпущенные из лагеря. Проявите инициативу. Кствти, сначала подпишите эти бумаги.

В свое время бывший начальник тайной полиции СССР а тайном порядке перевел на тайные счета в швейцарских банках валюту на несколько миллионов долларов. Теперь он аккуратно расписался на документах, передающих все эти деньги в заграничный спецфонд 13-го Отдела МВД. Потом он тяжело вздохнул:

— Н-да, раздели вы меня, так сказать, догола. Теперь мне ничего не остается, как просить милостыню: «Подайте кусочек хлеба бедному еврею.. Пострадал от проклятой советской власти... Только что из лагеря выпустили... Подайте копеечку, Христа ради!»

Живой труп постепенно оживал, и к нему возвращалась его прежияя болтливость:

— Кстати, не забывайте, что у Сталина тоже лежат деньги в швейцарских банках, на тайных номерных счетах. Ведь я сам для него этими трансакциями занимался. Так они все делали — и Троцкий, и Перон, и Сталин. И было бы несправедливо, если аы меня этак раскулачили, а Сталина нет. Выкиньте какой-нибудь фокус, до которых вы такой любитель. Например, пусть его дочка Светлаиа сбежит за границу — и сразу шасть в Швейцарию, за денежками, за денежками. Потом пусть Светлана поедет в Америку и продает там свои мемуары, которые вы ей заранее подсунете, описав там всех дегенератов в ее семейке. Потом Светлана, вероятнее всего, кончит так же, как ее мать и братики, а денежки, миллиончики, вернутся ее наследникам в Москву, то есть а Госбанк... А я буду тут ходить и попрошайничать: «Подайте копеечку, Христа ради!»

— Когда доберетесь до Черного моря, наймитесь рабочим на виноградники, — посоветовал маршал Руднев. — Когда я был студентом, я летом работал там по обследованию филлоксеры. Это такая виноградная вошь на корнях. А рабочие по откопке корней обычно из бывших лагерников. Хорошее было время: солнце, воздух и вода — наши лучшие друзья. Или иаймитесь ночным сторожем в колхозе. Отдохните. Вылечите свой ишиас на солнышке.

— Сердечно благодарю за добрые советы, — кисло улыбнулся живой труп и покосился на медаль за спасение утопающих, которая висела на груди маршала Рудиева. — Видно, я случайно попал в точку, когда наградил вас этой медалью.

— Откровенно говоря, я вам даже немножко завидую, — устало и как-то безразлично сказал маршал. — Будете жить, как на курорте. А я сиди в этой клетке и занимайся всякими грязными делами. Как повивальная бабка при родах иового общества. Иногда мне хочется просто встать и уйти. Уйти вот так, как уходите вы. Вам, ей-Богу, повезло.

Живой труп посмотрел в бесстрастные, как у соиной ящерицы, глаза маршала и покачал головой:

— Ох, боюсь, что это опять какие-то эксперименты профессора Руднева. Железки по баночкам вам надоели, так вы теперь на живых людях экспериментируете. Ведь вы прекрасно знаете, что для таких, как я, жизнь без власти — это ие жизнь...

Ему вспомнилось, что когда таких людей лишали аласти, они заболевали какой-то загадочной болезнью и умирали. Словно в них сидел какой-то червь. Так, Наполеон, сосланный на остров Святой Елены, вдруг превратился в старую жирную бабу и умер в 52 года.

— Ладно, поскольку вы левая рука Господа Бога, черкните записку в каптерку, чтобы мне хоть выдали мои шнурки и пояс. А то штаны-то спадают. И шапку — чтобы милостыню просить. А еще лучше — выдайте мне спецодежду для нищих. Из склада для ваших спецагентов, которые маскируются под нищих. Да не забудьте мои вставиые челюсти — чтобы жевать-то сухие корки...

Поднимаясь с кресла, бывший начальник тайной полиции СССР угрюмо сказал:

— Максим Алексаныч, в свое время вы проводили специальную анкету и выяснили, что в Советской России, несмотря на все, нищим дают больше, если они просят Христа ради, чем если они просят без Христа. А теперь красный папа хочет, чтобы бывший слуга сатаны и антихриста, чтобы не сдохнуть с голода, бродил по дорогам России и попрошайничал — Христа ради... Красный папа милует величайшего злодея России, чтобы он бродил по дорогам России и говорил, что Бог все-таки есть. .

●

В. КРИВОРОТОВ

О «легионизме»

В свое время, когда германский шпион и агент Ульянов (Ленин) вернулся в запломбированном вагоне в Россию, где его ЭСДЕКИ уже смастерили февральский взрыв «народного гнева» и все чаще и чаще подносили кулак распоясавшейся улицы к носу растерявсейся Думы, царили в среде русских политических буратино полные растерянность и непонимание всего происходящего. Редко кто отдавал себе в те дни ясный отчет в том, что ожидает обезглавленный русский народ и куда поведут его те новые вожаки, которые оспаривали каждый свое право на овладение им и право распоряжаться его судьбой. Редко кто даже из просвещенных русских людей в те времена думал о том, насколько серьезен и реален был ответ Ленина на поставленный ему кем-то вопрос: «На кого он делает свою политическую ставку?» Правда это или иет, но стало еще в те времена известно, что Ленин дал иа этот вопрос свой недвусмысленный ответ, что он делает свою политическую ставку «НА СВОЛОЧЬ». Ленин был иеглуп, он был всеотрицатель и циник в полном нигилистическом смысле слова, и он выразил в своем ответе свою искреннюю и голую правду. Под «сволочью» он подразумевал не уличных дебоширов и горлохватов из народной массы, а тех, которые легионами вынырнут из умствеиного и духовного пораженчества, из физического и морального извращенства, из криминальности и садизма и из среды амбициозных ничтожеств всякого рода, для каковых призрак власти является притягивающим полюсом. В своей совокупности асю эту лениискую «сволочь» автор «Князя мира сего» назвал в своей книге «ЛЕГИОНИЗМОМ». Этот легионизм является в книге Г. Климова главным многоликим героем, поставлениым автором романа на лобное место совершеино нагим и с совершенно открытым ликом того Вельзевула, который упорно утверждал, утверждает и будет утверждать, что его ие было, нет и иикогда не будет. Огромная заслуга автора «Князя мира сего» состоит в том, что он нашел геииальный способ обойти ухищрения Вельзевула, вытянуть его на лобное место и открыть его отвратительный лик, испещренный всеми знаками греха и порока.

«Князь мира сего» — не роман. Это детальный анализ того зла и порока, которые сопровождают в форме политических перверзий современый западиый мир и готовят его к восприятию Антихриста. На основании этой кииги Г. Климова должен быть создан в грядущей России самый серьезиый учебник о «ЛЕГИОНИЗМЕ», который будет обязательным предметом изучения источников ЗЛА и его носителей во всех учебных заведениях, дабы предупредить раз и навсегда появление у нас так называемой «ПЕРЕДОВОЙ» интеллигенции старого типа. В этом учебнике будущего должны быть противопоставлены серьезно и убедительно легионистскому коспомолитизму здоровые понятия национальности, народности и прирожденной самобытности, гарантирующие единственное исторически нормальное развитие народа, духовную и физическую свободу его и религиозное сознание, воспринятое через национальные чувства. В этом учебнике должно быть недвусмысленно доказано и показано, что космополитизм — это духовное рабство, что на нем вырастает Антихрист, который обещает всем свободу и всех закабалит. Автор показал в своей книге с жуткой откровеиностью аморальность, перверзность и садизм легионизма по отношению к тем, кто попал в Антихристову кабалу. Он весьма удачно приноровил разгром этого легионизма к тем событиям в СССР, когда там покатились монстр-процессы против «левых и правых уклонистов», затем «великая чистка», а после войны все более решительные расправы с ним в России и в странах-сателлитах. Можно в самом деле поверить в существование некоего 13-го секретного отделения НКВД с его красным кардиналом и красными инквизиторами, которые по примеру папы римского Иннокентия расправляются с ведьмами и ведьмаками 20-го века. Наличность подобного, строго засекреченного отделения в НКВД кажется невероятной, если подумать о том, что из 67 главиейших постов в Комиссариате внутреиних дел СССР до 1936 года 53 их с Гершелем Ягодой во главе были заняты евреями, только 6 — русскими и 8 — людьми невыясненной народности, из коих некоторые или даже все могли быть евреями, скрывшими свои настоящие имена и народность. Если 13-й Отдел НКВД и его красный кардинал существовали на самом деле, то тогда они в действительности принудили сатану работать в свою пользу, во что так трудно поверить.

Но факты почти принуждают к этому. Кое-что уже появилось в печати о тех страшных происшествиях с легионизмом в СССР из-под пера самих легионеров, о которых пишет автор «Князя мира сего». Евгения Гинзбург в своей книге «Крутой маршрут» хотя и старается прикрыть своих сородичей-легионеров, ио не может воздержаться от того, чтобы не написать о страшной облаве на них сталинских «охотников» во времена «великой чистки». Л. В. Владимиров (еврей, изменивший свою фамилию на русскую) написал о том же разгроме легионизма в России книгу «Россия без прикрас и умолчаний», в которой весьма интересно и правдоподобно представил совсем корректное регулирование русско-иудейских взаимоотношений в СССР на основе пропорциональности. Так, в Политехническом институте Москвы было до второй мировой войны 40 процентов студентов из евреев, а после нее только 1 процент. Конечно, Владимирова, как еврея, это возмущает, хотя он и знает, что еврейское меньшинство в России составляет только 1,1 процента. Для него это «антисемитизм» правящих советских кругов, но ие русского народа, как это из всех сил хочет доказать всему миру мироаая печать. В противовес этому автор книги, скрывшийся из-за каких-то своих причин под русским имеием Владимирова, пишет о русском народе следующее: «...чем дальше живешь в России, тем больше привязываешься к ее людям. Они в большинстве и добры душою, и щедры на редкость, и гостеприимны, и с великим юмором».

Владимиров, проживший 43 года вв России, пишет в своей книге о «насильственном» уравнении в правах русских с евреями, а не наоборот, и, коиечно, называет это «антисемитизмом», но честно подчеркивает отсутствие подобиого в иародных низах. К своему объяснению к сдвигам, происходящим в народных низах, автор книги пишет: «Это объясиение важно не само по себе — оио, я думаю, пригодится для понимания процесса освобождения мысли, происходящего сейчас в России — процесса трудиого, зигзвгообразного, подчас трагического, но абсолютно необратимого».

Не этим ли процессом в толще гигантского народа, а быть может, и в русской среде коммунистической партии должно объяснить погром легионизма в СССР сверху, а не пресловутым 13-м отделом НКВД. У Сталина были, очевидно, тоже какие-то сдвиги в голове в пользу русского народа. На приеме в Кремле в честь комаидующих войсками Красной Армии 24 мая 1945 года диктатор сказал

между прочим: «У нашего правительства было немало ошибок, были у нас моменты отчаянного положения в 1941—42 годах, когда наша армия отступала. Иной народ мог бы сказать правительству: вы не оправдали наших ожиданий, уходите прочь!.. Но русский народ не пошел на это. Спасибо ему, русскому народу, за это доверие!» Для изувера-диктатора было нелегко выразить нечто подобное, и весьма возможно, что он так больно ударил по легионизму еще перед войной, не только защищая свою власть от сионизма, но также и русский народ от его двадцатилетних кровоточителей. Конечно, сам, один, сидя за стенами Кремля, Сталин не мог организовать разгрома зарвавшегося легионизма. Он определенно имел вокруг себя крепко сколоченную артель из русских коммунистов, давно поглядывавших с диалектически-материалистической завистью и с подсознательной ненавистью на нахальных чудаков, развалившихся в подавляющей массе в самых почетных и удобных правительственных креслах социалистического государства. Быть может, что из этой артели и организовалось нечто подобное климовскому секретному 13-му Отделению НКВД красных инквизиторов.

Если подобное отделение когда-либо существовало, то его ужасная инквизиция была направлена, к сожалению, не только против легнознизма как такового, а главным образом против того лучшего русского, что еще оставалось не тронутым легионизмом до монстр-процессов и великой чистки. 5 процентов населения России, то есть около 8 миллионов лиц были подняты на инквизиторскую дыбу, из коих огромное большинство были порядочными русскими людьми и с легнонизмом ничего общего не имели.

Очевидно, что этот факт сильно помешал бы Г. Климову допустить ту в известном роде идеализацию идей и действий 13-го Отдела, какую он дал в своей книге. Было бы замечательно, конечно, если бы эти идеи и действия коснулись в реальности только лиц из круга легионизма без различия национальной принадлежности. Расправа же НКВД с огромным числом лучших русских людей в великую чистку не допускает этой идеализации и вместе с тем указывает на то, что Сталин не преследовал своим «великим» погромом каких-то антисемитских целей, как об этом писала в свое время мировая печать. Легионизм видел в Сталине свою марионетку, превратившуюся вдруг и против всех его ожиданий в опасного врага. Сталин чувствовал заговор троцкизма (бронштейнизма) за своими плечами и решил покончить раз и навсегда с оппозицией еврейской надпартии в СССР. Заодно он нанес удар еще раз по остаткам русских крепких сил и придал этому своему погрому характер пожирания революцией своих детей, а не расовой расправы. Вне сомнения, что без отлично организованной артели из неглупых русских, а также и еврейских опричников и инквизиторов Сталин не мог бы реализовать своего погрома.

Большой неожиданностью для читателя является признание красным инквизитором бытия Бога, хотя даже и диалектически-материалистическим путем. Исполнительный орган Антихриста НКВД и признание им бытия Бога хотя и трудно привести в вородостойную связь, но в смешении таких понятий, как святой грешник и грешный святой, праведное зло и злое добро и то, что для одних, из «Голубой звезды», добродетель, для других вне ее — сатанизм, можно, пожалуй, предположить также, что из величайших преступников против всех законов божеских и человеческих энкаведисты превратятся однажды в покаявшихся Кудеяров-Питиримов, готовых Богу и людям служить. Автор книги «Князь мира сего» допустил такую возможность, как необходимую декорацию, и еще больше, как того противника, который должен был разоблачить «Князя», раздеть его донага и уличить его в великой лжи. Автору книги это удалось блестяще.

Его тысячелетний «Князь», сатана и Антихрист представлены так реально и живо, что тот, кто прочтет эту книгу, будь он даже и закостенелым скептиком, не может не согласиться с ним. Прочтет же ее легионер, то узнает себя немедленно, и возможно, что некий из них, не погрязший безвылазно в смрадном болоте легнонизма, еще сможет вы браться из него и отмыть с себя его липкую грязь.

Те из нас, которые давно знают о легнонизме и вполне понимают его гнусно-жуткую суть, должны крепко пожать руку автору «Князя мира сего» и сказать ему свое искреннее спасибо за его замечательный вклад в создание русской национальной возрожденческой идеи. Любой светильник, будь он большой и маленький, светящий в нашу русскую кромешную ночь, зажигает все новые и новые огоньки нашего русского рассвета. Все равно, кто, но это будут наши потомки, которые будут жить в России осветленной и просветленной, где не останется ни одного уголка, где сможет притаиться ужасная тень князя мира сего.

Новое издание «Русь»

Вышел в свет первый номер литературно-исторического журнала «Русь», учрежденный Содружеством писателей Верхней Волги — Ярославля, Костромы, Иванова и Владимира. Журнал рассчитан на широкий круг читателей и разнообразен по тематике. В его первом номере напечатаны статья русского философа В. Розанова «Кто истинный виновник этого?» — о национальном вопросе, материалы о трагической судьбе последних Романовых и Григория Распутина, воспоминания К. Коровина о Шаляпине. Раздел «Литературная «Русь» представляет историческую повесть Е. Алфимова «Федор Конь» — о загадочной судьбе главного зодчего Московской Руси, прозванного «государевым зодчим», но под конец жизни попавшего в опалу и оказавшегося за стенами Соловецкого монастыря. Опубликованы также повесть Ю. Бородкина «Хуторянин», размышления В. Юдина о романе В. Чивилихина «Память». В разделе «Религиозные чтения» — статья О. Ранова «Сколько жил Иисус Христос?». «Русский быт» рассказывает о предрассудках и суевериях русских людей, приметах, соблюдаемых иной раз и по сей день. Внимание читателей привлечет разнообразие раздела «Краеведческий изборник», рассказывающий об удивительных личностях края, живших в прошлом, о различных интересных и загадочных событиях — некий краеведческий калейдоскоп. Редакция приглашает к сотрудничеству всех, кто, обладая высоким литературным мастерством, одержим идеей духовного возрождения России и кто, в частности, — за реалибитацию репрессированной провинциальной литературы.

Периодичность выхода журнала — 6 раз в год, цена — 3 рубля за номер. В качестве книжного приложения к журналу издается «Библиотека исторических приключений». Журнал и приложение можно приобрести наложенным платежом.

Редакция журнала «Русь»

Адрес «Руси»:
152100, Ростов Великий, ул. Спартаковская, 142, редакция. Телефон 3-54-36.

А для тех, кто желает оказать журналу конкретную помощь, сообщаем:
расчетный счет № 363503 в Ростовском отделении Коммерческого банка Ярославской области, МФО 28828.

Русское золото

ВПЕРВЫЕ — вот главное, что можно сказать об этом трехтомном историко-литературном и документальном издании.

ВПЕРВЫЕ собраны воедино приисковые произведения русской литературы XIX и XX века, среди которых: рассказы из книги «Золотая лихорадка» Д. Н. Мамина-Сибиряка, главы из книги «Сибирь и каторга» С. В. Максимова, цикл рассказов «Сибирские мученики» священника С. А. Стретенского, приисковая повесть «Паутина» Н. И. Наумова, главы из книг В. В. Крестовского, В. Я. Шишкова, приисковые очерки В. И. Немировича-Данченко, рассказы о золотоискателях Алексея Толстого, Николая Рериха, колымские рассказы Варлама Шаламова, Георгия Жженова, повесть-быль о золотодобытчиках Колымы Василия Новикова, колымские воспоминания Г. К. Вагнера и других узников ГУЛАГа, повести, рассказы, очерки о старателях современных писателей Юрия Сергеева, Станислава Балабина, Геннадия Машкина, Михаила Ворфоломеева, Андрея Фомина, Владимира Карнаухова.

ВПЕРВЫЕ широко представлены фольклорные записи старательских легенд, былей, побывальщин, песен, частушек, пословиц, поговорок, а также старательские сказы Павла Бажова, Александра Мисюрева, Михаила Вишнякова.

ВПЕРВЫЕ публикуются исторические документы о «золотой лихорадке» из архивов Иркутска, Бодайбо, Екатеринбурга, Владивостока, Читы.

ВПЕРВЫЕ в исследовании Владимира Лешкова и Валерия Авлова «Золото России и мира» история открытия золота в России соединена с современностью, публикуются данные, считавшиеся ранее «закрытыми».

Вы узнаете также о первооткрывателях золота в России, о самых знаменитых самородках, о кладах и кладоискателях, о российских золотых наградах и золотых монетах, о золотых сокровищах Алмазного фонда и «золотой кладовой» Эрмитажа, о «золотом эшелоне» Колчака и о многом другом из прошлого и настоящего российского золота, в том числе — о современном золотом запасе страны.

Трехтомник широко иллюстрирован редкими гравюрами, рисунками, фотографиями, архивными документами.

Все три тома выйдут в 1992 году. Формат 70/90. Переплет твердый. Бумага офсетная. Тираж 100 000 экз. Цена договорная (исходная — 150 рублей за три тома). Предоплата в размере исходной цены гарантирует выполнение заказа.

Предварительные заявки и гарантийные письма высылать по адресу: 121069, Москва, ул. Герцена, 50/5. Книгоиздательское товарищество «Московский писатель». Телефон: 202.28.97. Факс: 203.93.67. Р/С 541428 в коммерческом банке «ПРЕСНЯ-БАНК», г. Москва, МФО 201144.

СОХРАНИТЕ «СЛОВО» – ВО СПАСЕНИЕ ВАШЕ И НАШЕ

Всякий, прочтя такой заголовок, подумает: «А не перехватили ли вы?!»

Нет-нет, не перехватили, поскольку уверены, что без нашего журнала Ваша духовная и душевная жизнь станет значительно беднее, а при нынешней общей скудости — экономической, социальной, продовольственной — лишить себя еще и глотка духовного и душевного умиротворения, значит, совсем омертветь...

Мы Вам не предлагаем предпочесть подписку на «Слово» килограмму масла... Тем более что и новая цена — **21 рубль за номер** — не покрывает всех расходов по выпуску: стоимость бумаги, полиграфическое производство, доставка подписчику. Это стоит куда дороже, однако необходимый минимум, позволяющий приступить к работе, создается.

Конечно, часть расходов могла бы покрыть правительственная дотация, но нас не удостоили ее. Оказалось, что мы не только резко критиковали большевистский рай, создателей его — вождей коммунистической идеологии, но и невольно задели новых идеологов и политиков, столь непримиримых к нам: «Много о себе понимаете, дотации не будет, выкручивайтесь, как хотите!» Вот так, от пирога, якобы выделенного на поддержание периодики, нам ничего не перепало. Как и в былые времена, правило деления на угодных и неугодных сохраняется и действует. Равенства перед законом о цензуре и гласности — нет, да, видно, не будет! Потому «Октябрь», «Знамя», «Юность», «Иностранная литература», «Дружба народов», «Литературная газета» и прочие, и прочие ни в чем не стеснены. Государева плата даже опережает их запросы...

А у нас, дорогие читатели, остается только один путь к выживанию и спасению «Слова» — надежда на Вас, на Вашу помощь... Мы понимаем, что цена за журнал в сравнении с прежними годами несносная, но она определена не нами, а нынешней столь же несносной жизнью... Будем терпеливы и стойки, будем зрячи и здравомыслящи, постигая и осмысливая горький опыт жизни. «Слово» в этом — Ваш добрый помощник.

Мы стоим не за спасительные подаяния журналу, а за совместную с Вами работу, которая приносила бы полезное утешение и удовлетворение. Потому мы начинаем, теперь уже свой выпуск журнального приложения, которое, надеемся, несколько облегчит наше положение, если найдет у Вас добродетельную, благотворительную поддержку.

Приложение выйдет в формате и обложке журнала (имейте это в виду, чтобы потом не было претензий). На сей раз к услугам магазина «Книга — почтой» мы не прибегаем, рассылать будут наши добровольные помощники через почтовое отделение. И каждый желающий получит приложение быстро и без проблем.

Приложение 1992 года — роман Александра Дюма (отца) о Пушкине и Дантесе «Последний платеж», главы из него печатались в «Слове» № 2—6 за 1991 год.

Каждый может заказать потребное количество экземпляров, указав это в абонементном талоне и переведя деньги на наш расчетный счет (ГМП «Слово», р/с 345001 в «Издатбанке» РКЦ ГУ ЦБ РСФСР счет 161939 МФО 201791, адрес банка: 101409, Москва, Петровка, 26). Один экземпляр приложения стоит сорок рублей (тридцать — цена приложения, десять рублей — пересылка). Абонементный талон высылается в редакцию только с квитанцией об оплате.

Не откладывайте с заказом и не ждите напоминаний и дополнительных разъяснений, они теперь дорого стоят. Москвичи и гости столицы могут номера журнала и приложения приобрести в редакции, без предварительного заказа и перечисления денег. Звоните по телефону — 281-50-98.

И последнее. Те, кто имеет подписку по цене три рубля за номер, получат один выпуск (№ 1—6). Остальные же номера до конца года Роспечать доставит только при условии оформления доподписки из расчета — 21 руб. за номер. Обращайтесь в отделения связи и оформляйте доподписку.

Что же касается подписки на 1993 год, то следите за каталогом периодики. В журнальном разделе вы найдете «Слово» и условия подписки. Наш индекс прежний: 70110.

МАЙ, 1992 Г.

«ПОСЛЕДНИЙ ПЛАТЕЖ»

Ф.И.О. ______________________
полностью

Ваш почтовый адрес: ______________

____

ТАЛОН-ЗАКАЗ

Талон-заказ и квитанцию высылайте по адресу: 129272, Москва, Сущевский вал, 64, редакция журнала «Слово»

Тыко Вылка — широко известен был в сороковых-пятидесятых годах как «президент» Новой Земли. Это его родная земля. Там он родился в семье ненца, там помогал, как опытный проводник, экспедициям Русанова и Борисова, там долгие годы был председателем островного совета. Но настоящая, подлинная слава его шла всегда рядом с этими его общественно-государственными заботами. Он был талантливый художник, самобытный и неожиданный, поражавший не только любителей живописи, но и профессиональных художников. Высоко его ценили лично знавшие художники-северяне А. А. Борисов и С. Г. Писахов. В дневниках Степана Григорьевича сохранилась эта запись о Тыко Вылке. А на четвертой странице обложки представлены работы его из экспозиции Архангельского музея изобразительного искусства. С любезного разрешения музея слайды работ выполнил фотохудожник Виктор Коноплев.

СТЕПАН ПИСАХОВ

Родился на Новой Земле

Илья Константинович Вылка, или просто Тыко Вылка. Познакомился я с ним в 1905 г. на Новой Земле. Показал мне Тыко свои работы. Уже тогда это был большой мастер. Работы Вылки поражали неровностью: то детски неумелые, то сильные, полнозвучные, как работы культурнейшего европейца, в тонком рисунке, легких и прозрачных тонах. Но все это было. Большим мастером был Вылка до поездки в Москву.

Оставил я Вылке краски. А на просьбу «научить» — как мог, убеждал не учиться. Слишком самобытен он, и верным природным чутьем сам находил свою дорогу. Говорил я Вылке, что мы, приезжие, не знаем Новой Земли так, как он знает, и без наших указаний он лучше сделает. Но захотелось нашим меценатам вывезти в Москву Вылку, показать как чудо...

Увезли на целую зиму. С Новой Земли, от скал, льдов, штормов, от зимы-ночи с северным сиянием, от лета-дня с солнечными ночами. Все поражало Тыко Вылку, впрочем, тут уж он стал Илья Константинович. Увидав впервые леса и кусты на берегу, Вылка приуныл: «Ой, какой земля лохматый!»

В Москве, став центром внимания, а чаще просто любопытства, Вылка сразу взял верный тон и любопытствующих рассматривал, как показывающихся. Самое большое впечатление произвела на него опера: «Как скаска, луцсе сем сон видишь!»

Кино тогда не понравилось. Узнав, что «жизненность» кино происходит от быстрой смены картин, заявил: «Обман один».

Много курьезов было. Не пощадили Вылку «культурные люди». Какая-то барышня или вдова хотела замуж за него выйти (временно). Посмотрел Илья Константинович на перетянутую в корсете фигуру и просто заявил: «Не хосю, ты ненастоящая зенсцина. Тут тонко, тут сыроко».

А обученье? Тут очень неладное случилось. Заняться серьезно, внимательно отнестись к Вылке было некому, или не было времени. Стали учить по общему рецепту. Для Вылки этот рецепт оказался убийственным. С одной стороны — выставка рисунков и «картин», и успех, и шум в печати, с другой — его же учат, как совсем неумеющего.

Неохотно показывал Вылка свои московские работы.

— Ну сто, тут больсе хозяин делал. Да и худо это.

Хозяином он звал учителя.

Из Москвы вернулся Илья Константинович просто великолепным: черный плащ с золотыми пряжками, на голове котелок и а пенсне (это, как многие, для «умного вида»)!

Вместо непосредственного творчества занялся Вылка писанием «картинок». Покупают, попросту берут, кто увидит из приезжих, — платят табаком, консервами. Хочется Вылке устроить выставку своих работ, хочется собрать их побольше — да как соберешь, как не отдашь?

Прошлым летом встретился с Вылкой в Белушьей Губе. Все тот же Тыко Вылка, так же топорщатся усы. Одет во френч, на карманах френча налеплены пряжки от черного плаща. Показал Вылка свои работы — лучшие уже были отобраны у него.

— Я все спрасывал про тебя, зыв — говорили. А последние годы уз громко слысно стало. Все здал, а ты и приехал!

В разговоре Вылка спросил:

— Стоит ли продолзать рисовать?

Вопрос большой, вызванный беспощадной самокритикой. В таких случаях всегда легко убедить не бросать работу. За рисунки дают табак, молоко... А еще лучше собрать побольше рисунков да послать в краеведческое общество. Быть может, устроят выставку, или пошлют на выставку, или смогут продать.

Понадобился Вылка кинооператорам для съемок. Разом сообразил, что надо делать, и очень хорошо разыграл сборы на охоту: запряг собак, собрал все нужное, выехал на большой припай снега у берега и «помчался на охоту». Потом проделал все как на охоте: высматривал зверя, стрелял и т. д. И наконец — «возвращение с охоты». Играл Вылка с увлечением, знал, что его увидит в Москве и за границей...

ЖУРНАЛ РЕДАКТИРУЮТ:

Арсений Ларионов
главный редактор,
председатель
общественно-
редакционного
совета
Виктор Калугин,
заместитель
главного редактора
Иван Паниев,
заместитель
главного редактора
Владимир Бондаренко,
обозреватель
Алексей Тимофеев,
обозреватель

Евгений Чернов,
обозреватель
Станислав Подлесских,
коммерческий директор
Макет и оформление
Артемия Игнатьева

Формат 84×108[1]/16.
Усл. печ. л. 8,40+0,84+0,42.
Усл. кр.-отт. 21,42.
Уч.-изд. л. 14,05+0,99.
Печ. л. 5,0+5,0+0,25.
Тираж 84 000 экз.
Зак. 8571.

Адрес редакции:
129272, Москва,
Сущевский вал, 64.
Телефон для справок:
281-50-98, 281-13-69.

Набран и сверстан номер
на Тверском
полиграфкомбинате,
отпечатан в типографии АО
«Молодая гвардия».
103030, Москва,
Сущевская, 21.

Из-за экономических
трудностей редакция
не вступает в переписку
с читателями и
не рецензирует рукописи.

Ежемесячный журнал
художественной литературы
и общественной мысли.
Учредитель —
трудовой коллектив
редакции журнала.
Издается с сентября
1936 года.
№ 1—6 1992.

В НОМЕРЕ:

Фотография на память
Владимир Максимов

Достоевский сказал: «Стать русским значит перестать презирать свой народ». Но я бы добавил: и все другие народы. В наше смутное и трагически непредсказуемое время именно мы — русские — должны явить миру пример национальной терпимости и великодушия. Желаю «Слову» и его читателям оставаться всегда на высоте этого нашего национального предназначения.

Ваш
ВМаксимов

Фото Юрия Садовникова